

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 82

Сборник статей

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*;
д-р юрид. наук, профессор *С.А. Елисеев*;
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*;
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прокументов*;
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*;
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*;

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеев, А.С. Князьков, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – Ч. 82. – 232 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-94621-847-4 (отд. кн.)

В сборник включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 31 января – 2 февраля 2019 г.).

Статьи данного издания посвящены актуальным вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, а также актуальным вопросам теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Авторами исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-94621-847-4 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2019

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

А.В. Шеслер

СОДЕРЖАНИЕ НЕБРЕЖНОСТИ

Законодатель, закрепляя в ст. 5 УК РФ принцип вины и указывая на то, что объективное вменение является невиновным причинением вреда, тем самым декларирует субъективное вменение, предполагающее психическое отношение лица к совершаемому преступному деянию и его последствиям. Достаточно последовательно позиция субъективного вменения воплощается законодателем при характеристике умысла в целом (ст. 25 УК РФ) и неосторожности в виде легкомыслия (ч. 1 ст. 26 УК РФ), так как в обоих случаях в законе используются термины, отражающие наличие интеллекта и воли, которые образуют содержание вины. Однако при характеристике небрежности (ч. 2 ст. 26 УК РФ) законодатель, напротив, использует термины («не предвидело», «должно было и могло предвидеть»), свидетельствующие о том, что при этом виде неосторожности допускается отсутствие интеллекта и воли, т.е. объективное вменение. Это означает, что субъективным основанием уголовной ответственности при небрежности является риск причинить вред в результате совершения определенных деяний, связанных прежде всего с эксплуатацией источников повышенной опасности. Такая формулировка небрежности является примером некритичного восприятия ее аналогичного описания в ст. 10 УК РСФСР 1926 г. и в ст. 9 УК РСФСР 1960 г. Вместе с тем эта позиция законодателя в советский и постсоветские периоды находила своих сторонников. Исследователи отмечали, что негативные результаты небрежного отношения лица к своим обязанностям являются значительными, их причинение нельзя оставлять без наказания и возмещения, иначе это создаст прецедент совершения действий, причиняющих эти последствия. Сущность вины сторонниками объективного вменения при этом усматривалась в возможности лица предусмотреть преступные послед-

ствия, которая является его потенциальным психическим отношением к наступившим последствиям (М.В. Бавусун, В.В. Векленко, В.Г. Макашвили и др.).

Признание объективного вменения при небрежности приводит, на наш взгляд, к следующим негативным последствиям. Прежде всего, в науке уголовного права вместо психологического содержания небрежности обсуждаются критерии наличия возможности предвидения последствий деяния (объективные и субъективные критерии небрежности), которые к вине не имеют отношения и в большей степени характеризуют состояние вменяемости лица в момент совершения им деяния. В результате большая часть авторов, которые исходили из того, что небрежность предполагает психическое отношение к деянию, считали субъективным основанием ответственности при такой вине возможность предвидения последствий при отсутствии данного предвидения (П.С. Дагель, В.А. Нерсисян, И.М. Тяжкова, Б.С. Утевский, М.Г. Угрехелидзе и др.). Эти теоретические суждения способствуют сохранению действующей формулировки небрежности в уголовном законе, расширению круга криминализируемых деяний, связанных с эксплуатацией источников повышенной опасности, оправданию практики привлечения к уголовной ответственности без субъективного основания (если таким не считать риск). Правоприменитель при установлении небрежности скатывается к позиции оценочной теории вины, при которой лицу, совершившему деяние, вменяется его результат с упреком в том, что из-за беспечного отношения лица к чужим интересам оно не предвидело его.

Признание объективного вменения при небрежности дает также сторонникам критикуемой позиции основания утверждать, что небрежность является единственным видом неосторожности, а легкомыслие – разновидностью умысла, поскольку как косвенный, так и прямой умысел характеризуется психическим отношением лица к содеянному, прежде всего предвидением общественно опасных последствий. Воплощение такого подхода в законодательстве неизбежно усилит уголовно-правовую репрессию, так как расширит круг преступлений, относимых к умышленным, соответственно, круг тяжких и особо тяжких преступлений, за которые предусмотрены более длительные сроки давности уголовного преследования (ст. 78, 83 УК РФ) и погашения судимости (ст. 86 УК РФ), а также иные более тяжкие уголовно-правовые последствия.

Кроме того, последовательная реализация критикуемого подхода в уголовном законе и практике его применения не позволит достичь целей уголовного наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, так как достижение этих целей связано с воздействием наказания на сознание и волю виновного, составляющих содержание вины. Само наказание при критикуемой постановке вопроса неизбежно превратится в меру безопасности в отношении лица, совершившего объективно противоправное деяние. Следует также указать на нарушение при объективном вменении принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), требующего учета личности при назначении наказания, которая может не обладать общественной опасностью в связи с отсутствием ее отрицательного психического отношения к деянию.

Указанные аргументы дают нам основание поддержать тех авторов, которые при небрежности усматривают наличие реального психического отношения лица к совершаемому им деянию, а не его потенциальную возможность (В.В. Лунеев, В.В. Питецкий и др.). Полагаем, что интеллектуальный момент небрежности составит осознание виновным лицом фактического характера своего деяния (совершения или несовершения определенных телодвижений), а также осознание общей противоправности деяния, т.е. нарушения общих (бытовых, обыденных) правил предосторожности (ст. 109, 118 УК РФ и др.) или специальных правил (требований) предосторожности (ст. 215, 216 УК РФ и др.). Волевой момент небрежности состоит в том, что виновное лицо направляет свои усилия на нарушение указанных правил, а также на достижение полезного или социально-нейтрального результата в результате таких нарушений.

И.В. Ботвин

РЕАЛИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ЕГО ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЯХ

За более чем 20-летний период действия Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в него внесено более тысячи различных изменений и дополнений, что делает его самым нестабильным среди уголовных законов стран СНГ. Только за 2018 г. принято

20 Федеральных законов, которыми были внесены комплексные изменения в УК РФ. К примеру, в большинстве европейских стран подобного рода изменения и дополнения производятся в исключительных случаях и крайне редко.

Изменения УК РФ за последние 8 лет позволяют сделать вывод об их противоречивости по отношению к действующим принципам уголовного закона. Таких примеров можно привести достаточно много. Так, принцип, названный в ст. 5 УК РФ, не способен регулировать ситуацию, когда лицо не осознавало наличие уголовно-правового запрета на совершаемые им действия, например, если оно на момент осуществления посягательства страдало тяжелым физическим недугом, находилось в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения и т.д. Кроме того, исходя из логики законодателя, лицо, не знающее о наличии уголовно-правового запрета, не может осознавать общественную опасность совершаемого им деяния, а принятие иного решения будет неизбежно нарушать принцип субъективного вменения, следовательно, и принципа законности.

Говоря о принципе справедливости, в первую очередь хочется сказать о безмерном судебском усмотрении, которое не встретить в других развитых странах, что в конечном итоге далеко не всегда приводит к назначению справедливого наказания.

Примером нарушения принципов уголовного закона может служить и то, что в действующем законе продолжает существовать норма, согласно которой ответственность усиливается за преступления, совершенные сотрудником органов внутренних дел (п. «о» ч. 2 ст. 63 УК РФ), однако ее регламентация по сей день остается за рамками принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Еще одной иллюстрацией нарушения вышеуказанного принципа выступает декриминализация нормы об оскорблении, однако это никак не отразилось на его специальных видах (ст. 297, 319, 336 УК РФ), которые остались в неизменном виде. Это говорит о том, что положение потерпевшего и его статус (участник судебного разбирательства, представитель власти, военнослужащий) имеют существенное значение для законодателя.

Избирая те или иные уголовно-правовые средства, законодатель стремится решить лишь узкую конкретизированную задачу по борьбе с отдельно взятыми явлениями, оставляя в стороне тенденции развития и динамику преступности, криминальную ситуацию в

стране и отдельных регионах, что приводит к разрушению системы уголовно-правового запрета. Отсутствие или неверная постановка концептуальной цели противодействия преступности влечет избрание негодных средств ее достижения, приводя к случайным и противоречивым изменениям и дополнениям УК РФ.

Мы вынуждены констатировать, что изменения, вносимые сегодня в УК РФ, носят скорее эмоциональный контекст, нежели концептуальный расчет и комплексный подход. В сложившейся ситуации представляется необходимым разработать концепцию комплексного преобразования уголовного закона, которая должна начинаться с постановки цели, пересмотра принципов Уголовного кодекса, избрания конкретных средств реализации этих целей и принципов.

О.В. Ермакова

СЛОЖНОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одним из важных этапов квалификации преступления выступает определение юридического момента окончания деяния; как показывает анализ судебной практики, правоприменительные органы допускают ошибки в квалификации деяния, связанные с неверным определением момента окончания преступления, в результате чего преступление признается неоконченным. Допускаемые ошибки в определении момента окончания преступления в первую очередь связаны с неверным установлением вида конструкции состава преступления. Например, судом судебного участка № 5 Каменского судебного района Ростовской области по ст. 156 УК РФ была осуждена мать, которая ненадлежащим образом осуществляла обязанности по воспитанию несовершеннолетнего сына, жестоко с ним обращалась. В приговоре подробно описываются те последствия, которые наступили в результате совершения деяния, на основании чего суд вменяет окончанный состав преступления¹. Однако состав неисполнения

¹ Ермакова О.В., Шаганова О.М. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, связанные с конструкцией состава и определением момента окончания преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 52–55.

обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по конструкции объективной стороны является формальным, соответственно, преступные последствия находятся за рамками состава преступления и не влияют на момент окончания данного деяния.

Неверное определение вида конструкции состава преступления имеет место и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в части разъяснений по ст. 150 и 151 УК РФ указывается: «Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ, либо ст. 151 УК РФ»¹. Однако в диспозициях ст. 150, 151 УК нет указания на преступные последствия, при обрисовке этих преступлений законодатель использовал конструкцию формального состава преступления. Соответственно, квалификация вовлечения в качестве оконченного преступления не зависит от каких-либо последствий.

Возникновение данной проблемы, по нашему мнению, представляется вполне закономерным, поскольку, несмотря на разработку еще в XIX в., классификации составов оконченных преступлений, до настоящего времени не определено классификационное основание, не достигнута терминологическая и численная определенность в выделяемых видах.

Следовательно, только создание четкой классификации составов оконченных преступлений, на основе которой будут создаваться и закрепляться конкретные составы в нормах Особенной части УК РФ, позволит единообразно толковать уголовный закон, а также избежать ошибок при квалификации преступных деяний в правоприменительной деятельности.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

ВОЗРАСТ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Возраст является формальным признаком субъекта преступления, используемым законодателем, во-первых, для обозначения точки появления осознанности, а во-вторых, как необходимое условие применения наказания. В уголовном законодательстве возраст установлен в Общей части УК РФ, где прописано правило определения возраста 16 (14) лет, а в Особенной части УК РФ для каждого состава наличие субъекта подразумевается. Возрастная характеристика субъектов в основных составах преступлений выглядит следующим образом: 16 лет (87%), 14 лет (10%), 18 лет (3%)¹.

Возраст выступает критерием смыслового раздела, который проходит по трем значениям: 1) осознанности / неосознанности для определения субъекта; 2) преступности / не преступности для деяния; 3) ответственности / безответственности для применения репрессии к субъекту. Если взять две возрастные точки, в которых возможно совершение преступления: 13 лет 364 дня 23 часа и 14 лет 0 дней 2 часа, то при наступлении одинаковых фактических последствий мы получим совершенно различную юридическую оценку. В первом случае мы говорим, что общественно опасное деяние совершено не субъектом, а во втором случае – преступление совершено субъектом. Такая разница в оценке обусловлена изъяном в модели субъективного понятия преступления, содержащего признаки виновности и наказуемости. Следовательно, проблема здесь не в возрасте, а в адекватности его представления в уголовно-правовых конструкциях.

Не возраст должен определять, является ли деяние преступлением или нет, делать это необходимо с помощью существенных признаков самого преступления. Достижение возраста и, как следствие, получение социального осознания ставит вопрос лишь о возможности лица отвечать за свои действия.

На преступление необходимо смотреть с точки зрения общества, что означает понимать его с объективных позиций. Для общества и

¹ Турьшев А.А. Субъект преступления в Особенной части УК РФ // Правовые технологии. 2018. № 2. URL: <http://www.lawtech.ru/journal/articles/18183> (дата обращения: 31.01.2019).

отдельно взятого потерпевшего, в отношении которого совершается преступление, безразличен возраст преступника, а важен причиняемый вред. Например, потерпевшему совершенно не важно, кто его лишает жизни – лицо, достигшее 13 или 14 лет, поскольку действия и того и другого ведут к причинению смерти и имеют одинаковую общественную опасность. Вопрос о возрасте ставится уже после, когда возникает необходимость принять решение, что делать дальше с лицом, совершившим это преступление.

Возраст не имеет значения при возбуждении уголовного дела, когда виновный не установлен. Например, уголовное дело по нераскрытой краже будет возбуждено по факту. При этом отсутствие субъекта не влияет на процесс квалификации, поскольку субъект у каждого преступления подразумевается. Исходя из этого, субъект преступления может быть определен как физическое лицо, совершившее преступление. Это подводит нас к дуальности понимания субъекта, где происходит смещение акцентов: субъект преступления как лицо, его совершившее, и субъект уголовной ответственности как лицо, несущее определенную форму ответственности.

Таким образом, возраст имеет значение лишь для возможности общества и государства применить уголовно-правовое воздействие к лицу, совершившему преступление. Возрастная картина по применению различных форм уголовной ответственности должна выглядеть следующим образом:

- возраст принудительных мер воспитательного воздействия (от 10 до 14 (16) лет и от 14 (16) до 18 лет);
- возраст принудительных мер медицинского характера (от 14 (16) лет до момента смерти);
- возраст наказания, конфискации имущества или судебного штрафа (от 14 (16) лет до момента прекращения сознательности).

А.М. Трухин

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО (ст. 105 УК РФ)

В ст. 105 УК РФ содержатся две части. В части 1 этой статьи определяется ответственность за простое убийство, а в ч. 2 – за квалифицированное (с отягчающими обстоятельствами). Принято счи-

тать, что все виды убийств, предусмотренные в диспозициях ст. 105 УК, являются преступлениями особо тяжкими. Согласно ч. 5 ст. 15 УК особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание. Критерием определения категории преступления является не только максимум, но и минимум наказания. Но тогда возникает вопрос, почему за простое и, тем более, за квалифицированное убийство санкции за них предусматривают минимумы наказаний 6 и 8 лет лишения свободы, а не 10 лет? При этом максимум наказания по ч. 2 ст. 105 УК – пожизненное лишение свободы либо смертная казнь. Почему некоторые виды квалифицированного убийства с исключительно отягчающими обстоятельствами не выделены из диспозиции ч. 2 в отдельную ч. 3 с установлением за них в санкции исключительных видов наказания в виде пожизненно-го лишения свободы либо смертной казни? Например, убийство двух или более лиц, в связи с исполнением потерпевшим служебного или общественного долга, с особой жестокостью.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2016 г. № 58 (в редакции от 29.11.2016 № 56) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» нет ни слова о том, когда, при каких обстоятельствах судам следует назначать за совершенное преступление исключительную меру наказания. В то же время в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ в редакции от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в п. 20 содержится следующее положение: «Смертная казнь как исключительная мера наказания может применяться за совершение особо тяжкого преступления, посягающего на жизнь, лишь тогда, когда необходимость ее назначения обуславливается особыми обстоятельствами, свидетельствующими о высокой степени общественной опасности содеянного, и, наряду с этим, крайне отрицательными данными, характеризующими виновного как лицо, представляющее исключительную опасность для общества». Ранее, во втором абзаце п. 20, говорилось о назначении пожизненного лишения свободы следующее: «При назначении виновному пожизненного лишения свободы в приговоре в силу ст. 57 УК должны быть указаны мотивы назначения этого наказания **как альтернативы смертной казни** (здесь и далее выделено мной. – А.Т.),

которую суд **счел возможным** не применять». Позднее это положение Пленум счел необходимым исключить из Постановления. Полагаем, что сделал он это абсолютно необоснованно.

Сравнивая ст. 158 и 105 УК, можно сделать вывод, что законодатель в ст. 158 осуществил излишнюю дифференциацию ответственности, а в ст. 105 УК, напротив, недостаточно дифференцировал.

Обстоятельства, отягчающие наказание, предусмотренные в ст. 63 УК, могут определяться как признаки основных, квалифицированных или особо квалифицированных составов преступлений.

С учетом изложенного, предлагаем следующую редакцию ст. 105 УК РФ:

Ч. 1. Простое убийство наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

Ч. 2. Квалифицированное убийство наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет.

Ч. 3. Особо квалифицированное убийство наказывается лишением свободы на срок от двадцати до двадцати пяти лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

М.А. Малетина

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

На основании изменений, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ, уголовно наказуемым деянием является содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ).

Следует отметить, что за период существования данной нормы в следственно-судебной практике она применялась редко. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России за 2017 г. и первый квартал 2018 г. в стране зарегистрировано всего 22 преступления, совершенных по ст. 110.1 УК РФ, из которых основную часть составляют преступные пося-

гательства, предусмотренные ч. 1 указанной статьи (склонение к совершению самоубийства). В суд направлено только шесть уголовных дел.

Анализ изученной судебной практики свидетельствует о том, что наиболее распространенными способами совершения данного преступного посягательства в настоящее время являются советы, указания и предоставление информации¹. Тем не менее представляется, что с развитием общественных отношений способы совершения рассматриваемого преступления могут изменяться. Это неизбежно приведет к тому, что иные действия, хотя и обладающие признаками пособнического характера совершению самоубийства, не смогут признаваться уголовно наказуемыми, поскольку законодательное описание объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, представляет собой закрытый перечень действий виновного лица.

Даже в настоящее время установленный законодателем перечень способов содействия самоубийству, на наш взгляд, не охватывает всех возможных ситуаций совершения данного преступления. К примеру, на практике могут возникнуть трудности при квалификации действий лица, передающего информацию, орудия и средства совершения самоубийства от лица, их предоставляющего, к потерпевшему. Кроме того, такие действия, как предоставление лицом помещения для совершения самоубийства, обещание оказать помощь в совершении самоубийства путем введения инъекции лекарственных препаратов или иным способом, обещание позаботиться о детях потерпевшего или его престарелых родителях после совершения им самоубийства, не вписываются ни в один из способов содействия самоубийству, регламентированных законодателем.

Включение в диспозицию рассматриваемой нормы вышеперечисленных способов совершения данного преступления, на наш взгляд, приведет к излишней громоздкости конструкции рассматриваемой нормы. Кроме того, указанный вариант решения проблемы будет являться лишь временным ввиду того, что с изменением процессов, происходящих в обществе, способы совершения рассматриваемого нами преступного посягательства могут также изменяться, что вновь повлечет за собой необходимость внесения соответствующих изменений, поэтому он вряд ли приемлем.

¹ См., например: архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-498 за 2018 г.

На основании изложенного полагаем, что перечень способов содействия совершению самоубийства следует оставить открытым за счет дополнения нормы, регламентированной в ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, словами «либо иными способами».

С.С. Уткина

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

На фоне заметного снижения преступности несовершеннолетних, зарегистрированного как на общероссийском, так и на региональном уровнях, их судимость не имеет такой четкой тенденции к снижению. В 2015 г. в Томской области федеральными судами было осуждено 256 лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, в 2016 г. – 277, в 2017 г. – 251, в первой половине 2018 г. – 99. При этом до судебного рассмотрения доходит примерно 6 из 10 зарегистрированных преступлений несовершеннолетних. Соотношение между зарегистрированными преступлениями, обвинительными приговорами федеральных (преимущественно районных) судов и мировых судей выглядит, соответственно, как 20:10:1.

Так, в 2017 г. в Томской области было зарегистрировано 483 преступления несовершеннолетних, а осуждено всего 275 человек (57%), в том числе федеральными судами – 251 человек, мировыми судьями – 24 человека. Понятно, что дела по преступлениям, находящимся в компетенции мировых судей (ч. 1 ст. 31 УПК РФ), чаще всего заканчиваются освобождением подростков от уголовной ответственности по предусмотренным законом основаниям.

Основная масса преступлений несовершеннолетних, дела по которым рассматриваются районными судами, – это преступления средней тяжести, причем их доля постепенно растет. В 2015 г. за такие деяния было осуждено 33% лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в 2016 г. – 40%, в 2017 г. – 47%, в первом полугодии 2018 г. – 58%. Существенно снижается доля осужденных за тяжкие преступления (соответственно по годам – 58, 52, 45 и 36%), тогда как доля осужденных за особо тяжкие преступления остается неизменной на уровне 4–6%.

В числе преступлений, за которые осуждены лица, совершившие их в возрасте до 18 лет, традиционно преобладают преступления против собственности (глава 21 УК РФ), причем их доля неуклонно растет: в 2015 г. – 75%, в 2016 г. – 83%, в 2017 г. – 88%, в первом полугодии 2018 г. – 85%. В их числе преобладают кражи. Если в 2015 г. за совершение краж было осуждено 36% виновных, то в 2016 г. – 35%, в 2017 г. – 47%, в первом полугодии 2018 г. – 61%.

Заметно снижается доля осужденных за грабеж (2016 г. – 25%, 2017 г. – 16%, первая половина 2018 г. – 12%).

Незначителен и стабилен удельный вес осужденных за разбой (3–5%).

Заметно снизились количество и доля несовершеннолетних осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ: в 2015 г. – 14%, в 2016 г. – 12%, в 2017 г. – 8%, в первом полугодии 2018 г. – 8%.

Эта тенденция отмечается и применительно к преступлениям против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ). В 2015 г. за такие деяния было осуждено 8,4% несовершеннолетних, в 2016 г. – 4%, в 2017 г. – 2,5%, в первом полугодии 2018 г. – 3%.

Среди осужденных преобладают лица мужского пола (93% по всем годам). Более половины (55–60%) достигают совершеннолетия к моменту вынесения приговора. В числе осужденных – от 63 до 76% – это учащиеся, студенты вузов и техникумов. Крайне невелика (1–3%) доля работающих.

В числе назначенных виновным наказаний реальное лишение свободы продолжает демонстрировать тенденцию к снижению. Если в 2015 г. оно было назначено 18% осужденным, то в 2016 г. – 17%, в 2017 г. – 14%, а в первом полугодии 2018 г. – 9%. Однако эта тенденция по-разному проявляется при назначении наказаний за насильственные и корыстные преступления.

В 2016 г. к реальному лишению свободы за преступления, предусмотренные главой 16 УК РФ, осуждено 44% несовершеннолетних, в 2017 г. – 50%, в 2018 г. – 33%. В то же время приговорами по статьям главы 21 УК РФ было назначено реальное лишение свободы в 17% (2015 г.), 16% (2016 г.), 13% (2017 г.) и 8% (2018 г.) случаев.

Практически единственной альтернативой реальному лишению свободы за насильственные преступления является условное осуждение к лишению свободы. Лишь в одном случае, причем еще в 2015 г., суд назначил наказание в виде обязательных работ. Несмот-

ря на некоторую тенденцию к снижению, условное осуждение продолжает преобладать среди применяемых судами мер, причем наиболее часто – при осуждении за насильственные преступления. Это связано с тем, что, как сказано выше, суды считают его единственной альтернативой реальному лишению свободы.

Что же касается наказуемости в целом, а также наказаний за корыстные преступления, то в этом отношении картина более разнообразна. Условное осуждение к лишению свободы находится на уровне 45–46%, в том числе назначается за преступления против собственности в 42–44% случаев. На втором месте среди назначенных наказаний (по всей массе приговоров) – обязательные работы (в 2018 г. – 29%), причем их доля выросла по сравнению с 2015 г. в два раза. Назначенные осужденным штрафы составляют незначительную долю (в среднем 5%), что вполне понятно ввиду отсутствия у виновных заработка.

Несмотря на то что от четверти до трети (в разные годы) осужденных не работают и не учатся, доля назначенных им наказаний в виде исправительных работ крайне незначительна (1–2%), что, по-видимому, объясняется сложностями их трудоустройства «в иных местах» (ст. 50 УК РФ). Наконец, практически не применяется к осужденным наказание в виде ограничения свободы (ст. 53, п. «д» ч. 1 ст. 88 УК РФ), это подтверждает ранее сделанные выводы, что данное наказание на практике не выдерживает «конкуренции» с условным осуждением к лишению свободы.

М.Т. Валеев

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ч. 1 ст. 200.6 УК РФ

В случаях, предусмотренных Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ, заказчики при осуществлении закупок привлекают экспертов, экспертные организации. Федеральным законом от 27.12.2018 № 520-ФЗ введена ст. 200.6 УК РФ, предусматривающая ответственность за дачу экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров,

работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, если это повлекло причинение крупного ущерба. Криминализация деяния обусловлена, во-первых, необходимостью защиты отношений в сфере контрактной системы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, урегулированных Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ; во-вторых – сложностью квалификации случаев подкупа эксперта, привлеченного для дачи заключения в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, признаки такого эксперта не укладываются в легальные определения должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции. Во-третьих, Президентом РФ в Послании Федеральному собранию РФ от 1 марта 2018 г. указано на необходимость проработки механизмов усиления уголовной ответственности за нарушения при осуществлении электронных государственных закупок.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 200.6 УК РФ, – материальный – требует наступления крупного ущерба. На наш взгляд, такое последствие не отражает общественной опасности возможных последствий деяния. Как следует из ст. 94 44-ФЗ, исполнение контракта состоит из следующих стадий: приемка товара, услуги, работы, их оплата заказчиком, взаимодействие заказчика с поставщиком при изменении, расторжении контракта, применении мер ответственности и совершении иных действий в случае нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или заказчиком условий контракта.

Не вызывает особых проблем оценка, при которой заведомо ложная экспертиза явилась условием оплаты фактически некачественных товаров, работ, услуг на стадии их приемки. Однако на практике имеются случаи, когда ложная экспертиза не влечет за собой оплату, а значит, и причинение ущерба, но подтверждает ее легитимность. Например, заведомо ложная экспертиза дана после оплаты уже принятого фактически некачественного товара, услуги, работы. Или заведомо ложная экспертиза дана в отношении отдельного этапа исполнения контракта, который в целом принят заказчиком.

Кроме того, Закон 44-ФЗ упоминает три случая участия экспертов: 1) для обеспечения экспертной оценки конкурсной документации, заявок на участие в конкурсах, осуществляемой в ходе проведения предквалификационного отбора участников конкурса, оценки

соответствия участников конкурсов дополнительным требованиям заказчик вправе привлекать экспертов; 2) при приемке товаров, результатов работ, услуг в ходе исполнения контракта; 3) при одностороннем расторжении контракта по инициативе заказчика.

Дача заведомо ложного заключения может иметь место во всех трех случаях. Права и законные интересы участников конкурсов, торгов, закупок при этом нарушаются, однако ущерб для заказчика или поставщика может и не наступить. Например, когда заведомо ложное заключение послужило основанием для недопущения к участию в конкурсе или, напротив, к необоснованному допуску и победе в конкурсе. Либо проведенная заведомо ложная экспертиза (например, «стартовых» экземпляров) послужила основанием одностороннего отказа от исполнения контракта. В данных случаях нарушаются и такие закрепленные в ст. 6 44-ФЗ принципы контрактной системы в сфере закупок, как открытость, прозрачность информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечение конкуренции, ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок.

Учитывая значительную общественную опасность дачи заведомо ложного экспертного заключения, а также вариативность возможных негативных последствий, считаю, что при определении последствий преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 206 УК РФ, законодатель не должен был ограничиваться наступлением крупного ущерба, в связи с чем редакция нормы должна была бы выглядеть в следующем виде: «Дача экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Под существенным нарушением в таком случае следовало бы понимать нарушение прав, гарантированных принципами, закрепленными Федеральным законом № 44-ФЗ, умаление деловой репутации, дискредитацию органов власти и т.д.

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Как отмечается в научной литературе и СМИ, проблема незаконного потребления электроэнергии достигла угрожающего масштаба, каждый год в России похищается около 10% электроэнергии.

На практике случаи несанкционированного подключения к энергосетям, создающего возможность неучтенного потребления электроэнергии, квалифицируются, учитывая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные в п. 22 в Постановлении от 30.11.2017 № 48, по ст. 165 УК РФ либо по ст. 7.19 КоАП РФ (в зависимости от размера ущерба).

Вместе с тем отдельные случаи потребления электроэнергии с нарушением установленного порядка получают неоднозначную оценку.

Так, представители поставщиков электроэнергии обращаются в правоохранительные органы с заявлениями о привлечении к ответственности лиц, которые самовольно используют (потребляют) электрическую энергию в коммерческих целях от сети электроснабжения внутриквартирной нагрузки в нарушение п. 6 ст. 2 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ.

Как известно, для бытовых и коммерческих (производственных) целей потребления установлены различные системы определения размера платы за ресурс. Поставщики электроэнергии расценивают действия по потреблению электроэнергии для коммерческих (производственных) целей в нарушение установленного порядка (с оплатой по тарифу для населения) как причиняющие им ущерб и требуют привлечения к ответственности (как правило, по ст. 7.19 КоАП РФ). При этом как самовольное использование ими предлагается оценивать действия по использованию без разрешения энергоснабжающей организации или с нарушением правил, установленных законом (в частности, обязанности потребителей соблюдать установленные режимы потребления), без специального договора на потребление в коммерческих целях.

Вместе с тем в ст. 7.19 КоАП РФ указано на самовольное (безучетное) использование электрической энергии. Понятие «скобки» в

справочной литературе раскрывается как парный знак препинания для выделения отдельных слов или частей предложения, содержащих пояснения к основному тексту. Слово «безучетное», взятое в диспозиции нормы ст. 7.19 КоАП РФ в скобки, заключает в себе пояснение к слову «самовольное». При желании законодателя выделить две разновидности использования (самовольное и безучетное) в ст. 7.19 КоАП РФ в тексте была бы использована запятая.

Таким образом, в ст. 7.19 КоАП РФ предусматривается ответственность за самовольное подключение, а также за самовольное, т.е. безучетное использование электроэнергии¹. Отсутствие отдельного учета потребляемой электроэнергии не содержит признаков состава правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ, так как не совершается каких-либо действий (бездействия), которые привели бы к искажению данных об объемах потребления. Вместе с тем в КоАП РФ в 2011 г. введена ст. 7.27.1 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Как известно, эта статья была введена после частичной декриминализации ст. 165 УК РФ и установления размера уголовно наказуемого ущерба в 250 тыс. руб. Как видится, при наличии расчетов, подтверждающих причинение имущественного ущерба поставщику электроэнергии в результате потребления ресурса в коммерческих, а не бытовых целях, содеянное может быть квалифицировано по ст. 165 УК РФ или ст. 7.27.1 КоАП РФ, так как виновный, действуя путем обмана (в нарушение установленного порядка не сообщает о том, что потребление осуществляется в коммерческих целях), не производит должную оплату за потребленный ресурс.

¹ Понятие безучетного потребления электроэнергии раскрывается в специальном подзаконном акте Постановления Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» и определяется в целом как действия (бездействия), которые привели к искажению данных об объеме потребления электрической энергии (мощности).

**МОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ,
РАСОВОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ
НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ ЛИБО ПО МОТИВАМ
НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ В ОТНОШЕНИИ
КАКОЙ-ЛИБО СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ
КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК
УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ
ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА**

Одним из критериев эффективности уголовного закона является установление и формулирование системы квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, которые увеличивают степень и характер общественной опасности преступления в зависимости от различных оснований (причинение вреда дополнительному объекту, особенности объективной и субъективной стороны и т.д.).

К квалифицированным видам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, отнесены такие, как: 1) умышленное уничтожение или повреждение имущества из хулиганских побуждений; 2) умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога, взрыва или иным общественно опасным способом; 3) умышленное уничтожение или повреждение имущества, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия. Исходя из буквального толкования ч. 2 ст. 167 УК РФ, можно сделать вывод, что между указанными квалифицирующими признаками не проведена градация по степени общественной опасности, они располагаются в одной части статьи. При конструировании состава рассматриваемого преступления также не были учтены обстоятельства, которые могут менять характер и степень опасности содеянного.

Так, в качестве квалифицирующего признака умышленного уничтожения или повреждения имущества, на наш взгляд, необходимо предусмотреть его совершение по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, поскольку они, так же как и хулиганские побуждения, изменяют характер и повышают степень общественной опас-

ности преступления. Так, нередко поджоги чужого имущества совершаются националистическими организациями. Виновные, совершая преступление, руководствуются чувством неприязни к какой-либо определенной социальной общности, отличающейся по следующим признакам: раса, нация, пол, возраст, принадлежность к определенному социальному классу или т.д. Кроме того, такие действия могут быть совершены из-за нетерпимости к другим религиозным убеждениям, системе взглядов, процессу осуществления государственной власти и т.д. Например, в период с конца июня по июль 2011 г. в г. Балашиха Московской области совершались поджоги автомобилей с государственными номерами, которые зарегистрированы в южных регионах России – Кабардино-Балкарии и Дагестане. В результате противоправных действий пострадало более десятка автомобилей как отечественного, так и иностранного производства разного ценового сегмента (ВАЗ 21014, Mercedes S-класса и т.д.)¹. Неустановленные лица поджигали автомобили с номерными знаками северокавказских регионов РФ в г. Астрахань. Так, за одну ночь в городе были подожжены две машины с номерами Чечни и Дагестана, а ранее там сожгли 15 машин с такими же номерными знаками².

Надо сказать, что достаточно часто поджоги чужого имущества используются и для выражения социальных протестов в обществе. В качестве предмета совершения таких поджогов выбираются дорогостоящие автомобили. Виновные, как правило, поджигают их в ночное время, при этом за одну ночь подвергнуться уничтожению может значительное их количество. Лица, совершающие подобные неправомерные действия, могут считать, что владельцы таких автомобилей не зарабатывают их «честным» путем и т.д.

Так, осенью 2011 г. в Москве имела место серия поджогов дорогих авто, группа поджигателей распространила в интернете заявление о своей причастности к этим поджогам, подчеркнув, что машины дешевле 1 млн рублей они не трогают принципиально³.

¹ Поджог по региональному признаку. URL: <http://www.balgid.ru/news/novosti-balashikhi/podzhog-po-regionalnomu-priznaku>

² 17 машин с кавказскими номерами сожгли в Астрахани. URL: http://www.trud.ru/article/21-05-2013/1293914_17_mashin_s_kavkazskimi_nomerami_sozhgli_v_astraxa-ni.html

³ 5 причин поджогов машин. URL: <http://www.avtovzglyad.ru/article/2014/09/19/614745-5-prichin-podzhogov-mashin.html>

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В апреле 2018 г. Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности, вновь подверглась серьезным изменениям и дополнениям.

На основании Федерального закона РФ от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ обозначенная Глава дополнена новеллами: ст. 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»; ст. 200.5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок». Дополнение Главы 22 УК РФ указанными новеллами обусловлено, по мнению законодателя, необходимостью усиления ответственности за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Проанализировав правоприменительную практику, следует отметить, что до дополнения Главы 22 УК РФ обозначенными новеллами имел место значительный пробел в законодательном регулировании ответственности за злоупотребления в данной сфере как лицами, представляющими интересы государственных или муниципальных заказчиков, так и лицами, исполняющими государственные либо муниципальные контракты. При этом до введения в УК РФ ст. 200.4–200.5 преступления, связанные с так называемыми откатами при осуществлении поставок товаров, выполнении работ, оказании услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, квалифицировались по следующим статьям УК РФ: «мошенничество» – ст. 159; «злоупотребление полномочиями» – ст. 201; «злоупотребление должностными полномочиями» – ст. 285; «коммерческий подкуп» – ст. 204; «получение взятки» – ст. 290; «дача взятки» – ст. 291. В приведенной ситуации, на наш взгляд, имело

место применение уголовного закона по аналогии, поскольку к уголовной ответственности привлекались лица, не являющиеся должностными лицами (например, работники контрактной службы, контрактные управляющие, члены комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг). Таким образом, деяния, запрещаемые ст. 200.4–200.5 УК РФ, не могут представлять собой уголовно наказуемое злоупотребление служебным положением.

Одновременно, до криминализации деяния, запрещаемого ст. 200.5 УК РФ, не предусматривалась ответственность и за подкуп работников контрактной службы, контрактных управляющих, членов комиссии по осуществлению закупок и иных лиц, принимающих непосредственное участие в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Также следует отметить, что в результате совершения обозначенных деяний причиняется существенный вред не только бюджетной системе Российской Федерации, а также бюджетным учреждениям и иным лицам, которые являются на основании Федерального закона РФ от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» заказчиками либо участниками закупки. Между тем, до введения в УК РФ ст. 200.4–200.5 деяния, наказуемые ими, влекли за собой только административную ответственность.

Таким образом, дополнение законодателем Главы 22 УК РФ указанными новеллами и как результат – «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности, являются обоснованными, поскольку станет возможным привлекать к ответственности за причинение ущерба бюджетной системе Российской Федерации как должностных лиц, так и лиц, не являющихся таковыми.

И.А. Никитина

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИКИ

Присоединение России к ВТО активировало включение ее не только в мировую экономику, но и в иные интеграционные процес-

сы. Прежде всего, важно было основательно укрепить экономические и иные связи с государствами-соседями, создать с ними общее экономическое и по возможности правовое и культурное пространство. Необходимо решительное укрепление экономического правопорядка, с использованием как криминологических, так и уголовно-правовых мер. Основными методами новой уголовной политики стали декриминализация и депенализация общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности, а также преимущественное использование штрафных санкций и экономических мер правового воздействия на нарушителя уголовного закона.

Предпринимаемые в настоящее время, начиная с 2012 г., меры по внедрению знака качества продукции, проводимой на предприятиях Таможенного союза (эмблема ЕАС – Европейское соответствие) потребуют введения в УК РФ (как и в уголовное законодательство Белоруссии и Казахстана) статьи об ответственности за подделку данного знака, а также за проставление его на продукции, не отвечающей соответствующим требованиям. Это не исключает необходимости введения в государствах, входящих в Таможенный союз (теперь в ЕврАзЭС), своих знаков качества и своих мер уголовно-правовой охраны. Целесообразно включить в УК РФ общий состав преступления, совершаемого в сфере экономической деятельности, а именно состав злоупотребления на рынке. Соответствующая статья могла бы предусматривать ответственность за те злоупотребления, которые остаются за рамками специальных составов такого рода, предусмотренных составами главы 22 УК РФ. Составы ряда экономических преступлений (например, преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹, 175, 176, 178, 185³, 189, 198, 199 УК РФ) целесообразно дополнить квалифицированными составами соответствующих деяний, а именно составами деяний, совершаемых с использованием высоких технологий. Использование такой техники и подобных технологий при совершении экономических преступлений значительно повышает их опасность, поскольку существенно облегчает их совершение и, соответственно, затрудняет обнаружение, кроме того, облегчает совершение и сокрытие, скажем легализации (отмывания) полученных преступным путем денежных средств или (и) иного имущества.

В условия присоединения России к ВТО ограничиваются и даже снимаются многие таможенные барьеры и была осуществлена в со-

ответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. декриминализация контрабанды в части денег и иного имущества, находящегося в легальном обороте. Однако действия законодателя оказались поспешными, и в июне 2013 г. УК РФ дополнен ст. 200¹, предусматривающий ответственность за контрабанду наличных средств и (или) денежных инструментов. Таким образом, предмет контрабанды наряду с денежными средствами дополняется денежными инструментами, т.е. документами, удостоверяющими денежные обязательства должников без указания на лицо, которому причитаются соответствующие выплаты (дорожные и банковские чеки, векселя, ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие названные обязательства).

Однако за рамками данной нормы остается имущество как такое и безналичные денежные средства, в том числе находящиеся на кредитных и расчетных картах или иных платежных документах. Такая контрабанда, если она осуществляется в крупном или особо крупном размере, безусловно, представляет общественную опасность, поэтому нуждается в криминализации.

Дальнейшее совершенствование состава контрабанды может быть осуществлено путем, во-первых, криминализации контрабанды находящегося в легальном обороте имущества (товары, продукция, иные вещественные ценности) или безналичных средств; во-вторых, разделения состава данного преступления в остальной его части на составы контрабанды: а) культурных ценностей; б) стратегически важных товаров, продукции и(или) иных ценностей такого рода; в-третьих, уточненного указания на линию, пересекаемую перемещаемыми ценностями, товарами и т.д. (таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, а также государственная граница РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС). Важно также дифференцировать ответственность за перечисленные виды контрабанды с учетом того, является она ввозной или вывозной. Например, имеет существенное различие опасность незаконного вывоза из страны или незаконного ввоза в нее культурных ценностей.

Заслуживает специальной криминализации контрабанда контрафакта. В настоящее время отечественный рынок наводнен такими «товаром». Например, одни только ввозимые в нашу страну лекарственные препараты составляют большую проблему и требуют того, чтобы контроль на наших границах все же сохранялся.

Как бы наша страна не интегрировалась в мировое пространство, приоритет национальных интересов все же должен сохраняться. Конечно, когда-нибудь экономическая интеграция в мире достигнет такого уровня, при котором национальные интересы уже не будут нуждаться в каких-то особых уголовно-охранительных мерах, но сегодня реалии таковы, что без них трудно обойтись.

С.П. Опацкая

АВТОМОБИЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 175 УК РФ

Специальное упоминание автомобиля как предмета преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ, обусловлено широко распространенными фактами хищения автомобилей с целью их дальнейшей продажи (сбыта). В наше время существует немало преступных групп и организаций, а также индивидуально предпринимчивых граждан, специализирующихся на приобретении с целью перепродажи ворованных машин.

На законодательном уровне РФ понятие «автомобиль» нигде не закреплено. Вместо данного понятия используется термин «транспортное средство». Согласно п. 1.2 Правил дорожного движения РФ – это устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. По мнению законодателя, столь объемное понимание термина «транспортное средство» не подходит для нужд определения ответственности за преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ, ибо понятие «транспортное средство» является более широким, общим, и собирательным, в него включаются все виды транспортных средств, классифицируемых по назначению, а автомобиль, являясь одним из видов транспортного средства, обозначает конкретный предмет материального мира и, как следствие, представляет более точный предмет рассматриваемого преступления.

Для квалификации содеянного по п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ по смыслу закона не требуется, чтобы стоимость автомобиля, заведено добытого преступным путем, составляла крупный размер, т.е. сумму, превышающую 2 млн 250 тыс. руб. (прим. к ст. 170.2 УК РФ).

В юридической литературе, так же как и в судебной практике, высказывались и высказываются сомнения в необходимости указания на такой предмет преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ, как автомобиль (без учета его рыночной стоимости). Скептики полагают, что данный признак преступления неинформативен – стоимость автомобиля может быть и 30 тыс., и несколько миллионов, а наказание за содеянное – одним и тем же.

Подводя итог, следует отметить, что в п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ законодателем обоснованно введен квалифицирующий признак – совершение рассматриваемого преступления в отношении автомобиля, а не транспортного средства в целом. Указание на автомобиль как на предмет преступления отражает стремление государства усилить борьбу с преступлениями, посягающими на этот вид имущества. Однако введение данного квалифицирующего признака в какой-то степени вызывает недоумение, ибо законодатель, указывая на ужесточение уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления в отношении автомобиля, не разделяет автомобили по их цене. Устранение данного недоумения видится в установлении стоимости автомобиля, заведомо добытого преступным путем, 1 млн руб. (особо крупный размер ущерба в преступлениях против собственности).

О.А. Беларева

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В настоящее время сбыт наркотических средств в основном совершается так называемым бесконтактным способом. Такой способ исключает непосредственный контакт сбытчика (сбытчиков) с покупателями, расчет производится либо на банковский счет / карту, либо на электронный кошелек (чаще всего используется электронная платежная система Qiwi Wallet). Распространенной является схема, при которой электронные деньги от сбыта наркотических средств аккумулируются на одном или нескольких электронных кошельках,

затем переводятся в безналичную форму путем перевода на банковский счет (таких переводов может быть несколько), а затем – в наличную форму, обналичиваются через банкоматы.

Использование такой схемы часто квалифицируется как легализация денежных средств, полученных в результате сбыта наркотиков. Установившая в содеянном признаки состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, органы предварительного следствия и суд исходят из того, что, во-первых, перевод с одного банковского счета на другой и обналичивание – это финансовые операции, во-вторых, совершение указанных финансовых операций придает правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, полученными в результате сбыта наркотиков и создает условия / возможность их введения в легальный оборот. Обналиченные таким образом деньги в приговорах прямо называют легализованными.

Такая квалификация представляется неверной. Придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению имуществом – значит сделать так, чтобы источник его происхождения казался законным.

Как указал Пленум ВС РФ в п. 6, 10 Постановления от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹, производимые с денежными средствами финансовые операции должны маскировать связь легализуемого имущества с преступным источником его происхождения; действия, образующие легализацию, должны быть направлены на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечивать возможность его свободного оборота. Электронные кошельки создаются и используются только для расчетов за сбыт наркотических средств, банковские карты – для перевода электронных денег в безналичную форму, а затем – в наличную. Перевод и обналичивание денежных средств не могут скрыть факта их преступного приобретения, связи со сбытом наркотиков и не делают их оборот законным. Будучи обналиченными / снятыми со счета, эти деньги не утрачивают статуса «полученных в результате сбыта наркотических средств», следовательно, не могут признаваться легализованными.

¹ URL: <http://www.vsrf.ru/documents/own/8442/>

Интересно, что, обосновывая свое решение в оправдательных приговорах, судьи как раз указывают, что электронные и банковские счета использовались для завладения денежными средствами, перевода их в безналичные и наличные¹, указанные финансовые операции являлись дополнительным финансовым инструментом, направленным на сокрытие деятельности организованной преступной группы².

Отсутствие в судебной практике единообразного подхода к пониманию сути легализации имущества, полученного в результате сбыта наркотиков, свидетельствует о необходимости дополнительных разъяснений Пленума ВС РФ.

С.А. Елисеев

К ВОПРОСУ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРАВСТВЕННОСТЬ

Российское государство издавна относило охрану общественной нравственности к числу приоритетов уголовно-правовой политики. Охрану общественной нравственности относит к задачам УК РФ современный российский законодатель. Преступлениям против общественной нравственности посвящена гл. 25 УК. Статьи этой главы, предусматривают, в частности, ответственность за организацию занятия проституцией, вовлечение в занятие проституцией, за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 240–242.2). Эти статьи, казалось бы, обеспечивают надлежащую защищенность общественной нравственности, в частности половой морали как важнейшей части духовной жизни общества. Однако нельзя не видеть, что УК РФ оставил без внимания случаи публично совершаемых ненасильственных действий сексуального характера (за исключением развратных действий, совершаемых на глазах у многих в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего воз-

¹ Постановление Президиума Кемеровского областного суда по делу № 44у-110/2018. URL: <http://sudact.ru/>

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ № 83-УД18/5 от 06.06.2018 г. URL: <http://sudact.ru/>

раста, образующих преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ). В этих действиях кодекс не усматривает преступления против общественной нравственности; по УК РФ (в отличие от УК РСФСР 1926, 1960 гг.) они не составляют и преступления против общественного порядка. Сложилась парадоксальная ситуация – первичное (половое сношение, иные действия сексуального характера, совершаемые публично) с позиции УК РФ менее опасно для общества, чем вторичное (распространение, публичная демонстрация, рекламирование материалов или предметов, содержащих изображение или описание лица, совершающего или имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера). Очевидно, что диссонанс в законодательной оценке непристойных, циничных действий, совершаемых публично, необходимо устранить. В УК РФ следует внести норму, предусматривающую ответственность за публичное нарушение, как писали в старых законах, «благопристойности», «благочиния».

Определить формулировку уголовно-правового запрета позволят криминологически выверенные социологические исследования проблемы, изучение законодательного опыта прошлого. Как известно, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в ред. 1857 г. к преступлениям против общественной нравственности относило «непотребное поведение, когда оно доказывается безстыдными в публичном месте или по чему либо иному, соединенными с соблазном для других действиями» (ст. 1336). Статья 43 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривала ответственность «за бесстыдные или соединенные с соблазном для других действия в публичном месте». В части 1 ст. 280 Уголовного уложения 1903 г. говорилось о «публичном нарушении благопристойности произнесением бесстыдных слов или бесстыдным поступком», в ч. 2 ст. 280 – о «бесстыдном поступке, состоящем в любострастном или ином противонравственном действии, соединенном с соблазном для других». Эта статья, по мнению составителей Уложения, охватывала все случаи нарушения благопристойности публичным совершением поступка, оскорбляющего общественную нравственность, включая и «любострастные действия и иные виды удовлетворения плотской похоти, как, например, скотоложество, онанизм и т.п.»¹

¹ Уголовное Уложение. Объяснения к проекту редакционной комиссии. СПб., 1895. Т. 3. С. 345.

Небезынтересным может быть и зарубежный опыт. Так, УК ФРГ к намеренному или осознанному нарушению норм общественной морали относит публичное совершение сексуальных действий (§183а). По УК Дании 1930 г. преступления образуют действия лиц, которые «непристойным поведением нарушают общественные приличия или оскорбляют общество», «подстрекают или побуждают других лиц к распущенности или демонстрируют аморальный образ жизни способом, который может раздражать других лиц или вызывать оскорбление общества» (§ 232, 233).

Норме, предусматривающей ответственность за публичное совершение ненасильственных действий сексуального характера, следует посвятить отдельную статью глава 25 УК РФ. Это придаст положениям закона должную ясность и согласованность.

О.М. Шаганова

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К ОТВЕСТВЕННОСТИ ПОСОБНИКА
ПРИ ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ С ЖИВОТНЫМ,
СОВЕРШЕННОМ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОСТРАЦИЕЙ,
В ТОМ ЧИСЛЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ
(ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»)**

В связи с принятием 20 декабря 2017 г. Федерального закона РФ № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ ст. 245 была изложена в новой редакции: в ч. 2 этой статьи предусмотрена ответственность за совершение преступлений группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой; в присутствии малолетнего; с применением садистских методов; с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»); в отношении нескольких животных.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 52 (ч. 1). Ст. 7935.

Полагаем, что в результате указанных «преобразований» на практике могут возникнуть сложности квалификации действий отдельных лиц при жестоком обращении с животным, совершенном с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Так, поскольку объективная сторона названного квалифицированного преступления должна включать, помимо самого жестокого обращения с животным, еще и публичную демонстрацию этого преступления, то ответственности по п. «а», «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ будут подлежать те соисполнители, которые непосредственно участвовали и в жестоком обращении, и в фотовидеофиксации этого, и в его демонстрации. Кроме того, ответственности могут подлежать и те участники группы, которые в случае, когда, согласно предварительной договоренности между ними, непосредственное жестокое обращение с животным и фотовидеофиксацию осуществлял один, а другой публично демонстрировал это или когда жестокое обращение осуществлял один, а другой производил фотовидеофиксацию происходящего и публично это демонстрировал.

Соответственно, вне поля правовой ответственности остаются действия участника группы, который производил только фотовидеофиксацию процесса жестокого обращения с животным, но сам жестоко не обращался с животным и не осуществлял публичную демонстрацию содеянного. Таким образом, хотя публичная демонстрация жестокого обращения с животным не может быть осуществлена без предварительной съемки, однако в соответствии с положениями ч. 2, 5 ст. 33 УК РФ такое лицо не может быть признано ни соисполнителем, ни пособником в преступлении. Кроме того, действующая редакция ч. 5 ст. 33 УК РФ не позволяет назвать лицо пособником и привлечь его к ответственности, если оно не являлось участником преступной группы, не выполняло объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, а только лишь по просьбе другого лица публично демонстрировало жестокое обращение с животным (например, выкладывало видео в интернет).

По нашему мнению, для разрешения вышеизложенных проблем необходимо перечень деяний, образующих пособничество, оставить открытым путем замены в ч. 5 ст. 33 УК РФ слов «либо устранением препятствий» на слова «либо устранением препятствий, или другим способом».

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДМЕТОМ КОТОРЫХ ВЫСТУПАЕТ ДРЕВЕСИНА

Уже на первом заседании Совета Федерации в 2019 г. было озвучено, что объем незаконного лесопользования в Российской Федерации насчитывает 16–18 млн кубометров, или 8–10% законного лесопользования.

Для повышения эффективности предупреждения развития указанной негативной ситуации необходимо, прежде всего, использование специально-правовых средств. В системе действующего правового регулирования актуальны совершенствование законодательства в сфере вырубki леса и незаконного оборота древесины, а также выработка четкого и непротиворечивого правового механизма привлечения к уголовной ответственности за преступления, предметом которых выступает древесина.

В свете сложившейся ситуации в 2014 г. федеральным законом № 277-ФЗ от 21.07.2014 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ была введена ст. 191.1, установившая ответственность за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины.

В пояснительной записке к этому закону отмечено, что ст. 191.1 УК РФ будет являться специальной по отношению к ст. 175 УК РФ, предусматривающей ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, что по мнению законодателя, позволит исключить конкуренцию уголовно-правовых норм.

Однако заметим, что введение уголовно-правовой нормы ст. 191.1 УК РФ не разрешило в полном объеме споров с квалификацией преступлений, предметом которых выступает древесина.

Одним из таких дискуссионных вопросов остался спор о конкуренции преступлений, предусмотренных ст. 175 и 191.1 УК РФ. Нет единого взгляда на толкование и применение такого признака состава преступления, как «незаконность» и «преступность» по отноше-

нию к древесине, выступающей предметом противоправных действий. В результате среди ученых сложились полярные мнения о признании, в унисон с авторами Федерального закона № 277-ФЗ от 21.07.2014, ст. 191.1 УК РФ специальной по отношению к ст. 175 УК РФ; одни разделяют мнение составителей закона, другие считают что термин «незаконность» шире, чем термин «преступность»; ст. 175 УК РФ следует считать специальной по отношению к ст. 191.1 УК РФ и применять последнюю только в случае, если древесина была заготовлена в нарушение законодательства, но при этом такие нарушения не являются преступными.

Судебная практика сложилась таким образом: если древесина похищена, то, исходя из признания ст. 191.1 УК РФ специальной по отношению к ст. 175 УК РФ и по аналогии с квалификацией по последней, ст. 191.1 УК РФ не вменяется. Если же имела место незаконная рубка, то все последующие действия по обороту древесины дополнительно к ст. 260 УК РФ квалифицируются по совокупности по ст. 191.1 УК РФ. Такое положение не может не вызывать спора о реализации принципа справедливости при применении уголовного закона.

Спорным остаются и вопросы отграничения преступлений, предметом которых выступает древесина, от гражданско-правовых отношений, особенно в части отграничения от неосновательного обогащения. Такая ситуация продиктована размытостью отсылочной нормы ст. 20 Лесного кодекса Российской Федерации, определяющей момент возникновения права собственности на древесину.

Таким образом, помимо совершенствования законодательства о незаконном обороте древесины наиболее актуально принятие Верховным Судом РФ в соответствующем постановлении руководящих разъяснений по квалификации преступлений, предметом которых выступает древесина.

Е.В. Яковлева

ВИДЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПРЕДМЕТАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Обращаясь к анализу видов документов, выделенных законодателем в главе 32 УК РФ «Преступления против порядка управления»,

отметим, что в качестве таковых названы: официальные документы, официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, важные личные документы и удостоверения. К сожалению, в теории и практике существуют кардинально противоположные подходы к определению их содержания.

По-нашему мнению, важные личные документы законодателем выделены из круга официальных (ч. 2 ст. 325 УК РФ). Однако некоторые авторы и практики отделяют важный личный документ от официальных и считают, что эти понятия не соотносятся друг с другом, т.е. важный личный документ, по их мнению, не является официальным. Указанная позиция довольно часто встречается и в судебной практике: она представляется некорректной, поскольку такая трактовка закона позволяет лицам, совершившим сбыт или подделку важных личных документов, уходить от установленной законом ответственности. Важные личные документы представляют собой разновидность официальных документов, которые содержат сведения о личности правообладателя. Признание документа «важным» должно происходить на основе оценки фактических обстоятельств дела (в первую очередь, установление степени важности документа для самого потерпевшего).

Проведя анализ теории и правоприменительной практики по вопросу понимания понятия «удостоверение», которое названо в ст. 327 УК РФ в качестве одного из видов официальных документов, представляющих права и освобождающих от обязанностей, мы пришли к выводу, что удостоверение является частью важных личных документов, подтверждающих личность своего владельца.

Интерес представляет выделение в главе 32 УК РФ, кроме официальных документов, представляющих права и освобождающих от обязанностей, официальных документов без указанного признака. Можно констатировать, что законодатель находит определенные отличия между ними. Напрашивается вывод о том, что предмет преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 325 УК РФ, шире чем в ст. 324 и 327 УК РФ.

В изученных решениях судов по названным статьям встречаются следующие виды официальных документов, представляющих права или освобождающих от обязанностей: паспорт, водительское удостоверение, миграционная карта, медицинская книжка, медицинская справка, удостоверение ветерана труда и др. Из перечисленных до-

кументов только в отношении водительского удостоверения законодательно установлено, какое право оно предоставляет владельцу – право управления транспортным средством. Однако это не мешает судам признавать указанные официальные документы предоставляющими права или освобождающими от обязанностей.

Например, в решениях судов по ст. 327 УК РФ, по которой предметом подделки был паспорт гражданина РФ, суды следующим образом обосновали признак «предоставление прав»: право на получение кредита, право на трудоустройство, право гражданина РФ, право на проживание на территории РФ и др. Из указанных судебных формулировок следует, что в каждом конкретном случае паспорт предоставляет различные права. В таком случае возникает вопрос: может ли паспорт использоваться, когда он не будет предоставлять права или освобождать от обязанностей? Представляется, что таких случаев просто не существует.

Учитывая, что официальный документ при его использовании всегда подтверждает у лица какое-либо право или освобождает его от обязанностей, мы приходим к выводу, что указание на данный признак в ст. 324 и 327 УК РФ является излишним и его отсутствие никак не скажется на их применении.

Подводя итог, отметим, что сохранение названного количества видов официальных документов в главе 32 УК РФ порождает излишнюю научную дискуссию и вызывает трудности в практике применения уголовного закона.

А.В. Корнилов

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Преступления, предусмотренные ст. 279 УК России, по конструкции объективной стороны окончены на стадии приготовления в силу их высокой степени общественной опасности, за исключением активного участия в вооруженном мятеже, где моментом окончания выступает первое вооруженное выступление мятежников, соответственно дача согласия вербовщику на участие в вооруженном мяте-

же будет образовывать преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 30 и ст. 279 УК России.

В своей монографии заместитель Генерального прокурора Российской Федерации государственный советник юстиции 1-го класса В.В. Малиновский определил, что «самая общественно опасная форма деятельности – деятельность, организованная и “запущенная в бытие” посредством усилий другого лица, становящегося организатором деятельности»¹.

Применительно к вооруженному мятежу С.В. Дьяков и А.И. Коробеев писали, что «действия организатора выражаются в разработке плана вооруженного выступления против властей, подготовке программных документов, призванных объединить людей, создании организационных структур для вооруженных действий и вовлечения (вербовки) в них граждан, руководстве вооруженным контингентом в ходе осуществления плана по свержению или насильственному изменению конституционного строя России либо отторжению части территории Российской Федерации и т.д.». По их мнению, «действия организатора признаются оконченным преступлением с момента совершения указанных практических действий, независимо от того, воплотились они в фактическом вооруженном выступлении против законных органов власти или оказались по каким-то причинам сорванными (не удалось объединить людей, деятельность пресекли правоохранительные органы и т.д.)»².

Применительно к действиям активных участников вооруженного мятежа моментом окончания будет являться первое вооруженное выступление. В отношении же пассивных его участников возможно привлечение их в качестве пособников через ч. 5 ст. 33 и ст. 279 УК России либо в качестве субъектов преступления по ст. 205.1 УК России.

Московский городской суд 8 февраля 2013 года признал виновными К.В.В. по ч. 1 ст. 30, ст. 279 и ч. 1 ст. 205.1 УК России и К.А.С. по ч. 1 ст. 30, ст. 279, ч. 1 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 222 УК России. Они были осуждены на 13 и 11 лет соответственно³. На мой взгляд, ошибка квалификации заключалась в том, что была вменена стадия приго-

¹ Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2009. С. 33.

² Там же. С. 54.

³ Приговор Московского городского суда от 8 февраля 2013 года в отношении К.В.В. и К.А.С. // Архив Московского городского суда.

товления к организации вооруженного мятежа, так как в диспозиции ст. 279 УК России закреплена «организация вооруженного мятежа», а не «вооруженный мятеж». Мы солидарны с позицией А.А. Игнатьева, что организация вооруженного мятежа – это «не только результат – вооруженное выступление мятежников, но и сам процесс организационной подготовки такого выступления»¹. В силу особой общественной опасности именно организации вооруженного мятежа (преступная цель – нарушение территориальной целостности Российской Федерации) законодатель предусмотрел момент окончания на стадии приготовления, при этом исключив возможность освобождения от уголовной ответственности по примеру с насильственным захватом власти на основе примечания, предусмотренного в ст. 275 УК России, за исключением случаев, описанных в ст. 205.1 УК России.

В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. была изменена квалификация действий К.В.В. и К.А.С. Так, у К.В.В. была исключена из приговора ч. 1 ст. 205.1 УК России, а у К.А.С. – ч. 1 ст. 30, ст. 279 УК России, а также переквалифицированы действия К.А.С. с ч. 2 на ч. 1 ст. 222 УК России. Все это повлияло и на изменение наказания: К.В.В. назначено 8 лет, а К.А.С. 5 лет 6 месяцев лишения свободы².

Таким образом, неправильное толкование момента окончания организации вооруженного мятежа напрямую влияет на законность, объективность и справедливость судебного решения.

Е.А. Акунченко

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ СИСТЕМЫ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В отечественной криминологии преобладает подход, согласно которому преступность рассматривается в качестве системно-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало, 1998. С. 646.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 года в отношении К.В.В. и К.А.С. // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

структурного явления. Это означает, что составляющие данную систему элементы (преступления или их группы) представляют собой не механическую сумму, но некое множество, приобретающее в своем единстве новое качество. Как отмечается в литературе, для того «чтобы обосновать системно-структурный характер преступности, необходимо не только выделить отдельные подструктуры (элементы), но и выявить объективные связи между ними»¹.

Анализ диспозиций норм Особенной части УК РФ позволяет выделить три группы составов коррупционных преступлений, которые могут рассматриваться в качестве элементов системы коррупционной преступности в избирательном процессе РФ.

Первая группа представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан. Данные преступления совершаются в условиях избирательного процесса и в силу особенностей объекта посягательства всегда направлены на достижение политических целей. Условно назовем ее «специальные коррупционные преступления в избирательном процессе» (п. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ст. 1411, ч. 1 ст. 142, ч. 2 ст. 142, ст. 1421, ч. 1 ст. 1422 УК РФ).

Вторая группа представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают иные общественные отношения (отношения, направленные на обеспечение нормального функционирования органов власти, интересы службы в коммерческих и иных организациях и др.). Отличительной чертой данной группы коррупционных преступлений является их общий по отношению к избирательному процессу характер, несмотря на наличие специальных субъектов (участников избирательного процесса) и направленность на достижение политических целей. Условно назовем ее «общие коррупционные преступления в избирательном процессе» (ст. 201, 204, 2041, 2042, 285, 286, 290, 291, 2911, 2912 УК РФ и др.).

Третья группа представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых также выступают иные общественные отношения. Но несмотря на их совершение в

¹ Долгова А.И. Системно-структурный характер преступности // Вопросы борьбы с преступностью. 1984. № 41. С. 10.

условиях избирательного процесса, коррупционные преступления данной группы не направлены на достижение политических целей. Условно назовем ее «преступления коррупционной направленности в избирательном процессе» (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 2004, 2005, 292 УК РФ и др.).

Функциональные связи между коррупционными преступлениями в избирательном процессе РФ и их группами определяются как на уровне взаимодействия с иными элементами вышестоящей системы, так и внутри самой системы. Как элемент вышестоящей системы коррупционная преступность в избирательном процессе вступает в активное взаимодействие с практикой коррупционного лоббизма в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, организованной преступностью, стремлением ряда государств подорвать суверенитет РФ. Внутрисистемные функциональные связи между выделенными коррупционными преступлениями в избирательном процессе и их группами не столь очевидны, но могут быть выявлены при типологизации проявлений изучаемого вида преступности.

О.А. Алфимова

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ

По данным официального сайта Федеральной службы исполнения наказания России (ФСИН РФ), на 1 ноября 2018 г. в 212 следственных изоляторах и 97 помещениях, функционирующих в режиме СИЗО, содержалось 100 581 человек.¹ Часть из них оставляется в СИЗО в порядке ст. 77 УИК РФ для работ по хозяйственному обслуживанию.

В силу специфики данных учреждений, в которых они отбывают наказание в виде лишения свободы, некоторые положения закона имеют объективные трудности. Одной из проблем является неболь-

¹ Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.su/index.php?id=79&item=4152> (дата обращения: 25.02.2019).

шое количество случаев условно-досрочного освобождения лиц, оставленных в СИЗО для выполнения хозяйственных работ.

Как показал опрос сотрудников УИС, причина такой практики не связана с нормами закона. Вся деятельность отряда по хозяйственному обслуживанию направлена на обеспечение бесперебойного функционирования учреждения. Многие из осужденных, работающих в таком отряде, качественно справляются со своими трудовыми обязанностями, некоторые являются квалифицированными специалистами, соответственно, найти им замену на практике довольно трудно.

Кроме того, такие осужденные должны быть здоровы и иметь положительную характеристику, для того чтобы иметь возможность бесконвойно передвигаться по территории СИЗО. Поэтому каждый случай условно-досрочного освобождения указанных осужденных в СИЗО вынуждает администрацию искать им замену и т.д.

По этой же причине не находит практического применения п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ. Данная норма предусматривает возможность перевода положительно характеризующихся осужденных, содержащихся в облегченных условиях и отбывших не менее двух третей срока наказания, из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение.

В этой связи в ряде СИЗО отмечается негативная практика по так называемому искусственному продлению фактических сроков отбывания наказания осужденным, у которых появилось право на условно-досрочное освобождение в порядке ст. 79 УК РФ; это в ходе опроса нередко подтверждают сами сотрудники СИЗО. Как правило, такие осужденные освобождаются досрочно после того, как администрация СИЗО найдет им замену.

Однако несмотря на известную специфику данного учреждения и особенности отбывания наказания в нем, права и законные интересы осужденных, отбывающих в СИЗО лишение свободы, должны соблюдаться без каких-либо изъятий и ограничений, пока они не будут предусмотрены в самом законе. В этой связи было бы целесообразно усилить прокурорский надзор за соблюдением законности в части условно-досрочного освобождения осужденных, отбывающих наказание в СИЗО.

О ПОРЯДКЕ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

В соответствии с п. 3.12. Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденного приказом Минюста России от 25.01.1999 № 20, одной из функций следственного изолятора (СИЗО) является исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы.

Следственные изоляторы исполняют наказание в виде лишения свободы в отношении следующих категорий:

- осужденные, переведенные в СИЗО из исправительных учреждений для участия в следственных действиях в качестве свидетелей, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых);
- осужденные, оставленные в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию учреждения;
- лица, осужденные на срок не свыше шести месяцев, оставленные в следственном изоляторе до окончания срока наказания;
- осужденные, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания.

Наибольшее количество вопросов в практике деятельности СИЗО возникает в отношении осужденных, переведенных в СИЗО из исправительных учреждений для участия в следственных действиях. Порядок их содержания регламентируется ч. 3 ст. 77.1 УИК РФ. Данная категория осужденных содержится в следственном изоляторе в порядке, установленном Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», и на условиях отбывания ими наказания в исправительном учреждении, определенных приговором суда. Таким образом, правовой статус исследуемой категории осужденных изначально имеет дуалистичный характер. В результате складывается ситуация, когда право осужденного, привлекаемого в качестве подозреваемого (обвиняемого), на свидания осуществляется в порядке, установленном Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступле-

ний», а право осужденного, привлекаемого в качестве свидетеля либо потерпевшего, на длительное свидание на территории исправительного учреждения или за его пределами и право несовершеннолетнего осужденного на краткосрочное свидание с выходом за пределы воспитательной колонии заменяются правом на краткосрочное свидание или телефонный разговор в порядке, предусмотренном УИК РФ.

Эта коллизия обуславливает также и иные правоприменительные проблемы. Так, неразрешенным остается не только вопрос о порядке размещения в СИЗО указанной категории лиц, но и в каком правовом статусе находятся указанные граждане и какие правила внутреннего распорядка (исправительных учреждений или следственных изоляторов) действуют в их отношении, а также какие меры дисциплинарного воздействия должны применяться при выявленных нарушениях режима содержания (отбывания наказания).

Решение данных вопросов видится в установлении четких юридических границ определения правового статуса осужденных, переведенных в СИЗО из исправительных учреждений для участия в следственных действиях. На наш взгляд, на данную категорию лиц должны распространяться Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов.

Т.Г. Антонов

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

После вступления приговора в законную силу между государством и лицом, совершившим преступления, возникают уголовно-исполнительные правоотношения. Одним из их субъектов является осужденный, правовой статус которого предполагает существенное ограничение прав и свобод. Понятно, что осужденный обычно пытается избежать бремени установленных ограничений. Для предупреждения и пресечения подобного поведения в законе определяются

различные негативные последствия, применяемые к лицам, которые нарушают порядок и условия отбывания наказания. Данные меры направлены на принуждение лица, совершившего преступление, к добросовестному отбыванию наказания (прежде всего, это меры взыскания, принудительный привод, задержание и другие, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством). По своей правовой природе данные меры относятся к уголовно-исполнительному принуждению. Однако если поведение осужденного становится общественно опасным и при этом есть криминологические основания для установления уголовной ответственности за него¹, оно криминализируется, и к нарушающему порядок и условия отбывания наказания применяется уголовное наказание. Примером может служить ст. 313 – побег из мест лишения свободы.

Таким образом, с одной стороны, есть четкое формальное разграничение между уголовно-правовым и уголовно-исполнительным принуждением. За преступлением следуют меры уголовной ответственности, за дисциплинарным проступком – меры дисциплинарного взыскания. Однако к осужденному могут применяться также уголовно-правовые меры, которые не являются уголовным наказанием или иными мерами уголовно-правового характера. К ним можно отнести замену наказания более строгим (например, ч. 5 ст. 46 УК РФ и другие), отмену условного осуждения (ст. 74 УК РФ) и отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), а также изменение вида исправительного учреждения (ч. 4 ст. 56 УК РФ). Указанные меры находятся на границе уголовного и уголовно-исполнительного права. Противоправное поведение, при котором применяются данные меры, закреплено в диспозиции норм Общей части УК РФ. Их можно отнести к нормам, регулирующим индивидуализацию наказания в процессе его исполнения². При этом данные нормы являются ссылочными, отсылка идет к нормам уголовно-исполнительного законодательства.

Подводя итог, можно сказать, что существует три уровня воздействия на поведение осужденного с целью принудить его к отбыванию наказания. Первый – меры уголовно-исполнительного характе-

¹ Подробнее об этом см.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 67–68.

² Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М., 2007. С. 108–109.

ра. Второй – уголовно-правовые меры, не относящиеся к уголовной ответственности, а представляющие собой изменение уголовного правоотношения в худшую для осужденного сторону. Третий уровень – меры уголовной ответственности за общественно опасные деяния. При этом следует констатировать, что действующее законодательство не всегда последовательно закрепляет нормы, предусматривающие меры воздействия на осужденных. Например, злостное уклонение от отбывания ограничения свободы является преступлением в соответствии со ст. 314 УК РФ. При этом оскорбление сотрудника мест лишения свободы в подавляющем большинстве случаев на практике остается вне сферы применения уголовного закона.

О.В. Анцибалова

НОВЕЛЛЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 19.07.2018 № 197-ФЗ В РЕГУЛИРОВАНИИ СЛУЖЕБНОГО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕНИ ОТДЫХА СОТРУДНИКОВ УИС

Принятие Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон от 19.07.2018 г.) стало закономерным итогом многолетней работы по законодательному закреплению правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) и содержания государственно-служебных правоотношений. По сравнению с ранее действующим законодательством Закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ вносит ряд новелл, связанных с регулированием поступления, прохождения и прекращения служебных правоотношений гражданами Российской Федерации. Одной из них является законодательное регулирование служебного времени и времени отдыха сотрудников УИС.

Так, в части 1 ст. 55 Закона от 19.07.2018 г. определено содержание понятия «служебное время» – это время, в течение которого сотрудник в соответствии с правилами внутреннего служебного распорядка учреждения или органа уголовно-исполнительной системы,

должностной инструкцией и условиями контракта должен исполнять свои служебные обязанности, а также иные периоды, которые в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к служебному времени. Устанавливается нормальная продолжительность служебного времени для сотрудников, которая не может превышать 40 часов в неделю (ч. 2 ст. 55 Закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ). Отдельно определено сокращенное служебное время для сотрудников женского пола, проходящих службу в УИС в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях, других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях, – 36 часов в неделю. Определено сокращенное служебное время для сотрудников, проходящих службу во вредных условиях (ч. 4 ст. 55 Закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ). Между тем, необходимо отметить, что на сегодняшний день отсутствует перечень (список) должностей в УИС, для которых устанавливается сокращенное служебное время в связи со службой во вредных условиях, не урегулированы также порядок и условия прохождения службы в этих условиях. Для сотрудников УИС определена пятидневная служебная неделя для сотрудников УИС. В части 5 ст. 55 Закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ предусмотрена возможность установления ненормированного служебного дня, который может быть применен, во-первых, для сотрудников, замещающих должности руководителей (начальников) из числа должностей старшего и высшего начальствующего состава, и, во-вторых, для сотрудников, замещающих иные должности, определяемые перечнем должностей в УИС, утверждаемым федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, одной из новелл Закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ является закрепление понятия «время отдыха» и определение его видов для сотрудников УИС (ст. 57 Закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ). Хотелось бы отметить, что отражены специальные процедуры и порядок предоставления отдельных видов времени отдыха с учетом особого правового статуса сотрудников УИС (отпуска, перерывы в течение служебного дня для отдельных должностных категорий и др.). Следующим важным шагом в области законодательного регулирования времени отдыха сотрудников является закрепление усло-

вий предоставления различных видов отпусков сотрудникам, начиная с года поступления на службу в УИС.

Н.Д. Бубербаев

НРАВСТВЕННЫЙ КРИЗИС В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ ГОРОДА АСТАНЫ

Преступность обусловлена не только экономическими, политическими и социальными причинами. Немаловажную роль в ее продуцировании, как ни парадоксально, занимают детерминанты, связанные с состоянием нравственных ценностей и установок, укоренившихся в обществе.

В последние годы все более отчетливо в жизнедеятельности крупных городов, в том числе и в Астане, складывается крайне неблагоприятная нравственная атмосфера, которая, негативным образом влияя на поведение людей, отражается на количественных и качественных характеристиках преступности. Происходит это во многом благодаря современным средствам массовой информации, глобальной сети «Интернет», что подрывает нравственные ценности и устой общества.

Проблема состоит в том, что современные блогеры, вайнеры и другие лица посредством использования интернетом, являющимся универсальным источником информации и тяжело поддающимся контролю, демонстрируют самое безнравственное поведение, насилие и презрение к закону, сцены с сексуальным подтекстом и т.п.

К примеру, только на ресурсах русскоязычного сегмента сети Интернет количество сайтов с детской порнографией увеличилось почти на треть, а количество интернет-материалов с детской порнографией – в 25 раз. По оценкам независимых экспертов, число подобных ресурсов достигло уже более 300 млн веб-страниц. Средняя посещаемость одного сайта составляет около 30 тыс. человек в месяц¹. Причем, несмотря на то что МВД Республики Казахстан заблокировало порядка 28 тыс. сайтов, пропагандирующих сексуальную

¹ Количество сайтов с детской порнографией достигло 300 миллионов. URL: <https://ria.ru/incidents/20090127/160209373.html> (дата обращения: 15.03.2018).

эксплуатацию и детскую порнографию¹, Казахстан продолжает занимать второе место в мире по количеству детской порнографии после Вьетнама².

Наблюдается достаточно сильная атака на семейные ценности. На телевидении увеличилось количество передач, демонстрирующих в романтическом ключе разводы, любовные похождения, супружеские измены, внебрачные связи, отношения людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Подобные сцены вытесняют из общественного сознания культ семьи как абсолютной социальной ценности.

Вследствие этого одним из показателей нравственного упадка стало увеличение количества разводов и детей, рожденных вне брака. Так, за десять лет прирост числа разводов в Астане составил 147,6% (в 2008 г. – 1 616, в 2017 г. – 4 002), тогда как на общереспубликанском уровне прирост этого показателя равен 52,3% (в 2008 г. – 35 852, в 2017 г. – 54 626). Причем количество детей, рожденных вне брака, в Астане продолжает увеличиваться (в 2008 г. – 3 622, в 2017 г. – 3 880), темп прироста – 7,1%, несмотря на то что в общереспубликанском масштабе он снизился на 32,7% (в 2008 г. – 75 380, в 2017 г. – 50 708)³.

Процесс распада семьи имеет трагические последствия, становясь основой сиротства, беспризорничества, бродяжничества, алкоголизма, наркомании и проституции – тех негативных явлений, которые способствуют сохранению и росту преступности.

¹ За детскую порнографию в Казахстане закрыли 28 тысяч сайтов. URL: <https://tengrinews.kz> (дата обращения: 15.03.2018).

² Казахстан занимает второе место в мире по количеству детской порнографии. URL: https://total.kz/ru/news/biznes/kazahstan_zanimal_vtoroe_mesto_po_kolichestvu_detskoj_pornografii (дата обращения: 15.03.2018).

³ По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publications/Compilations?_afzLoop=2384213140899548#%40%3F_afzLoop%3D2384213140899548%26_adf.ctrl-state%3Dkd75g7vko_185 (дата обращения: 29.01.2019).

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАК МЕРА ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ПРАВ

На фоне отсутствия государственных механизмов возмещения причиненного преступлением ущерба можно констатировать уязвленное положение жертв противоправных деяний, связанное с дефицитом возможностей репарации их нарушенных прав. Вместе с тем восстановление социальной справедливости как цель наказания в большей степени требует реального возмещения ущерба потерпевшему, чем абстрактного рассуждения о «деянии и воздаянии».

Постановка восстановительных отношений в зависимости от инициативы пострадавшей стороны, а тем более от посредников – законных представителей, что имеет место, когда потерпевшим от преступления является ребенок, может значительно отдалить непосредственно жертву от восстановления нарушенных прав.

Подтверждением проблемы являются данные проведенного нами исследования. По результатам изучения 221 дела о насильственных преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, только в 40 (каждом шестом) случаях законные представители несовершеннолетних потерпевших не пренебрегли правом на заявление иска о компенсации причиненного преступлением морального вреда.

В качестве причин пассивной позиции законных представителей потерпевшего могут быть названы, во-первых, недостаточная информированность со стороны следственных и судебных органов, о наличии указанного права. Несмотря на немногочисленные случаи присутствия письменного разъяснения прав потерпевшего в материалах уголовных дел, открытым остается вопрос осмысленного изучения законным представителем этого перечня. Во-вторых, пассивная позиция может иметь место в случае равнодушного отношения законного представителя к факту причиненного ребенку вреда.

Семейно-бытовая связь преступника и законного представителя потерпевшего еще больше снижает вероятность притязаний со стороны последнего. Если же вред здоровью причиняется единственным для ребенка родителем, шансы рассчитывать на восстановление нарушенных преступлением прав приближаются к нулевой отметке.

В качестве положительного примера разрешения проблемы можно привести судебную практику Эвенкийского района Красноярского края. Взыскание компенсации морального вреда здесь неоднократно имело место по инициативе прокуратуры района, в результате чего суды обязывали родителя, совершившего преступление, открыть счет в кредитной организации на имя потерпевшего, куда преступник был обязан перечислить взыскиваемую сумму. Впоследствии если такой родитель будет лишен родительских прав, а ребенок помещен в учреждение для детей, оставшихся без попечения родителей, сумма компенсации на личном счете несовершеннолетнего представляется не лишней. В качестве дополнения считаем необходимым предложить в подобных случаях указывать целевое назначение использования средств (оказание психологической помощи, образование).

Приведенный алгоритм компенсации морального вреда несовершеннолетним, потерпевшим от преступлений, мог бы быть применим не только при совершении преступлений в семейно-бытовой сфере, но и в иных случаях, став частью процесса девиктимизации и восстановления нарушенных прав, особенно учитывая, что иного механизма российским законодательством не предусмотрено.

А.П. Веселова

НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПОРЯДОК СОДЕРЖАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Со второй половины XIX в. можно говорить о формировании устойчивого разделения тюремного мира Российской империи на два своеобразных лагеря – уголовных и политических заключенных. В советский период эта тенденция получила более масштабное воплощение, что до сих пор сказывается на отношении общества к уголовно-исполнительной системе, являясь своего рода «послевкусием» карательной политики Советского государства.

Несмотря на наличие обозначенных двух категорий заключенных в царский и послереволюционный периоды, их положение в пени-

тенциарной системе Российского государства было различным. В конце XIX – начале XX в. в Российской империи было принято несколько нормативных актов, регламентирующих порядок содержания политических заключенных. Основными из них являются «Временные правила о содержании и пересылке политически неблагонадежных, предназначенных к ссылке» (1880 г.), «Правила содержания политических арестантов в губернских и уездных замках и пересыльных тюрьмах» (1886 г.), «Правила о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов» (1904 г.).

Несмотря на общий акцент законодателя на едином порядке содержания в местах заключения для всех категорий арестантов, «Правила...» предусматривали значительное количество изъятий для политических подсудимых и подследственных. К ним относились предписание содержать политических арестантов, в отношении которых проводится дознание или следствие, в одиночных камерах; изолировать их от арестантов других разрядов в камерах, на прогулке, в церкви, комнате свиданий и др.; запрет использовать труд подследственных политических заключенных в хозяйственных тюремных работах (только в собственной камере в виде поддержания чистоты); ограничения чтения книг и журналов (изначально допускались только книги научного и духовно-нравственного содержания; затем были разрешены все издания, не воспрещенные к обращению в публичных библиотеках, при условии прохождения цензуры со стороны должностных лиц, а также газеты и журналы, спустя 12 месяцев со дня выхода; категорический запрет на выбор старост, устройство общей кассы, передачу денег и вещей политическими арестантами друг другу).

Рассмотренные «Правила» в связи с краткостью и неполнотой их положений были дополнены отдельными циркулярами, изданными в начале XX в. (об условиях применения Правил о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов 16 ноября 1904 г., 1907 г.; о том, что тюремная администрация не несет ответственности за последствия добровольной голодовки политических арестантов 1908 г.; о праве начальника места заключения вскрывать и просматривать письма, адресованные на имя политических арестантов, 1909 г. и др.).

Самостоятельный характер имели нормативные акты, регулирующие порядок содержания арестантов в отдельных местах заключе-

ния – политических тюрьмах (например, Положение о Шлиссельбургской крепости 1884 г., Инструкция для чинов управления Шлиссельбургской тюрьмой и заключенных по предметам распределения дня, состава довольствия для заключенных, порядка и времени прогулок, пользования книгами и занятиями 1884 г., Правила для временного содержания в Санкт-Петербургской крепости политических преступников, осужденных к лишению прав состояния и ссылке в каторжные работы и др.).

А.А. Герасимов

ОБ ОСНОВАНИЯХ ВВЕДЕНИЯ РЕЖИМА ОСОБЫХ УСЛОВИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы в последнее время происходит в достаточно сложных условиях. В связи с этим при исполнении наказания в виде лишения свободы особую актуальность приобретают вопросы обеспечения правопорядка в учреждениях УИС, в том числе при возникновении чрезвычайных происшествий и обстоятельств. В целях предотвращения последних, а также для обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях законом предусматривается возможность введения режима особых условий как специального порядка деятельности ИУ.

Согласно ст. 85 УИК РФ среди оснований введения режима особых условий можно выделить два их вида – внешние (стихийные бедствия, введение в районе расположения исправительного учреждения особого, чрезвычайного или военного положения) и внутренние (групповые неповиновения осужденных и массовые беспорядки).

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» последнее определяется как особый правовой режим деятельности, допускающий установленные на основании закона временные ограничения прав и свобод граждан, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Отметим, что круг оснований для введения чрезвычайного положения гораздо шире, по сравнению с основаниями, перечисленными в ст. 85 УИК РФ применительно к режиму особых условий. Среди них – попытки захвата власти и насильственного изменения консти-

туционного строя, блокирование или захват особо важных объектов или вооруженный мятеж, межконфессиональные и межнациональные, а также региональные конфликты и деятельность незаконных вооруженных формирований, сопровождающиеся насильственными действиями, создающими угрозу безопасности и жизни граждан; массовые беспорядки, террористические акты; чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера, катастрофы, стихийные и иные бедствия, которые могут повлечь за собой гибель людей, нанесение ущерба природной среде, нарушение условий жизнедеятельности граждан, а также значительные имущественные потери.

Среди оснований введения режима особых условий, предусмотренных ст. 85 УИК РФ, не предусмотрены такие чрезвычайные обстоятельства, как захват заложников, совершение группового побега, вооруженное нападение на учреждение с целью захвата оружия и т.п. Совершение подобных преступлений, несомненно, нарушает стабильный правопорядок в учреждении, дезорганизует его деятельность и провоцирует совершение осужденными иных преступлений. В связи с этим следует согласиться с точкой зрения В.А. Абышева о необходимости выделения таких дополнительных оснований введения режима особых условий, как захват заложников, групповой побег и угрозу вооруженного нападения¹.

Поскольку режим особых условий в исправительных учреждениях выступает в качестве специального правового режима деятельности учреждения, вводимого в целях обеспечения пенитенциарной безопасности в условиях возникшей чрезвычайной обстановки, обусловленной стихийными бедствиями, введением в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, массовыми беспорядками, групповыми неповиновениями осужденных, захватом заложников, групповыми побегами и наличием угрозы вооруженного нападения, основания введения режима особых условий в исправительных учреждениях требуют дополнения.

¹ См.: Абышев В.В. Правоохранительная система деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайной ситуации криминального характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 162 с.

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Вопросы безопасности личной информации в последние годы приобретают серьезную актуальность¹. Это связано главным образом, с тем, что возрастает количество подлежащих обработке персональных данных, число правоотношений, в которых идентификация физического лица является решающим фактором его вступления в правоотношения, а также число преступных посягательств с незаконным использованием персональных данных.

Опасность подобных посягательств обусловлена тем, что это влечет за собой нарушение комплекса охраняемых законом прав, свобод и законных интересов: страдает конституционное право на неприкосновенность частной жизни; неправомерное использование чужих персональных данных может повлечь за собой причинение ущерба имущественным правам, праву на личную неприкосновенность; могут пострадать интересы членов семьи субъекта персональных данных, а также иных третьих лиц.

О масштабах опасности утечек персональных данных могут свидетельствовать следующие обстоятельства. В I квартале 2018 г. количество кибератак в России увеличилось на 32%. При этом 53% преступлений, связанных с информационной безопасностью, были совершены с целью извлечения материальной выгоды. Как отмечают эксперты, в 33% случаев мотивом атак было получение персональных данных, и в 28% – получение доступов и паролей к учетным записям².

Представляется, что в качестве предупредительных мер, направленных на обеспечение антикриминальной безопасности личной информации, нельзя игнорировать ряд отдельных очевидных мер, которые помогут преодолеть нарушение прав субъекта персональных данных. Среди них можно выделить следующие:

¹ См., например: Трошина С.М., Пуран Е.А. Безопасность персональных данных в социальных сетях // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2017. № 1 (7). С. 79–83; Терещенко Л.К. Правовой режим персональных данных и безопасность личности // Закон. 2013. № 6. С. 37–43.

² Число кибератак в России выросло на 32%. URL: <https://newizv.ru/news/society/18-06-2018/chislo-kiberatak-v-rossii-vyroslo-na-32>

1. Профили субъекта в социальных сетях должны быть обеспечены настройками конфиденциальности (правоприменительная практика показывает, что утечка персональной информации чаще всего происходит из незащищенных профилей).

2. Представляется, что небезопасным является хранение всех ключей и паролей от наиболее важных электронных ресурсов в электронных почтовых сервисах.

3. С целью обеспечения антикриминальной безопасности личной информации рекомендуется не хранить изображения документов, содержащих персональные данные и иную значимую информацию, в электронных ресурсах, подверженных регулярным атакам.

4. Серьезнейшим уязвимым моментом является использование простых паролей в электронных ресурсах. Между тем, самые сложные комбинации паролей от любых электронных ресурсов являются элементарным залогом безопасности данных, содержащихся о человеке в электронном ресурсе.

5. Учитывая активное развитие электронной торговли, представляется безопасным не хранить персональную информацию в интернет-магазинах, которыми субъект персональных данных более пользоваться не намерен.

Полагаем, что большинство преступных посягательств в отношении персональной информации происходит во многом по причине несоблюдения указанных элементарных антикриминальных мер, виктимного поведения и непонимания опасности беспечного обращения с личной информацией.

В.Б. Дворцов, А.А. Ефименко

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ЛЕЧЕБНЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В настоящее время в исправительных учреждениях для лечения больных создаются необходимые условия, предполагающие возможность их выздоровления вместе с отбыванием уголовного наказания. Основные средства исправления данной категории осужден-

ных применяются дифференцированно с учетом не только их личностных особенностей, но и характера их заболеваний.

В процессе обучения осужденных в лечебных исправительных учреждениях необходимо учитывать комплекс объективных и субъективных факторов. Это их профессиональные интересы, личностные характеристики, состояние здоровья. Согласно ст. 108, 112 УИК РФ в исправительных учреждениях для лиц, не имеющих профессии или специальности, организуется обязательное профессиональное обучение, а также получение общего образования, которое учитывается при определении степени их исправления.

Порядок получения образования определен в совместном приказе Минюста России № 274, Минобрнауки № 331 от 20.12.2018. Согласно данному нормативному акту право осужденных на получение образования гарантируется путем создания общеобразовательных организаций на территории исправительных учреждений.

Учебный процесс в лечебных исправительных учреждениях имеет ряд специфических особенностей, которые в той или иной мере влияют на обучение. Они обусловлены тем, что такие осужденные разнородны по возрасту и характеру заболевания, подготовленности, социальной зрелости, профессиональной направленности и незначительным коммуникативным навыкам с устойчивым отрицанием учебного процесса. Поэтому сотрудникам образовательных организаций необходимо учитывать данные особенности, использовать в обучении их практический опыт, усиливать наглядность в преподавании, организовывать обучение на основе манипулирования с реальными или виртуальными объектами, использовать групповую деятельность при решении учебных задач для организации коммуникации.

На этой основе возможно выявление условий их профессионального самоопределения и базовой подготовки к освоению рабочих профессий в профессиональном училище. В целом процесс обучения в лечебных исправительных учреждениях необходимо реализовывать с учетом дальнейшего совершенствования комплексной воспитательной и психологической работы с осужденными. В этой связи важным условием является эффективное взаимодействие сотрудников медицинского персонала, воспитательного отдела, учителей школ, психологов, мастеров училищ.

СОТРУДНИК УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Неопределенность правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной инспекции (УИИ) в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора в порядке главы 47 УПК РФ, заставляет ученых возвращаться к переосмыслению сложившихся теоретических подходов и правоприменительной практики участия сотрудника УИИ в уголовном процессе.

В соответствии с п. 58 ст. 5 УПК РФ участником уголовного судопроизводства является лицо, принимающее в нем участие. Общеизвестно, что классификация участников уголовного судопроизводства традиционно исходит из сложившихся представлений о функциях уголовного судопроизводства, к которым относятся: обвинение (уголовное преследование), защита и разрешение дела. Исходя из данного подхода, современное уголовно-процессуальное законодательство к участникам уголовного судопроизводства относит: суд; участников со стороны обвинения (прокурор, следователь, дознаватель, потерпевший и др.); участников со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник и др.); иных участников (свидетель, переводчик, эксперт и др.). В зависимости от принадлежности к той или иной группе участников уголовного судопроизводства УПК РФ наделяет их разным объемом прав и обязанностей.

Таким образом, для оптимального определения правового статуса сотрудника УИИ в уголовном процессе необходимо исходить из того, какую именно уголовно-процессуальную функцию он выполняет. Анализ положений ст. 397 УПК РФ позволяет сделать вывод, что при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, сотрудник УИИ как представитель учреждения, исполняющего наказание, обладает рядом процессуальных прав и обязанностей: вносить в суд представления, заявлять ходатайства, участвовать в судебном заседании, представлять доказательства, давать пояснения по существу представления и ряд других, за исключением права апелляционного обжалования судебного решения.

Не вдаваясь в полемику о природе производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, следует отметить, что, несмотря на то, что возникает оно в связи с реализацией уголовно-исполнительных правоотношений, основанием которых является обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, нет необходимости вводить в уголовно-исполнительное законодательство процессуальные нормы по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора. С другой стороны, иницилируя такое производство, сотрудник УИИ выступает в защиту публичных интересов в пределах своих должностных полномочий, природа которых вытекает из уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, на сегодняшний день сотрудник УИИ как участник уголовного судопроизводства не вписывается ни в одну из категорий участников, представленных в разделе II УПК РФ. В то же время этот законодательный пробел с очевидностью свидетельствует о необходимости законодательного закрепления его правового статуса в данной сфере, что в конечном итоге оказывает существенное влияние на эффективность уголовного наказания.

Н.Б. Лелик

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ТРУДУ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН

Согласно ст. 103 УИК РФ каждый осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения. В международных стандартах обращения с осужденными указывается, что «Осужденные, заключенные должны иметь возможность или принимать активное участие в своей реабилитации, выполнять работу по своему выбору, если это совместимо с правильным выбором ремесла и требованиями администрации и дисциплины в соответствующем учреждении».

Результаты исследования, проведенного в исправительных колониях Сибирского и Уральского федеральных округов, где содержатся женщины, ранее отбывавшие лишение свободы, показали, что подавляющее их большинство (60%) до осуждения были трудоустроены в сфере торговли, разнорабочими, а также на различных

предприятиях. Несомненно, что в исправительных колониях должны создаваться необходимые условия для сохранения, приобретения (восстановления) осужденными профессиональных трудовых навыков. Одной из задач реализации Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы 2018–2026 годы» является создание дополнительных рабочих мест для осужденных к лишению свободы¹. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации² в 70 субъектах РФ учреждениями получены заказы на поставку продукции для региональных и муниципальных нужд. Это позволило дополнительно трудоустроить 1,5 тыс. осужденных. В исправительных учреждениях задействовано более 120 тыс. единиц технологического оборудования, основная часть которого приходится на швейное и обувное (38,6%), металлообрабатывающее (20,9%) и деревообрабатывающее производство (9%).

Проведенные нами исследования в ИК общего режима для женщин, ранее отбывавших лишение свободы, показали, что около 70% их обеспечены оплачиваемым трудом, однако нормы выработки на швейном производстве достаточно высокие и низкооплачиваемые. На вопрос, устраивает ли Вас данная работа, практически половина респондентов во всех учреждениях ответили отрицательно. Очевидно, что однообразный, монотонный, требующий постоянной концентрации внимания труд на швейном производстве, типичный для женских исправительных колоний, большинство осужденных не устраивает. Поэтому продолжать работу по специальностям, полученным в исправительной колонии, после освобождения желают лишь единицы. Это говорит о необходимости больше разнообразить труд осужденных женщин, вводя для них новые сферы трудовой занятости – вязание (вышивание), занятия народными промыслами (лепка из глины). Кроме этого, около 40 % осужденных женщин ука-

¹ О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы 2018–2026 годы»: Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

² Об утверждении перечня товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) учреждениями и предприятиями уголовно-исполнительной системы, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя): Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 № 1292 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2019).

зали на желательность обучения их таким профессиям, как кочегар, слесарь, сантехник, штукатур-маляр, в связи с тем что они более востребованы на рынке труда и в период отбывания наказания; это помогло бы им лучше трудоустроиться. Особенно это важно для тех, кто имеет исполнительные документы.

С.В. Медведев

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В АСПЕКТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государство, эффективно и продуктивно использующее инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь, получает стратегическое преимущество¹. Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента России от 31.12.2015 № 683, в качестве одного из главных направлений обеспечения безопасности названо совершенствование правового регулирования предупреждения преступности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов².

Молодежь и молодежная преступность – это компоненты, без изучения и понимания которых преступность как системно-структурное явление не раскроет своего существа и особенностей функционирования.

В самом начале XXI в. исследователи отмечали увеличение масштабов молодежной преступности, повышение степени ее общественной опасности. Делались выводы о кризисном положении дел в борьбе с ней и неспособности государства реализовать имеющиеся возможности и резервы для достижения позитивных количественных и качественных изменений³.

Однако в настоящее время ситуация иная. Обращает на себя внимание тенденция снижения как общего количества зарегистрирован-

¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

² Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

³ Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Юристъ, 2006.

ных преступлений, так и совершенных молодыми людьми. За десятилетие ежегодный показатель таких числа лиц уменьшился почти вдвое.

Вместе с тем практика борьбы с преступностью дает основание для вывода о том, что в молодежной преступности возник четкий ориентир – совершение деяний, имеющих не просто корыстную мотивацию, но характеризующихся «высокой технологичностью», обладанием определенными знаниями и умениями. При этом обычная «неквалифицированная» (в основном насильственная и уличная) преступность становится уделом маргинальной части данной возрастной группы.

При этом параллельно декриминализации происходит интенсивная криминализация новых форм общественно опасной деятельности, особенно связанных с научно-техническим развитием. Эти процессы развернулись на фоне насыщенных событий в социальной, экономической, политической жизни, развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства, попыток концептуально реформировать правоохранительную систему и региональные системы органов профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Утверждение о том, что сущностное содержание криминальных побуждений не меняется и не наступает в целом заметного облагораживания человеческой мотивации, которая, наоборот, стала более прагматичной и утилитарной¹, – в полной мере относится к молодежной преступности. В современных условиях появляются новые черты в содержании криминальных побуждений, рождаются новые методы и способы их реализации. Вопрос о причинах сложного выбора молодыми людьми основ жизнедеятельности и избрания ими пути криминальной самореализации по-прежнему важен. Поэтому сложившаяся ситуация требует новых криминологических исследований.

¹ Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005.

О.В. Мошненко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ С ОРГАНАМИ И УЧРЕЖДЕНИЯМИ УИС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На протяжении последнего десятилетия нашим государством предпринимались различные шаги по повышению взаимодействия различных органов государственной власти с институтами гражданского общества.

Особую значимость общественному контролю стали придавать и в местах принудительного содержания. Одним из основных субъектов общественного контроля там стали общественные наблюдательные комиссии (ОНК), играющие значимую роль в процессе как выявления нарушений прав и свобод лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, так и в их обеспечении. Сегодня ОНК созданы в 83 субъектах РФ, однако практика их взаимодействия с органами и учреждениями УИС различна и неоднозначна.

Есть регионы, где общественный контроль формален, не достигая поставленных задач. Например, нередки случаи, когда членами ОНК являются «ангажированные» лица, которые не передают информацию о нарушении прав лиц в местах заключения, а обращаются непосредственно к администрации, пренебрегая своими обязанностями.

В ряде случаев при взаимодействии ОНК с органами и учреждениями складываются сложные взаимоотношения. Например, отдельные члены ОНК отмечают нарушения в действиях администрации по допуску членов ОНК в исправительные учреждения, нежелание предоставлять возможность знакомства с видеозаписями, документами и журналами учета происшествий и т.д.¹ В свою очередь, сотрудники исправительных учреждений говорят о том, что осужденные могут использовать ОНК для дестабилизации деятельности учреждений, «дисквалификации» неудобного сотрудника. Отмечают низкую компетентность членов ОНК.

Действительно, многие члены ОНК не имеют опыта работы в области защиты прав граждан, не знают порядок исполнения и отбывания наказания.

¹ Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 20.11.2018).

Есть и хорошие примеры взаимодействия, когда члены ОНК и администрация учреждений УИС осознают необходимость и значимость данного взаимодействия, когда администрация незамедлительно реагирует на замечания членов ОНК и устраняет выявленные нарушения прав осужденных.

На наш взгляд, для повышения эффективности взаимодействия ОНК и органов и учреждений УИС необходимо,

- нормативно закрепить порядок взаимодействия ОНК с общественными советами территориальных органов ФСИН России;
- пересмотреть порядок формирования ОНК и требования к общественным организациям, обладающим правом на выдвижение кандидатур в члены ОНК;
- предоставить право членам осуществления ОНК вести кино-, фото- и видеосъемку;
- организовать проведение практико-ориентированных занятий с членами ОНК.

Е.Е. Новиков

ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ СТОРОНЕ ПРАВОМЕРНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА

Правомерное бездействие, основывающиеся на неиспользовании своих прав, по общему правилу, не предполагает ответственности. Другими словами, наличие у субъекта уголовно-исполнительного правоотношения какого-либо права предусматривает свободу действия по реализации указанного элемента правового положения: хочешь – используешь право или отказываешься от использования такового. Однако полагаем, что данное бездействие субъектов не всегда оправдано.

Так, нормы уголовно-исполнительного права содержат достаточное количество дозволяющих предписаний, неиспользование которых, с одной стороны, является правомерным, а с другой – сомнительным, например, обращение осужденных к обязательным (ч. 3 ст. 26 УИК РФ) или исправительным (ч. 4 ст. 42 УИК РФ) работам в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания в связи с наличием тяжелой болезни и т.д. Данное поведение законодателем хотя и допускается, но ценность его сомнительна.

Решение данного вопроса возможно не только через правовое воспитание, но и посредством пересмотра содержания подобных норм. Так, отрицательный эффект правомерного бездействия, возникшего в результате необращения больного осужденного к обязательным работам с просьбой об освобождении от отбывания наказания, будет преодолен, если уголовно-исполнительные инспекции наделить правом в таких случаях ходатайствовать перед судом об освобождении осужденного.

Отдельно отметим, что при такой форме правомерного бездействия субъекту уголовно-исполнительных отношений следует ответить на следующий вопрос: не совпадает ли использование своих прав с неисполнением своих обязанностей?. Это происходит, когда право субъекта правовых связей, по сути, является его служебной обязанностью. Бездействие участников правоотношений, основывающихся на данных нормах, будет являться юридическим фактом, порождающим основания ответственности.

В уголовно-исполнительном праве можно выделить обширный перечень юридических фактов, имеющих подобную двойственную природу. Так, например, администрация ИУ не может отказаться от своего права использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других правонарушений; администрации всех учреждений, имеющих право применять меры взыскания, не вправе бездействовать в случае нарушения осужденным установленного порядка отбывания наказания и т.д.

Таким образом, полагаем, что права, неиспользование которых несет отрицательный результат, должны быть трансформированы в разряд обязанностей. Например, в ч. 6 ст. УИК РФ должно быть закреплено, что администрация ИУ наделена не правом, а обязанностью производить досмотр «...находящихся на территории исправительного учреждения и на прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы...».

ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Данные официальной судебной статистики¹ свидетельствуют о расширении практики назначения несовершеннолетним некоторых наказаний, не связанных с лишением свободы. Удельное количество несовершеннолетних, осужденных к обязательным работам, возросло от 13% в 2009 г. до 22% в 2018 г. Доля несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы, начиная с момента введения этого наказания в действие увеличилась более чем в 3 раза и составила в 2018 г. 3,4%. За аналогичный период времени более чем в 1,5 раза увеличилась и доля несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы, назначенному в качестве дополнительного наказания (0,36% в 2018 г.). До 2012 г. доля несовершеннолетних, осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, увеличивалась с 10,6% от общего количества осужденных несовершеннолетних в Российской Федерации в 2009 г. до 12% в 2012 г. Начиная с 2013 г. удельный вес несовершеннолетних, осужденных к штрафу, начинает убывать и в 2018 г составил 9,4%. Что касается штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, то за аналогичный период времени его доля практически не изменялась и находилась в пределах от 0,7% – в 2009 г. до 1% в 2018 г. от общего количества несовершеннолетних, ежегодно осуждаемых в Российской Федерации. Удельный вес уголовного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, назначенного несовершеннолетним в качестве дополнительного вида, за аналогичный период времени увеличился почти в 8 раз и находился в пределах от 0,09% в 2009 г. до 0,7% в 2018 г. от общего количества несовершеннолетних, ежегодно осуждаемых в Российской Федерации. Несовершеннолетних, осужденных к лишению права заниматься определенной деятельностью, назначенного в качестве основного наказания с 2009 по 2018 г., по официальным данным судебной статистики не было.

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=1>

В то же время удельный вес несовершеннолетних, осуждаемых к наказаниям без изоляции от общества и условному осуждению, из года в год остается практически стабильным. В 2009 г. их доля среди общего количества осужденных несовершеннолетних в Российской Федерации составляла 79,3% от общего числа осужденных несовершеннолетних, в 2010 г. – 81,6%, в 2011 г. – 84,2%, в 2012 г. – 84,5%, в 2013 г. – 84,3%, в 2014 г. – 83,4%, в 2015 г. – 82,7%, в 2016 г. – 83,9%, в 2017 г. – 83,2%, в 2018 г. – 82,8%. Таким образом, введение в действие и расширяющаяся практика назначения несовершеннолетним новых наказаний, не связанных с лишением свободы (обязательных работ и ограничения свободы), не повлекли существенного сокращения лишения свободы, которое остается примерно на уровне 17%, а привели к уменьшению удельного веса несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам и условно осужденных. На фоне расширяющейся практики назначения несовершеннолетним обязательных работ удельный вес несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, снизился от 2% в 2009 г. до 1,3% в 2018 г. от общего количества ежегодно осуждаемых несовершеннолетних в Российской Федерации. Увеличение удельного веса несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы, привело к снижению удельного веса условно осужденных несовершеннолетних. Доля несовершеннолетних, осужденных условно, уменьшалась от 51% в 2009 г. до 38% в 2018 г. от общего количества ежегодно осуждаемых несовершеннолетних в Российской Федерации.

О.М. Писарев

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ У СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

На протяжении последних лет в отечественной пенитенциарной системе наблюдается рост числа и видов коррупционных правонарушений. В этой связи преодоление коррупции является одним из приоритетных направлений долгосрочной стратегии Федеральной службы исполнения наказаний по созданию атмосферы нетерпимо-

сти к превышению и злоупотреблению должностными полномочиями, формированию и поддержанию антикоррупционного климата в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Большинство ученых, изучающих данную проблему, рассматривают коррупцию как многоаспектное и многоуровневое явление, интегрирующее в себе юридическую, социальную, этическую и другие стороны. На наш взгляд, не менее важна и психологическая составляющая, поскольку сегодня перед психологической наукой также стоят задачи изучения, а перед психологической практикой – искоренения данного явления. По мнению ряда ученых, определяющая субъективная причина существования коррупционных проявлений лежит в самих сотрудниках пенитенциарного ведомства. Они – гаранты закона, однако при совершении коррупционных преступлений исходят из принципов безнаказанности и вседозволенности¹. Отдельные сотрудники при выполнении функциональных обязанностей ставят в зависимость исключительно от материальной выгоды, которую они лично могут получить от исполнения либо неисполнения служебных задач. С подобными психологическими установками фактически любая служебная ситуация может стать коррупционно опасной.

Выход видится в акцентировании внимания на одном из ключевых направлений противодействия коррупции – на формировании у сотрудников уголовно-исполнительной системы психологических установок антикоррупционного поведения, которые способствовали бы его неприятию. Необходимость формирования таких установок личности предполагает профессиональное самоопределение через осознание ответственности за собственный выбор в своей деятельности. При этом необходимо, чтобы сотрудники не просто осознавали важность антикоррупционных посылов, но и активно усваивали практические умения, направленные на антикоррупционное поведение.

В этой связи актуальна разработка сотрудниками психологической службы ФСИН специальных психокоррекционных и психопрофилактических программ, направленных на формирование у сотрудников уголовно-исполнительной системы негативного отношения к коррупционным проявлениям через актуализацию психологических установок антикоррупционного поведения, имеющих фунда-

¹ Николаев С.М. Ценностные ориентации противодействия коррупции у сотрудников правоохранительных органов. Псков: Псков. филиал Академии ФСИН России, 2016. 204 с.

ментальное значение для личности на таких уровнях, как правовая культура, ценностно-смысловые ориентации, профессиональное самосовершенствование. Немаловажную роль в этом могут сыграть образовательные организации ФСИН России, реализующие обучение (повышение квалификации сотрудников) по дополнительным профессиональным программам «Организация профилактики коррупционных и иных правонарушений в учреждениях и органах УИС».

Это послужит предпосылкой выполнения персоналом уголовно-исполнительной системы профессиональных обязанностей в русле нетерпимости к фактам коррупции в служебных отношениях.

Е.А. Писаревская

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Особенностью профилактики рецидивной преступности несовершеннолетних в целом является ее реализация в рамках системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В текущий момент в Российской Федерации реализуется Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р¹.

При этом план мероприятий в рамках данной Концепции предусматривает, в частности, «Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Это направление предусматривает разработку и актуализацию региональных (муниципальных) программ и планов мероприятий по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних с учетом рассматриваемой Концепции.

При этом речь не идет о разработке отдельных программ профилактики по указанным в Концепции направлениям ранней, непо-

¹ Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф, сетевая. Доступ из Компьютер. сети НФИ КемГУ, свободный.

средственной профилактики и профилактики повторных правонарушений, что, на наш взгляд, не совсем правильно.

Полагаем, что каждое из указанных направлений профилактической деятельности имеет свою специфику, характеризуется особым субъектным составом, специфическими объектами воздействия и, как следствие, особыми профилактическими мерами. Для того, чтобы программы профилактики имели более конкретный, содержательный, правоприменительный характер, необходимо принимать и реализовывать федеральные (региональные, муниципальные) программы отдельно по указанным выше направлениям профилактики правонарушений несовершеннолетних.

В настоящее время на федеральном уровне разработано и реализуется значительное число государственных программ, выполнение которых в некоторой степени способствует профилактике правонарушений.

Согласимся с тем, что целостная целевая федеральная программа профилактики правонарушений в настоящее время еще не разработана¹. Так, государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. (в редакции Постановления Правительства РФ от 30 марта 2018 г. № 366-13)², реализуемая в текущий момент в нашем государстве МВД России, не охватывает, на наш взгляд, важнейшие аспекты профилактической деятельности, в частности профилактику рецидивной преступности, преступности несовершеннолетних, рецидивной преступности несовершеннолетних.

Полагаем, что в настоящее время на федеральном уровне должны быть приняты и в ближайшее время реализованы две государственные программы: «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и «Профилактика рецидивной преступности несовершеннолетних», с соответствующим бюджетным ассигнованием.

¹ Мусейбов А.Г., Борбат А.В. Правовые и организационные основы разработки и реализации программ профилактики правонарушений // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф, сетевая. Доступ из Компьютер. сети НФИ КемГУ, свободный.

² URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 14.01.2019).

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ

Уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за соучастие в преступлении, можно разделить на две группы: первую группу составят нормы об ответственности исполнителей (соисполнителей), вторую группу – нормы об ответственности других соучастников (пособников, подстрекателей, организаторов). Очевидно, что криминологические основания этих норм неодинаковы.

Так, деяния организаторов, пособников, подстрекателей непосредственно не посягают на основные объекты уголовно-правовой охраны, не причиняют им вреда. Тем не менее они являются общественно опасными, поскольку создают либо увеличивают реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Они способствуют росту общественной опасности личности непосредственного исполнителя преступления.

Распространенность таких деяний, принципиальная возможность соучастия практически в любом умышленном преступлении обусловили закрепление диспозиций большинства норм об ответственности организаторов, подстрекателей, пособников в Общей части УК РФ.

По-другому определяются криминологические основания норм об ответственности соучастников, выступающих в качестве исполнителей (соисполнителей) преступления.

Представляется, что непосредственным криминологическим основанием этих норм являются факты причинения исполнителем конкретного вреда объектам уголовно-правовой охраны по согласованию, совместно с другими лицами, при их помощи и участии. Отметим, что само наличие, а также характер и степень участия в совершении преступления организаторов, пособников, подстрекателей могут существенно влиять (практика показывает – и влияет) на оценку общественной опасности, прежде всего личности исполнителя, на возможность повторения аналогичного деяния с его стороны в будущем (рецидив). Например, совершение преступления в результате физического или психического принуждения, обусловленного материальной, служебной или иной зависимостью, как правило, свидетельствует об относительно меньшей степени общественной опас-

ности личности исполнителя и признается обстоятельством, смягчающим наказание (ст. 61 УК РФ).

В то же время совместность совершения преступления может в определенных случаях влиять и на степень общественной опасности деяния исполнителя (соисполнителя). Так, преступление, совершаемое в составе группы лиц, порождает у субъектов охраняемых законом общественных отношений больше чувство тревоги, неуверенность в своей безопасности, т.е. причиняет больший вред субъективному содержанию объекта посягательства, объективно влияет на ухудшение качества жизни человека (людей) и поэтому признается более опасным, чем деяние, совершенное лицом в одиночку. Эти обстоятельства (наряду с некоторыми другими) обуславливают необходимость существования специальных уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступления в составе группы.

Общественная опасность соучастия, рассматриваемого как криминологическое явление, и общественная опасность соучастия как конкретного деяния оказывают разное влияние на прогресс обоснования норм, устанавливающих уголовную ответственность соучастников. Если характер и степень общественной опасности деяния непосредственно обуславливают содержание санкции уголовно-правовой нормы, то опасность соучастия как криминологического явления влияет на всю систему мер предупреждения этого явления. Более того, характер и степень социальной вредности соучастия как криминологического явления обуславливает содержание уголовной политики в этой сфере.

Сказанное выше позволяет утверждать, что общественная опасность деятельности лица, вносящего определенный вклад в преступление, совершаемое совместно, анализируется прежде всего как опасность деяния конкретного субъекта. Общественная опасность соучастия в целом как взаимодействия соучастников – это опасность социального явления, имеющего свои содержание, структуру, форму. Анализ этого явления представляет криминологический характер, поскольку имеет целью изучение детерминант, обусловивших возникновение и существование данного явления, особенностей взаимосвязей между соучастниками и особенностей отношений между участниками различных групп, а также разработку мер предупреждения этого негативного социального явления.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний представляет собой изменение наказания (смягчение или усиление) в процессе его отбывания в зависимости от поведения осужденного. Являясь комплексным институтом, основу которого в настоящее время составляют нормы уголовного и уголовно-исполнительного права, она до сих пор не сложилась в окончательном виде. Прежде всего возникает проблема определения элементов прогрессивной системы. Представляется, что к ним должны относиться те, которые соответствуют цели и свойствам прогрессивной системы.

Целью прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний является стимулирование правопослушного поведения осужденного. Следовательно, к ее элементам можно отнести как меры, поощряющие такое поведение, так и меры, удерживающие от противоправного поведения.

Сущностным свойством прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний является ее способность изменять (усиливать или ослаблять) степень карательного воздействия наказания на осужденного в процессе его отбывания. При этом к элементам этой системы не относятся меры поощрения и взыскания, поскольку последние не изменяют карательного содержания наказания. Меры поощрения и взыскания могут лишь разово улучшить или ухудшить положение осужденного, не изменяя карательного воздействия наказания. Однако следует признать, что эти меры оказывают существенное воздействие на применение того или иного элемента прогрессивной системы. Например, в зависимости от применения к осужденному мер поощрения или взыскания зависит возможность его перевода в те или иные условия отбывания наказания, изменение вида режима, применение условно-досрочного освобождения и замены наказания. Аналогичное стимулирующее воздействие на правопослушное поведение осужденного может оказать (и в реальности оказывает) административный надзор. Согласно ч. 1 и п. 1 ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за

лицами, освобожденными из мест лишения свободы» его установление в отношении освобожденного за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления возможно только в случае, если в период отбывания наказания в местах лишения свободы оно признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Исходя из этого, осужденные, не желая установления в отношении них этой меры, опасаются нарушать правила внутреннего распорядка исправительного учреждения (о чем свидетельствуют данные опроса сотрудников исправительных учреждений).

Таким образом, меры, оказывающие существенное влияние на прогрессивную систему исполнения наказаний, следует именовать ее факторами, которые при должной законодательной регламентации способны сделать ее более гибкой и действенной. К примеру, основания применения административного надзора можно поставить в зависимость от прогрессивной системы и не устанавливать его в случае условно-досрочного освобождения или отбывания наказания в облегченных условиях. В настоящее время следует признать, что потенциал факторов прогрессивной системы исполнения лишения свободы используется не в полной мере.

Определение непосредственно элементов прогрессивной системы зависит от конкретного вида наказания, которое исполняется (может исполняться) по прогрессивной системе. Например, применительно к лишению свободы это условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменение вида исправительного учреждения, изменение условий отбывания наказания.

М.В. Прохорова

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКАМИ УИС

Обеспечение безопасности сотрудников УИС на протяжении длительного времени является актуальным вопросом. Ряд существующих в науке дискуссий касается применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС в порядке, установленном ст. 86 УИК РФ. 28 декабря 2017 г. вступили в силу Федеральный закон № 503-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняю-

щих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Еще на стадии обсуждения законопроекта вопрос о внесении изменений в правовую регламентацию порядка и условий применения мер безопасности сотрудниками УИС вызвал широкий резонанс, в том числе в средствах массовой информации. Особое недовольство у представителей правозащитных организаций вызывал тот факт, что законопроект, по их мнению, значительно и в расплывчатых формулировках расширил полномочия сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов по применению физической силы, оружия и специальных средств.

Ни в коем случае не поддерживая вышеприведенные факты, также отметим, что очевидным и несомненным преимуществом внесенных изменений является систематизация и унификация правовых норм в части, касающейся оснований и порядка применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Согласно ранее действующему законодательству сотрудники следственных изоляторов и исправительных учреждений руководствовались различными правовыми положениями при применении мер безопасности. Вместе с тем требования Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Уголовно-исполнительного кодекса РФ об основаниях и порядке применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия не всегда согласовывались между собой, что порождало определенную конкуренцию норм права.

Кроме того, в настоящее время широко дискутируется вопрос о включении в число оснований применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия дополнительных, связанных с обеспечением личной безопасности сотрудников УИС согласно Федеральному закону от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», регламентирующему государственную защиту сотрудников УИС и их близких¹. С данной точкой зрения также

¹ См.: Кириловский А.В. К вопросу о реализации меры безопасности в виде выдачи оружия, специальных средств и средств оповещения об опасности сотрудникам уголовно-исполнительной системы и их близким // Вестник института:

нельзя согласиться, поскольку применение мер безопасности в рамках закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в своей содержательной части, выступает в большей степени мерами обеспечительно-принудительного характера (например, правопослушного поведения осужденных, прекращения совершения ими противоправных действий), тогда как применение мер безопасности в рамках Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» имеет обеспечительный характер и направлено в первую очередь на обеспечение личной безопасности сотрудников УИС и их близких.

З.Р. Рахматулин

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С КОРРЕКТИРОВКОЙ НЕПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА

Роль суда в установлении и корректировке требований непениitenciарного режима является существенной, поэтому научный интерес вызывает такой сегмент судебного контроля, как судебское усмотрение при разрешении вопросов, возникающих в связи с реализацией наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового характера. Так, анализируя вопросы правового статуса осужденных, В.А. Уткин акцентирует внимание на значимости судебного контроля, поскольку в предлагаемой им редакции ч. 4 ст. 10 УИК РФ ведется речь о том, что права и обязанности осужденных определяются в том числе и «...правоприменительными актами исходя из порядка и условий отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового характера»¹. Определенную роль здесь играет и судеб-

преступление, наказание, исправление: науч.-практ. журн. Вологод. ин-та права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2018. № 4 (44). С. 55–60.

¹ Уткин В.А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В.А. Уткина. Томск, 2018. С. 20; Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60–62.

ское усмотрение, которое имеет место при поступлении представлений уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) о дополнении, изменении или частичной отмене ограничений и обязанностей, возложенных приговором суда (ограничение свободы, условное осуждение).

Деятельность судов по корректировке непенитенциарного режима востребована, однако имеют место случаи, когда, несмотря на то что к осужденным следовало применять дополнительные ограничения и обязанности в период исполнения приговора, судом это не было осуществлено и наоборот. Однако оптимизация непенитенциарного режима играет позитивную профилактическую роль.

Очевидно, что в основе порядка рассмотрения обращений УИИ судом должны быть данные о личности осужденных. Например, наиболее высок криминологический рецидив (как в период нахождения на учете, так и в течение двух лет после снятия с учета) среди лиц, осужденных к ограничению свободы по ст. 158, 166, 228 УК РФ.

Принимая это во внимание, необходимо предусмотреть варианты ограничения судейского усмотрения путем определения его пределов. В связи с этим Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» целесообразно дополнить пунктами, где будет предусмотрено, что факультативные ограничения и обязанности обязательно применяются к осужденным, склонным к совершению новых преступлений.

И.М. Режапова

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И КАНАДЫ)

Предупреждение рецидивной преступности не может быть эффективным, если оно не организовано на систематической и скоординированной основе и не включает мероприятий по улучшению жизни населения, совершенствованию уголовного правосудия и пенитенциарной системы¹. В этой связи изучение и использование за-

¹ Зарубежный опыт предупреждения преступности. URL: <https://studfiles.net/preview/2915230/page:58/> (дата обращения: 09.01.2019).

рубежного опыта может быть полезно для современной российской криминологии, для совершенствования организации профилактики преступлений.

Так, например, в Соединенных Штатах Америки реализуется несколько программ, созданных по инициативе бывших заключенных, цель деятельности которых состоит в оказании различной помощи лицам, только что освободившимся из мест заключения, с целью их социальной адаптации и отказа от совершения повторного преступления, в том числе оказания духовной, материальной и информационной помощи. Деятельность данных организаций основана на волонтерском движении и финансируется за счет государственных грантов, пожертвований, церкви. Это, например, организация JUST of Dupage в штате Иллинойс, или Exodus Transitional Community, которые являются некоммерческими организациями¹.

В практическом аспекте большие усилия в борьбе с рецидивной преступностью предпринимает Великобритания. По мнению Министерства внутренних дел Великобритании, одним из значительных факторов снижения риска повторного совершения преступлений играет гарантия трудоустройства после освобождения. Несколько исследований на эту тему подтвердили прямую взаимосвязь между отсутствием работы и постпенитенциарной преступностью. Один из лучших способов реабилитации заключенных – это получение образования и профессиональная подготовка во время отбывания наказания. Заключенные тюрем Англии и Уэльса могут начать работать еще на стадии тюремного заключения, используя схемы «освобождения на день», по договоренности с внешними работодателями².

В исправительной службе Канады считают, что для снижения риска рецидива преступности нужно начинать подготовку осужденного к возвращению в общество с момента его поступления в исправительное учреждение. Исправительная служба Канады разработала целую серию мер и программ для реабилитации осужденных. Для каждого осужденного разрабатывается «оценка», учитывающая риски, которые он представляет, и его потребности в условиях исправительного учреждения. Для «оценки» используется информация, по-

¹ Just of Dupage. URL: <http://www.justofdupage.org/financial.html> (дата обращения: 21.12.2018).

² United Kingdom House of Commons Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200405/cmselect/cmhaff/193/19326.htm> (дата обращения: 04.01.2019).

лученная от сотрудников полиции, суда, членов семьи осужденного, его работодателя, психологов и даже от потерпевшего. На основе информации, собранной в оценке, исправительная служба Канады разрабатывает индивидуальный план по исправлению осужденного правонарушителя, включающий реабилитационные виды деятельности и программы, направленные на изменение поведения правонарушителя и его отношения к окружающей действительности¹.

Таким образом, в настоящее время в рассмотренных странах реализуются государственные и другие виды программ, направленных на снижение рецидивной преступности, которые могут быть изучены и использованы в России.

С.Л. Сибиряков

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

В условиях повышения нестабильности международной обстановки и возросшей агрессивности ряда стран в отношении России рассматриваемая проблема бесспорно актуальна. Основа подхода к ее решению состоит в неразрывном единстве граждане – общество – государство, но при безусловном выделении места и роли воспитания людей, формирующих солидарное общество и сильное правовое государство. Отсюда акцент необходимо сделать на решении проблемы единства общества и власти.

Укрепление государственности и создание солидарного общества подразумевает комплексный подход, в котором автор выделяет следующие аспекты:

1. Усиление внимания подрастающему поколению:

– укрепление значимости начального, среднего, средне-специального, высшего образования в стране с упором на его воспитательную роль; создание единой общероссийской системы оплаты работников государственной системы образования из федерального бюджета (например, по образцу госслужащих);

¹Correctional Service Canada. URL: <http://www.csc-sec.gc.ca/correctional-process/002001-1000-eng.shtml> (дата обращения: 10.01.2019).

– возрождение многоуровневой системы правового просвещения детей, подростков с целью выработки у них правовой культуры и навыков правового поведения;

– усиление внимания к предупреждению негативных форм проявления девиантного поведения детей и подростков путем, например, реализации разработанной и апробированной автором «Комплексной системы непрерывного этико-правового воспитания детей и подростков и предупреждения их девиантного поведения»;

– принятие эффективных мер к сохранению физического и психического здоровья детей и подростков, особенно в условиях быстро развивающихся цифровых технологий и роста негативных последствий их использования.

2. Реальная поддержка института семьи как основы для формирования солидарного общества из активных, преданных государству граждан. Полноценная семья способна обеспечить эффективное развитие государства, прежде всего его социально-экономической основы, общественных организаций; формирование личности нравственной, культурной; образованного человека – ответственного гражданина своей страны.

3. Пересмотр подхода к подготовке наиболее значимых для укрепления российской государственности и развития солидарного общества специалистов различных отраслей знаний: воспитателей и педагогов, медицинских работников, психологов, социологов, политологов, юристов, экономистов и др.

4. Оптимизация системы, форм и методов социального контроля с целью повышения результативности предупреждения правонарушений и преступлений, иных негативных отклонений в поведении людей.

5. Ужесточение мер противодействия к преступным группировкам, совершающим особо тяжкие и тяжкие насильственные и корыстно-насильственные преступления, бескомпромиссно применяя к их участникам, особенно к их лидерам, пожизненное лишение свободы.

6. Усиление борьбы с коррупцией, коррумпированностью органов власти, снижение данных отрицательных явлений до уровня, приемлемого для общества и государства на данном этапе развития. По мнению автора, необходимо принять комплексный федеральный закон «О противодействии коррупционной, организованной и экономической преступности», предусматривающий повышенную ответственность и жесткие виды наказания за коррупцию («элитар-

ную») и сопутствующие ей организованную и экономическую преступность. А преступления иных видов коррупции (например, «бытовой» или «низовой») следует объединить в отдельную главу в рамках УК РФ.

7. Совершенствование процедур подготовки, принятия, реализации и исполнения законов, в первую очередь, наиболее актуальных для страны и общества. В частности, в России так и не был рассмотрен высшими органами законодательной власти проект ФЗ «О криминологической экспертизе», подготовленный криминологами Российской криминологической ассоциации и опубликованный в 1999 г.

В целях укрепления социально-психологического фундамента государственности необходимо устранить одну из преград для формирования действительно солидарного гражданского общества в России – обеспечение справедливости в заработных платах и пенсиях граждан. В частности, разрыв в размере пенсии между минимальной и максимальной должен быть не более 5–10-кратного (так как потребности у пожилых людей не могут различаться более чем в 3–5 раз). Предложенное необходимо закрепить законодательно, в Конституции РФ.

В заключение автор считает, что в прогнозируемых на ближайшее время политических, социально-экономических, культурологических, международных условиях возможно достичь приемлемого уровня повышения государственности и сформировать солидарное общество.

Однако основным условием остается совершенствование системы, форм и методов отбора кандидатов на должности служащих, особенно в высшие эшелоны государственной власти и управления. Отбор должен осуществляться при строгом учете личностных качеств претендента, таких как: преданность России, государственное мышление, устойчивость к искушениям властью, честь и честность, профессионализм и компетентность, нравственность и высокий уровень общей и правовой культуры.

М.А. Сутурин

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Уголовное наказание и преступность. Говоря об этих двух явлениях, мы должны констатировать, что они находятся в определенной взаимосвязи, хотя и являются разносодержательными категориями. Преступность, не являясь сугубо формальной категорией, подчинена в своем существовании и развитии достаточно большому числу объективных и субъективных факторов и далеко не всегда напрямую зависит от конкретных нормоустановлений. Уголовное же наказание – это формально определенный инструмент реакции государства (общества) на конкретное преступление или лицо, признанное виновным в совершении конкретного преступления. Взаимосвязь преступности и уголовного наказания отчасти прослеживается в том, что преступность как негативное социальное явление, априори несущее вред, требует соответствующей реакции со стороны социума в аспекте выработки и реализации мер ее предупреждения. И уголовное наказание имеет формально закрепленную цель – предупреждение совершения новых преступлений. Естественно мы не подвергаем сомнению, что это разноуровневые форматы предупредительной деятельности, однако, по нашему мнению, они находятся в определенном естественном симбиозе. В связи с этим в настоящей работе хотелось бы обратить внимание именно на криминологическое обоснование эффективности уголовного наказания.

Уголовное наказание выступает реакцией государства (возможно, общества) на конкретное преступное проявление и является «оценкой» уже совершенного деяния и лица его совершившего. Тем не менее при наличии определенных социальных условий, включающих множество компонент (например, адекватная уголовная и уголовно-исполнительная политика, профессионализм правоохранительных органов, достаточно высокий уровень правового сознания населения и т.д.), уголовное наказание способно выступать неким «барьером», сдерживающим преступность, и даже выступать инструментом, влияющим на ее снижение. В связи с этим не вызывает сомнения тезис о том, что уголовное наказание в полной мере долж-

но быть эффективным, в том числе с точки зрения его криминологической обоснованности. С позиции криминологической доктрины предупреждение преступности должно базироваться на базовых принципах, а стало быть, и уголовное наказание как формальный инструмент предупреждения преступности должно базироваться на них. Одним из принципов предупреждения преступности является принцип научной обоснованности его мер. В этой связи и уголовное наказание (его виды) должно быть научно обосновано. Только в этом случае мы можем презюмировать потенциальную и реальную эффективность уголовного наказания как средства предупреждения преступности.

Е.Ю. Суховецкая

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализ антикоррупционной политики в войсках национальной гвардии Российской Федерации свидетельствует, что в 2017 и 2018 гг. проводилась большая работа по профилактике и предупреждению коррупционных правонарушений, обеспечению соблюдения военнослужащими и сотрудниками установленных правил служебного поведения. Особое внимание уделялось выявлению, предотвращению и урегулированию конфликта интересов среди военнослужащих. Разработаны и реализуются планы по противодействию коррупции на 2018–2019 гг. В образовательном процессе вузов войск национальной гвардии РФ разработаны и внедрены мультимедийные обучающие программы по антикоррупционной подготовке будущих офицеров войск национальной гвардии¹. Следует отметить, что в настоящее время в войсках национальной гвардии РФ функционирует целостная система предупреждения, выявления, пресечения фактов коррупции. К числу ключевых аспектов противодействия коррупции относятся: оценка правомерности получения подарков в

¹ Шухова Н.В. О применении мультимедийной обучающей программы при проведении занятий по антикоррупционной подготовке в войсках // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 3 (8).

связи со служебным положением, правомерность выполнения иной оплачиваемой работы, урегулирование конфликта интересов, информирование о замеченных фактах коррупции, антикоррупционные экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры по противодействию коррупции, статистические данные свидетельствуют о наличии преступлений коррупционной направленности в войсках правопорядка.

Так, при общем снижении на 27% количества зарегистрированных среди военнослужащих преступлений (с 896 до 652) число правонарушений коррупционной направленности существенно не изменилось и составило 22% от всех преступлений, учтенных в органах военной прокуратуры (142 из 652).

Рост числа коррупционных преступлений допущен в Сибирском (с 1 до 13), Северо-Западном (с 8 до 17), Уральском (с 7 до 9) округах войск национальной гвардии и ОДОНа (4, в 2016 г. – не было).

Сокращение количества коррупционных преступлений достигнуто в Северо-Кавказском (с 96 до 29), Центральном (с 38 до 32), Приволжском (с 25 до 23) округах войск национальной гвардии и Пермском военном институте (с 4 до 1). Не зарегистрировано коррупционных преступлений в Восточном округе войск национальной гвардии (в 2016 г. – 14).

В результате совершенных военнослужащими преступлений причиненный государству материальный ущерб в 2017 г. увеличился в 12 раз и составил 1 млрд 187 млн рублей.

В большинстве случаев распространенность коррупционных отношений обусловлена несовершенством военного законодательства, наличием в нем коррупциогенных норм¹.

Таким образом, совершенствование военного законодательства, наряду с другими средствами антикоррупционной политики, безусловно, будут способствовать противодействию коррупции в войсках национальной гвардии РФ.

¹ Багдасарян И.А. Коррупциогенные факторы законодательства о военной службе // Военно-юридический журнал. 2014. № 8. С. 24.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГЛОБАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ» В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)

Среди иностранных и отечественных ученых-пенитенциаристов распространено мнение о необходимости расширения судебного контроля в деятельности исправительных учреждений. Все отчетливее обнаруживается тенденция усиления влияния международных правозащитных организаций и судов на пенитенциарную практику. Европейские судебные и инспекционные органы разделяют общие принципы концепта «глобальной справедливости». Национальная пенитенциарная политика европейских государств все более контролируется Советом Европы при активном участии Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

С лингвосемантической точки зрения для российского исследователя термин «справедливость» не отождествляется с категорией «юстиция», тогда как в западной правовой ментальности эти термины практически тождественны. Поэтому когда речь ведется о том, что ЕСПЧ действует сообразно идеи «глобальной справедливости», то мы пытаемся найти оттенки нравственности и морали в соответствующих решениях данного судебного органа, тогда как на самом деле эти решения отражают формальные аспекты рассмотрения конкретного дела.

В концептуальном смысле «глобальная справедливость» – мир, равный для всех в нем живущих. Как известно, истоки такого концепта содержатся в «Левиофане» Томаса Гоббса. В свою очередь Джон Роулз в работе «Теория справедливости» (1971) обосновал, что распределение первичных благ в обществе можно считать справедливым, если при этом обеспечивается максимальное благосостояние наименее обеспеченного его члена. Себастиано Маффетоне в работе «К более совершенному миру: глобальная справедливость между Левиафаном и Вселенским городом» (2013) заключает, что мировая справедливость – это справедливость внутри нации-государства, спроецированная на глобальный уровень. Отмеченными и иными исследовате-

лями показано, что движение в направлении мировой справедливости происходит одновременно с проектирования системы международных институтов, которая поддерживает такую справедливость, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний.

Изучение практики ЕСПЧ показывает его движение в сторону практической реализации концепта «глобальной справедливости» и постепенное расширение влияния судебных решений на корректировку национального законодательства. В итоге такой деятельности фактически происходит размывание национального «законотворческого» суверенитета. При этом следует согласиться с В.А. Уткиным в том, что «предметом разбирательства Европейского суда, в отличие от предыдущих дел, стали уже не “вопросы факта”, а “вопросы права”»¹. Это уже не дела типа пилотного решения «Ананьев и другие против Российской Федерации».

Представляется, что в Концепции развития (модернизации) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации необходимо закладывать механизмы оптимизации исполнения решений ЕСПЧ. Кроме того, целесообразно провести комплекс взаимосвязанных уголовно-исполнительных, уголовно-правовых, криминологических, социологических исследований на предмет перспективности вывода колоний-поселений из сферы учреждений, исполняющих лишения свободы.

А.П. Титаренко

**ОБ ОТСУТСТВИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗМЕЩЕНИЕ В СЕТИ
«ИНТЕРНЕТ» ФОТОГРАФИЙ,
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О НЕПОЛНОЦЕННОСТИ
ЧЕЛОВЕКА ПО ПРИЗНАКУ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ,
РЕЛИГИОЗНОЙ ИЛИ ИНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ**

Социальные сети в настоящее время получили широкое распространение в среде подрастающего поколения, заменив порой живое общение между сверстниками.

¹ Уткин В.А. Режим лишения свободы и правовой статус осужденных: между карой и безопасностью // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 4. С. 27.

Пытаясь привлечь к себе внимание в обширном потоке информации, подростки совершают, а затем размещают в сети порой запредельные для здравого ума поступки. К их числу следует относить и выражение своего, на их взгляд оригинального, мнения в отношении реальной действительности. Отделение себя от окружающих через неодобрительную оценку отличающихся по каким-либо качественным характеристикам людей может соответствовать признакам экстремизма (ст. 282 УК РФ) или оскорбления религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ). Довольно часто следственная практика содержит указания на пересылку фотографий с подписями, намекающими на их неполноценность в связи с социальной, национальной, языковой принадлежностью или отношением к религии.

Так, ставшая широко известной в связи с обвинениями в экстремизме и оскорблении чувств верующих одна из жительниц г. Барнаула была вовлечена в орбиту уголовно-правовых отношений за целенаправленный поиск в социальной сети нелицеприятных изображений людей иной расы и религиозных деятелей с желанием в последующем их размещения на своей странице в интернете. Тем самым, по мнению следствия, она подчеркивала свое крайне негативное отношение к представителям этих групп.

Придерживаясь точки зрения Л.М. Прокументова, согласно которой основанием криминализации деяния является повышенная степень общественной опасности¹, полагаем, подобные нарушения полткоректности и толерантности указывают на неадекватное восприятие молодым человеком окружающей действительности. Проблема кроется в слабом уровне или отсутствии правосознания у подростка, что требует подключения педагогических, а не юридических мер.

Даже переводение рассматриваемых действий в разряд административных правонарушений, на наш взгляд, не решает проблему в соответствии с принципами законности. Размещение в сети «Интернет» фотографий, создающих негативную эмоциональную оценку представителям какой-либо группы не может быть признано общественно опасным явлением, которое может быть пресечено только через государственное вмешательство. Ответственность за подобное размещение может быть только на уровне гражданско-правовой

¹ Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 89.

юрисдикции. То есть каждый человек должен решать для себя сам, каким образом оскорблены его чувства или унижено достоинство через размещение подобного рода фотографий. И если он полагает, что они нарушены, то может обращаться за правовой защитой и компенсацией вреда от таких фотографий.

На наш взгляд, при отсутствии целенаправленного, настойчивого формирования в интернете негативных характеристик групп лиц по их социальному либо иному признаку нет идеологической составляющей ни экстремизма, ни провоцирования межконфессиональной ненависти либо вражды.

Р.З. Усеев

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Научные исследования в сфере безопасности показывают, что категория «безопасность» имеет неоднозначные трактовки и понимания. УИК РФ эту категорию преимущественно воспроизводит через два сочетания: «личная безопасность» и «меры безопасности». Последние, в свою очередь, получают раскрытие применительно к деятельности исполнительных учреждений (ИУ) в виде применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Принятая в конце 2016 г. новая редакция главы 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон) обусловила появление некоторых проблем в понимании сотрудниками УИС его отдельных положений. Очевидно, что данный вопрос в условиях пенитенциарной системы важен, поскольку неправильное понимание Закона может повлечь не только формальное его нарушение, но и тяжкие последствия.

В процессе интервьюирования сотрудников УИС было установлено, что не все из них одинаково и верно понимают отдельные категории и выражения в упомянутом Законе. Среди таких категорий – «состояние необходимой обороны и крайней необходимости», «превышение сотрудником полномочий при применении мер безопасно-

сти», «характер и степень опасности действий лиц», «сотрудник имеет право применять физическую силу для пресечения административных правонарушений» и некоторые другие.

С позиций понимания отдельных выражений Закона также возникают вопросы. Например, не понимая значения смежных выражений в разных ситуациях можно прийти к выводу, что речь идет об одном и том же (в сравнении п. 3 ч. 1 ст. 29 и п. 3 ч. 1 ст. 30 Закона или, например, п. 5 ч. 2 ст. 30 и п. 7 ч. 2 ст. 30 Закона).

Некоторые позиции Закона имеют явный отсылочный характер, но данные отношения уже более двух лет с момента внесения изменений в Закон не урегулированы. Например, это касается ч. 4 ст. 31.1 Закона, когда иные (отличительные) ограничения на применение специальных средств могут быть определены Минюстом России.

В сложившейся ситуации следовало бы в Законе (например, в приложении к гл. 5) дать четкое объяснение ключевым категориям, таким как «пресечение неповиновения», «противодействие законным требованиям сотрудника», «отражение нападения», «пресечение физического сопротивления» и т.д.

В перспективе следовало бы разработать научно обоснованные и методически выверенные «пошаговые» рекомендательные (но необязательные) алгоритмы применения сотрудниками мер безопасности в условиях учреждений УИС. Эту позицию поддерживают 63% опрошенных нами сотрудников УИС (всего в опросе участвовало 207 сотрудников, 2017 г.). Эти алгоритмы необходимо было бы использовать в системе служебной подготовки среди сотрудников УИС.

В.А. Уткин

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДО 2030 г.: К МЕТОДОЛОГИИ ПРОЕКТА

В последние годы предметом дискуссий юристов все чаще становятся официальные акты нетипичной правовой природы (основы, концепции, стратегии, программы, доктрины и т.д.). С появлением Федерального закона № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в юридическую науку

и практику введена категория «документы стратегического планирования». Однако точно не определены статус таких актов, органы, уполномоченные на их принятие, требования к содержанию и структуре и их юридическое значение.

Нерешенность этих вопросов в общей теории права порождает ряд проблем в конкретных областях политико-правовой практики. Не является исключением и деятельность уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. В 2020 г. завершается действие принятой в 2010 г. Правительством России Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ. Практическая работа по подготовке материалов для новой Концепции уже начата ФСИН России. Однако ознакомление с двумя вариантами первоначального проекта «Концепции 2030», подготовленными НИИ ФСИН и Академией права и управления ФСИН России, свидетельствует о наличии в них недостатков системного свойства. Как в упомянутых документах, так и в науке в целом пока нет должной ясности о предмете этого доктринального политико-правового акта, о его основных целях, уровне принятия, структуре, содержании и механизме реализации. И в этой связи особую актуальность приобретает проблема «концепции Концепции», т.е. сама методология ее формирования.

Как действующая, так и будущая Концепция развития УИС – это доктринальные политико-правовые акты, но не документы стратегического планирования в смысле ч. 7 ст. 10 указанного выше Федерального закона. Понятие доктринальных правовых актов шире термина «документы стратегического планирования». Последние перечислены в ст. 11 Закона. Среди них не упомянуты концепции, доктрины, основы государственной политики, принципы и т.д. Документами стратегического планирования в смысле Закона № 172-ФЗ применительно к деятельности УИС являются федеральные целевые программы, в том числе действующая ныне ФЦП «Развитие уголовно-исполнительной системы» (2018–2026 гг.). Разрабатываемая Концепция, в отличие от ФЦП, – это прежде всего политико-правовой документ, определяющий основные векторы, своего рода идеологию развития и реформирования уголовно-исполнительной системы.

Основопологающим в определении предмета будущей Концепции является понятие «уголовно-исполнительная система» в том

значении, который вкладывает в него ст. 5 Закона РФ от 21 июня 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с последующими изменениями и дополнениями). Такой подход позволяет отграничить концептуальные проблемы развития УИС от связанных с ними, но все же более широких (в данном контексте) вопросов уголовно-исполнительной и тем более уголовной политики государства.

Уголовно-исполнительная система – важнейшее (но не единственное) средство реализации уголовно-исполнительной и, в конечном счете, уголовной политики. Но не наоборот. Поэтому в будущей Концепции не должен существовать самостоятельный раздел «Уголовная и уголовно-исполнительная политика». Согласно закону (ст. 604, 82 УИК РФ и др.) функции выработки и реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний возлагаются на соответствующий «федеральный орган исполнительной власти», в данном случае – на Министерство юстиции. Следовательно, теоретически возможна разработка под эгидой Минюста (хотя и с непременным внесведомственным, межведомственным и общественным участием) Концепции уголовно-исполнительной политики. Но это будет уже иной документ, составную часть которого должен образовать раздел «Развитие уголовно-исполнительной системы».

Тем не менее Концепция развития УИС должна быть нацелена, помимо прочего, на формирование в системе таких качеств, которые позволят ей давать эффективный ответ на существующие и потенциальные риски и вызовы, связанные с изменениями уголовно-судебной политики. Ведь сама по себе УИС вполне может и должна стимулировать те или иные направления уголовной политики (например, эффективность исполнения альтернативных санкций очевидно стимулирует расширение их числа в законе и более активное назначение судами). Кроме того, голос представителей уголовно-исполнительной науки и практики должен все громче звучать при принятии решений в области уголовной политики, в особенности касающихся системы уголовных наказаний и их применения.

Структура будущей Концепции как идеологии модернизации УИС едва ли должна формально воспроизводить структуру действующей, в том числе по указанным выше основаниям. Учитывая преимущественно структурно-институциональный и функциональ-

ный характер предстоящей модернизации (исходящей все же от «уголовно-исполнительной системы», а не от «уголовно-исполнительной политики»), важным направлением новой Концепции следует признать разработку, подготовку и принятие нового закона об уголовно-исполнительной системе.

С.В. Чубраков

МЕРЫ ВЗЫСКАНИЯ И ИНЫЕ МЕРЫ, ИМИ НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ, В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

Вопрос о средствах принуждения при обеспечении исполнения правовых предписаний в механизме правового регулирования, в том числе уголовно-исполнительного, не теряет своей актуальности на протяжении многих лет, помимо всего прочего потому, что до настоящего времени нет какой-либо определенности в природе самой уголовно-исполнительной ответственности, а также в том, какие меры должны относиться к ней и как они должны именоваться.

Так, правила об отбывании (исполнении) назначенных наказаний обеспечиваются по нынешнему законодательству: составами Особенной части УК РФ (но только ст. 313, ч. 1 и 2 ст. 314 УК РФ); положениями Общей части УК РФ (о замене ряда наказаний при злостном уклонении от их исполнения: ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50 УК РФ и др.); мерами взыскания, предусмотренными в УИК РФ (например, ст. 115 УИК РФ), а также иными уголовно-исполнительными мерами, которые, по сути, представляют собой негативные последствия различного вида (например, ч. 4 ст. 78, ч. 9 ст. 82 УИК РФ).

В целом все средства принуждения при обеспечении реализации любых правовых предписаний в механизме правового регулирования можно подразделить на два основных вида: принудительно воплощающие требуемое поведение и влекущие ответственность. Они облачаются в такую правовую форму, как предписание-санкция, которая закрепляет негативное последствие, обеспечивающее в обязательном порядке предписание-диспозицию, на случай добровольного невоплощения последнего в жизнь.

Если же обратиться к действующему уголовно-исполнительному законодательству, то оно не следует такому делению, по сути вычленив среди мер обеспечения исполнения уголовно-исполнительных предписаний только меры взыскания и позволяя оценивать оставшиеся – как все иные меры воздействия (не являющиеся мерами взыскания). Меры же безопасности в силу иной целевой направленности остаются, по нашему мнению, за рамками механизма обеспечения исполнения предписаний.

Меры взыскания – это, очевидно, только ответственность, а все иные меры воздействия могут быть согласно УИК РФ как в форме ответственности, так и в форме принуждения к предписанному поведению. Причем по УИК РФ меры взыскания выделяются только для определенных видов наказаний, имея закрытый перечень, который, например, для лишения свободы уже подвергался изменению.

Иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания, следует подразделить на два вида: иные меры, не влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности, и иные меры, влекущие такую замену.

Первые не консолидированы и представляют собой разбросанные по УИК РФ отдельные негативные последствия для осужденных, уклоняющихся от карательно-воспитательно-предупредительного воздействия (например, дополнительные обязанности условно осужденных, продление испытательного срока, изъятие запрещенных предметов и т.д.). Следует учитывать, что среди этих мер наряду с теми, которые являются принуждением к требуемому поведению (например, принудительное взыскание штрафа), есть в действующем законодательстве, безусловно, и те меры, которые по факту влекут дополнительные негативные последствия для осужденного за совершенное им правонарушение, т.е. по сути являются мерами взыскания. Так, абсолютно неясно, например, почему изменение условий содержания либо изменение вида исправительного учреждения не отнесены сейчас законом к мерам взыскания и чем, если не ими, они являются. В связи с этим представляется очевидной необходимость выделения среди таких иных мер всех негативных последствий, являющихся по природе мерами ответственности (но которые не влекут изменения вида первоначально назначенных наказаний либо иных мер уголовно-правового характера), и отнесение их к другой группе мер – к мерам взыскания. В этой же группе – иных мер воз-

действия, не являющихся мерами взыскания по УИК РФ и не влекущих замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности, – нужно оставить только те негативные последствия, которые представляют собой принудительное воплощение требуемого поведения, от которого осужденный уклоняется. Полагаем, что они могут быть поименованы как-то отлично от мер взыскания и отдельно описаны в Общей части УИК РФ.

Иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания и влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности, также весьма разнообразны. По общему правилу, они закрепляются в Общей части УК РФ (но вряд ли обосновано их относить к мерам уголовной ответственности). Однако ни УК РФ, ни УИК РФ не используют идентичных подходов при закреплении последствий злостного уклонения от отбывания наказаний, предусматривая то незачет времени уклонения в срок наказания, то пропорциональную замену на иные наказания, то замену иным, более строгим наказанием без каких-либо четких условий, то вообще уголовную ответственность. Представляется, что во всех случаях злостного добровольного неисполнения осужденным требований приговора суда не должно быть никаких пропорций замены и т.д. (это – правонарушение, и за него должна следовать ответственность), а должны наступать реальные негативные последствия (как путем установления правил о замене на более строгие меры, так и путем криминализации при наличии соответствующих оснований). Полагаем, что лишь отбытая, исполненная часть первоначального наказания может пропорционально пересчитываться для зачета ко вновь назначенному наказанию. Плюс невиновное неисполнение должно влечь иные последствия, в том числе допуская перерасчет одного наказания в другое с учетом заменяющих начал.

В итоге уголовно-исполнительные предписания, устанавливающие правила отбывания (исполнения) наказаний и иных мер уголовно-правового характера, должны обеспечиваться следующими уголовно-исполнительными средствами принуждения (наряду с мерами уголовной и административной ответственности):

– мерами взыскания (среди которых должны быть не только те, которые ныне предусмотрены законом в качестве таковых, но и все те, которые по природе являются ответственностью, но не влекут

замену первоначально назначенных мер наказания и иных мер уголовно-правового характера);

– иными мерами, влекущими замену первоначально назначенных мер наказания и иных мер уголовно-правового характера (но без криминализации их в УК РФ);

– иными мерами, принудительно реализующими требуемое поведение.

К.В. Шевченко

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

В настоящее время перед уголовно-исполнительной системой остро стоит задача привлечения к труду как можно большего числа осужденных к лишению свободы. Одним из направлений в решении этой задачи является исполнение учреждением, исполняющим наказание в виде лишения свободы, обязательств по поставке товара, выполнению работы, оказанию услуги в рамках договоров, заключенных с юридическими лицами.

Федеральным законом о контрактной системе № 44-ФЗ (п. 12 ч. 1 ст. 93) предусмотрено «заключение учреждением, исполняющим наказание, контракта на поставку товара для государственных нужд при приобретении указанным учреждением сырья, материалов, комплектующих изделий для производства товара, выполнения работы, оказания услуги в целях трудоустройства осужденных на основании договоров, заключенных с юридическими лицами, при условии, что приобретение указанным учреждением таких сырья, материалов, комплектующих изделий осуществляется за счет средств, предусмотренных этими договорами».

Однако при реализации данной нормы возникает ряд проблем как правового, так и организационного характера. В силу прямого указания закона предметом государственного контракта может быть закупка только сырья, материалов и комплектующих изделий. Однако при исполнении договора зачастую возникает необходимость в использовании деталей и принадлежностей, расходных материалов к

станкам и оборудованию, упаковки (например, иглолок для швейных машин, цепей для бензопил и т.д.). В связи с этим при исполнении договоров учреждение вынуждено закупать их отдельным контрактом, что приводит к дополнительному расходованию бюджетных средств и времени.

Кроме того, закупку сырья, материалов и комплектующих можно осуществить только на предусмотренный в контракте аванс, и общая их цена не должна превышать сумму контракта, в размер которой заложена и заработная плата осужденным.

Следует отметить и тот факт, что во многих учреждениях отсутствуют необходимые производственные мощности, зачастую оборудование, на котором трудятся осужденные, морально и физически устарело, что оказывает влияние и на качество производимых товаров.

При заключении контрактов в соответствии с данной нормой учреждение обязано провести экспертизу поставленного товара, работы, услуги с привлечением экспертов, экспертных организаций.

Для проведения такой экспертизы учреждение должно заключить отдельный контракт, руководствуясь правилами закона о контрактной системе, что также приводит к затягиванию сроков исполнения договора.

На основании изложенного представляется, что развитие данного направления трудовой занятости осужденных возможно лишь путем внесения адекватных изменений в закон о контрактной системе, в том числе упрощающих процедуру заключения контракта, модернизации производственного оборудования, что потребует немалых финансовых затрат.

А.С. Шерстяных

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НАРКОСИТУАЦИИ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЯ НАРКОМАНИИ

Ни для кого не секрет, что в настоящее время наркомания является массовым социально-экономическим явлением международного масштаба и обладает определенной спецификой механизма распро-

странения. Эти процессы изучаются международным сообществом и отражаются во Всемирном ежегодном докладе ООН о наркотиках (World Drug Report)¹. Мониторинг наркоситуации по стране в целом (и на отдельных территориях в частности) позволяет оценить эффективность тех или иных профилактических, реабилитационных и прочих мероприятий. При этом не стоит забывать о том, что на распространение наркомании оказывает существенное влияние политическая, экономическая и демографическая ситуация в регионе.

Для эффективного планирования антинаркотической деятельности необходимо понимание скрытых процессов распространения наркомании, выявление факторов, влияющих на эти процессы, при этом важно иметь представление о развитии указанных процессов во времени. Такие особенности требуют системного подхода для изучения и прогнозирования наркоситуации на территории. Решение подобных задач обычно разбивается на два этапа: выявление признаков, влияющих на показатели наркоситуации, и построение математической модели, позволяющей осуществлять прогноз ситуации во времени.

Наиболее простым и известным криминологам методом выявления взаимосвязи между стохастическими признаками является корреляционный анализ. Он позволяет не только установить факт наличия связи между значениями двух признаков, но и оценить силу (тесноту) этой связи, а также ее направление (прямая или обратная). В дальнейшем для моделирования выбираются только те факторы, которые оказывают наиболее сильное влияние на показатели наркоситуации. Анализ публикаций, посвященных проблеме моделирования наркоситуации, показал, что чаще всего в литературе встречаются следующие²: количество умерших в результате употребления наркотиков; количество состоящих на учете в медицинских организациях с диагнозом наркомания; уровень денежных доходов населе-

¹ Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения: 29.12.2018).

² См., например: Митягин С.А. и др. Региональная демографическая модель распространения наркомании // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2011. № 6 (76). С. 70–75; Молоков В.В., Рудакова Е.Н. Исследование статистических взаимосвязей показателей преступности как фактора криминализации региона // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 61–68. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/03/pdf/64.pdf> (дата обращения: 27.12.2018).

ния; обеспеченность населения жильем; численность безработных; число зарегистрированных браков и разводов; число родившихся за период; процент населения, удовлетворенного жизнью; процент населения, ясно видящего перспективы в жизни.

По мнению автора, было бы интересным рассмотреть вопрос влияния на наркоситуацию следующих факторов: показатели преступности несовершеннолетних; показатели, характеризующие миграционные процессы на территории; показатели уровня заболеваемости населения СПИДом и ВИЧ; уровень урбанизации территории; уровень образования населения.

После выявления признаков, оказывающих значительное влияние на показатели наркоситуации, можно приступить к построению математической модели, позволяющей прогнозировать развитие этого процесса в будущем. Одним из наиболее простых методов прогнозирования является регрессионный анализ. При этом выбор вида математической функции, с помощью которой планируется осуществлять прогноз, происходит исходя из наилучшего приближения к исходным статистическим данным. Использование модели позволяет получить различные прогнозные значения развития наркоситуации в будущем в зависимости от предполагаемых значений выбранных факторов.

Е.А. Журавлева

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

В части 1 ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) содержится перечень оснований для применения условно-досрочного освобождения (УДО) к осужденным, фактически отбывшим наказание в соответствии со ст. 79, 93 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Наличие такого основания УДО, как возмещение (частично / полностью) причиненного вреда, служит для осужденного дополнительным стимулом к трудовой деятельности, совершению иных действий, направленных на возмещение потерпевшему вреда.

Проведенный анализ личных дел осужденных, чьи ходатайства об УДО были удовлетворены и которые имели судебные иски по

возмещению причиненного преступлением вреда, показал, что лишь 19% осужденных возмещают причиненный вред полностью (частично – 81%). При этом процентное соотношение погашенной части иска существенно различается.

При рассмотрении ходатайства об УДО суд вправе возложить в течение неотбытой части наказания на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Проведенное исследование постановлений об УДО показало – количество осужденных, на которых судом были наложены другие обязанности, а именно дальнейшее возмещение причиненного вреда, составляет всего 6% от общего числа осужденных.

Представляется, что наиболее удачным с точки зрения реализации принципа социальной справедливости является следующий механизм.

При вынесении постановления об условно-досрочном освобождении суд, пользуясь правом, прямо предусмотренным уголовным законодательством, вменяет осужденному, который частично возместил причиненный преступлением вред, дополнительную обязанность – дальнейшее возмещение вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда.

В свою очередь, необходимо также закрепить механизм отмены УДО в случае уклонения осужденного от исполнения возложенной на него обязанности. Так, если в течение оставшейся неотбытой части наказания осужденный уклонился от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, суд по представлению органов, осуществляющих контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, вправе вынести решение об отмене условно-досрочного освобождения и исполнении оставшейся неотбытой части наказания, что по своему содержанию аналогично ч. 2 ст. 74 УК РФ.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.К. Аверченко

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ НА НОВОМ ЭТАПЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

По инициативе Верховного Суда Российской Федерации и определенной части юридического сообщества в нашей стране в настоящий период активно проводится в жизнь очередной этап судебной реформы, связанный с изменением инстанционного устройства судебной системы и порядка обжалования и пересмотра судебных актов, как не вступивших, так и вступивших в законную силу.

Так, Федеральным конституционным законом от 29.07. 2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» структура судов общей юрисдикции была существенно изменена за счет внесения в нее новых судебных звеньев, специально предназначенных для пересмотра судебных решений.

Федеральным законом РФ от 11.10.2018 № 361-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» соответствующие коррективы были внесены в уголовно-процессуальный закон. Аналогичной доработке были подвергнуты также гражданско-процессуальное и административно-процессуальное законодательство.

В качестве мотивов столь важных изменений приводятся благородные цели максимального обеспечения самостоятельности и независимости судов при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений; территориальное удаление судов второй и кассационной инстанций от суда, постановившего первоначальное

решение; оптимизация судебной нагрузки; обеспечение единства подходов и единообразия судебной практики; снижение коррупционных рисков и т.д.¹

Отдавая должное очевидным плюсам исключения организационной возможности пересмотра судебных решений, вынесенных данным судом, другими судебными составами этого же суда и введению правила «сплошной» кассации вместо выборочной, существуют, тем не менее, основания для ряда критических замечаний.

1. Нерациональное, по нашему мнению, определение территориальной подсудности новых судов. Территорию и население обслуживания 5-го кассационного суда (г. Пятигорск) не сравнить с территорией и населением 8-го и 9-го кассационных судов (городов Кемерово и Владивосток соответственно). Еще более «титаническое» образование представляет собой 5-й апелляционный округ (г. Новосибирск) – более половины страны. Эти диспропорции не могут не сказаться на доступности правосудия для населения².

2. Попытка экстерриторизации и удаления новых судов от федеральных центров и мест концентрации «административного ресурса» не удалась: и Москва и Санкт-Петербург получили и кассационные и апелляционные суды. Варианты Калуги (Воронежа и т.д.) для их размещения были все-таки отвергнуты. Вряд ли это позитивно скажется на снижении коррупционных рисков.

3. Спорным является и отнесение к подсудности специализированных судов разрешения жалоб на промежуточные решения суда первой инстанции, принятые судами среднего звена. Длительный период их разрешения по организационным причинам может сделать право сторон на их обжалование совершенно нереализуемым.

¹ Система апелляционного и кассационного обжалования в СОЮ. С. 1. URL: <http://zakon.ru/blog/2018/08/02/>

² См.: Ефименко Е. Новые апелляционные и кассационные суды на интерактивной карте. URL: <https://pravo.ru/story/203918>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ НАЧАЛЬНИКОМ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В настоящее время поднимаются вопросы расширения или возвращения отдельных уголовно-процессуальных полномочий учреждениям и органам УИС. Так, по мнению некоторых исследователей, существует целесообразность наделения конкретных субъектов уголовно-исполнительных отношений уголовно-процессуальными компетенциями и полномочиями на досудебных стадиях уголовного судопроизводства¹. Или же как минимум возвращение утраченных УИС уголовно-процессуальных полномочий вместе с принятием действующего УПК РФ.

Сегодня уголовно-процессуальные компетенции учреждений и органов УИС ограничиваются полномочиями и правовым статусом органа дознания. При этом действующий УПК РФ существенно ограничивает набор уголовно-процессуальных полномочий сотрудников УИС, определяя начальника учреждения, исполняющего наказания, как начальника органа дознания. Более того, анализируя нормы действующего УПК РФ, можно столкнуться с некоторыми неясностями. Так, отдельными исследователями ставится вопрос – являются ли вообще учреждения и органы УИС полноценным органом дознания?² Основные сомнения возникают из-за формулировки п. 24 ст. 5 УПК РФ.

Пенитенциарный рецидив продолжает оставаться актуальной проблемой и сегодня. Нет необходимости актуализировать наличие четкой законодательной регламентации процессуальной деятельности начальника исправительного учреждения как органа дознания. В большей степени это касается вопросов подследственности.

Для четкого законодательного позиционирования начальника исправительного учреждения как органа дознания существенной про-

¹ Гирько С.И. Субъекты уголовно-процессуальной деятельности (дознания) в системе ФСИН России: органы и должностные лица // Труды Академии МВД России. 2017. № 3 (43). С. 51.

² Брыляков С.П., Диваев А.Б. О перспективах развития досудебного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 29.

блемой является отсутствие в УПК РФ перечня самостоятельных субъектов уголовно-процессуальных отношений в УИС.

Краеугольной проблемой, на наш взгляд, помимо указанных выше, является и отсутствие в исправительных учреждениях лиц, обладающих компетенциями по осуществлению дознания. Сотрудникам оперативных аппаратов исправительных учреждений владение навыками и глубокими знаниями проведения процессуальных действий, исходя из специфики их служебной деятельности, не свойственно. Ведомственные инструкции в большей степени регламентируют прием и регистрацию сообщений о преступлениях и происшествиях. Однако четкого, на уровне инструкции, указания или алгоритма осуществления полномочий начальником исправительного учреждения как органа дознания нет.

Таким образом, считаем необходимым рассмотреть вопрос целесообразности внесения изменений в действующий УПК РФ, в части, касающейся установления четких полномочий начальника учреждения как органа дознания. Также сформулировать концептуальные основы пересмотра положения УПК РФ в части наделения полномочиями отдельных должностных лиц учреждений и органов УИС по осуществлению предварительного расследования в форме дознания.

В.О. Даштаар-оол

К ВОПРОСУ О ДВОЙНОЙ ЗАЩИТЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Конституция Российской Федерации закрепила право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Уголовное судопроизводство в свою очередь закрепляет право подозреваемого / обвиняемого пользоваться помощью защитника, в том числе в соответствии с положениями ч. 2 ст. 50 УПК РФ, по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

В соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда, а в силу ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. В связи с этим в последнее время в уголовном

судопроизводстве прослеживается негативная практика, когда наряду с адвокатами, осуществляющими защиту по соглашению с доверителем, вопреки воле подозреваемых, обвиняемых дополнительно назначаются защитники либо отказывают в удовлетворении в отводе ранее назначенного защитника в связи с вступлением в уголовное судопроизводство защитника, приглашенного в интересах подзащитного.

Так по уголовному делу по обвинению М., М., О., О., С., О., М. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286, п. «а», «б» ч. 3 ст. 286, п. «б» ч. 3 ст. 286, п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, защиту одного из обвиняемых осуществлял адвокат по соглашению с доверителем, однако судом наряду с участвующим адвокатом назначен защитник вопреки воле обвиняемого. В основу принятия решения о назначении защитника судом положено следующее: значительным объемом материалов уголовного дела, длительность рассмотрения уголовного дела судом и однократная неявка в судебное заседание адвоката в связи с нетрудоспособностью, при этом в ознакомлении с материалами уголовного дела и протоколами судебных заседаний вступившему защитнику суд отказал, не мотивировав свое решение. В удовлетворении заявленного ходатайства обвиняемого об отказе от назначенного защитника суд отказал, расценив заявленный отвод как злоупотребление правом и затягивание разумных сроков судопроизводства, при этом, как указал в своем ходатайстве обвиняемый, приглашенный им защитник не допускал срывов судебных заседаний без уважительной причины и не явился в зал судебного заседания в связи с нетрудоспособностью по болезни.

Данные проблемы возникают в основном при расследовании и рассмотрении уголовных дел, как правило, в отношении лиц обвиняемых в совершении тяжких преступлений, при этом обвиняемые вину в инкриминируемом им деянии не признают категорически.

Нередки случаи, когда назначенные судом защитники заявляют о самоотводе от участия в уголовном судопроизводстве, однако суды расценивают данное волеизъявление как отказ от защиты и принуждают адвокатов к формальному исполнению профессиональных обязанностей. В отношении адвокатов, занявших принципиальную позицию в данном вопросе, выносятся частные постановления, при этом судом не берется во внимание разъяснение Федеральной палаты адвокатов о том, что согласно требованиям профессиональной этики адвокат не вправе принимать поручение на защиту против во-

ли доверителя и навязывать ему свою помощь в качестве защитника по назначению, если участвует защитник, осуществляющий защиту по соглашению с доверителем. Данное положение нашло свое закрепление в определениях Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 424-О, от 08.02.2007 № 251-О-П.

В свете занятой позиции адвокатов участились случаи удаления из судебных процессов адвокатов, занявших активную позицию защиты и, как правило, осуществляющих защиту по соглашению с доверителями, с мотивировкой за нарушение регламента судебного заседания, что также распространяется и на подзащитных, которых довольно часто удаляют из зала судебного заседания с аналогичной формулировкой. Такие недопустимые действия суда ограничивают право обвиняемого на защиту и справедливое судебное разбирательство!

Н.А. Дудина

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ – 10 ЛЕТ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вопросы дифференциации уголовного судопроизводства всегда были предметом научного интереса среди ученых-процессуалистов. В настоящее время данная тема остается актуальной. Кроме того, законодатель время от времени «дает почву» для оживленных научных дискуссий, вводя новые институты в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, к которым, в частности, относится институт досудебного соглашения.

Напомним, что глава 40.1 УПК РФ, регламентирующая порядок производства и особый порядок принятия судебного решения по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве была введена в 2009 г.

В связи с несовершенством положений, регулирующих порядок производства по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, законодателем были внесены изменения в гл. 40.1 УПК РФ Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» от 03.07.2016 № 322-ФЗ.

Несмотря на усилия законодателя по совершенствованию института досудебного соглашения о сотрудничестве, многие важные вопросы до сих пор не получили своего разрешения.

Анализ законодательства, регулирующего производство по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, правоприменительной практики и научных исследований позволил сформулировать несколько тезисов.

1. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве, несмотря, на критику и множество понятий, предложенных учеными-процессуалистами, с 2009 г. осталось без изменений.

2. Процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве претерпела ряд изменений. Изменен порядок составления досудебного соглашения о сотрудничестве. Статья 317.4 УПК РФ дополнена п. 5, в соответствии с которым прокурор наделен правом выносить постановление об изменении или прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве.

3. Введенная Федеральным законом от 03.07.2016 № 322-ФЗ ч. 3.1 в ст. 317.7 существенно изменила порядок проведения судебного заседания в отношении субъектов досудебных соглашений о сотрудничестве. Напомним, что ранее не была предусмотрена процедура допроса подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Завершая краткие рассуждения по поводу того, какие изменения претерпел институт досудебного соглашения о сотрудничестве с момента его создания и по сегодняшний день, стоит отметить, что рассматриваемый институт еще формируется, но, к сожалению, не придерживаясь своей генеральной цели. В этой связи хотелось бы процитировать В.Н. Григорьева, который совершенно верно заметил, что «современная процессуальная форма уголовного судопроизводства – слишком хрупкое явление и слишком непросто она далась российскому обществу, чтобы допустить ее размывание, позволить столь вольно с ней обращаться. Она требует более квалифицированного и бережного подхода, исключения из этой работы суеты, конъюнктуры, непрофессионализма»¹.

¹ Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 119.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Законодательство Российской Федерации, как живой организм, постоянно эволюционирует, что мы и наблюдаем на примере Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ. 27.12.2018 принят большой блок изменений в вышепоименованный Кодекс, вступивший в законную силу с 08.01.2019. Изменения коснулись в том числе и полномочий следователя при осуществлении мер процессуального принуждения.

Следует помнить, что уголовно-процессуальные отношения по своей природе являются репрессивными и часто ограничивают даже конституционные права. В таких случаях требуются судебные решения для соблюдения принципов законности, равенства граждан перед законом и судом в уголовном процессе. В новой редакции УПК РФ законодательно закреплено несколько важных моментов. Так, в части 1.1 ст. 108 УПК РФ существенно расширен список статей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которым не избирается в качестве меры пресечения заключение под стражу. Мы согласны с мнением таких авторов¹, как В.О. Лапин, С.С. Семченко, А.С. Дьяконов¹, В.В. Епишин² и другие, которые считают, что такой подход законодателя фактически нарушает принцип равенства всех перед законом и судом, закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации. И за одно и то же деяние субъект преступления (с точки зрения уголовного права), занимающийся предпринимательской деятельностью, получит более мягкое наказание нежели субъект, не занимающийся предпринимательской деятельностью.

Исходя из особенностей субъекта преступления, в действующей редакции УПК существенно урезаны полномочия следователя и за-

¹ Дьяконов А.С., Епишин В.В., Шадрин М.А. Преступления в сфере предпринимательства – новеллы законодательства и практика их применения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 241–247.

² Епишин В.В. Особенности избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности // Публичное и частное право. 2015. № 2 (26). С. 147–155.

труднен порядок изъятия электронных носителей информации. Фактически запрещено изымать электронные носители во всех случаях, кроме оговоренных в ч. 1 ст. 165.1 УПК РФ. Считаем, что для обеспечения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела лицам, осуществляющим предварительное расследование, следует во всех случаях производить выемку электронных носителей по делам, указанным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ только на основании судебного решения, т.е. основания, закрепленного в п. 2 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ. Иные основания, указанные в ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, считаем нежизнеспособными, ибо для назначения экспертиз необходимы полные технические сведения исследуемого электронного носителя. В то время как для обнаружения информации, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя не обладает, необходимо назначение и проведение экспертизы. С нашей точки зрения, эти два основания замкнуты друг на друга, что и ведет к использованию только одного возможного законного пути для изъятия следователем электронных носителей – по судебному решению.

А.В. Ким

ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в ст. 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК внесены изменения, а именно введена ст. 164.1, которая регулирует процедуру изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. При этом ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ утратили силу. Изменения в законе затрагивают все следственные действия, а не только обыск и выемку, как было до этого.

Часть 1 ст. 164.1 УПК РФ вводит новое требование о запрете на изъятие электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях, указанных в ч. 1 ст. 164 УПК РФ, за исключением определенных случаев, некоторые из которых заслуживают отдельного внимания.

Так, например, по данным уголовным делам разрешается изымать электронные носители информации, когда вынесено постановление о назначении судебной экспертизы по указанным носителям. Исходя из требований данной нормы, получается, что еще до момента изъятия такого носителя должно быть вынесено постановление о назначении судебной экспертизы. При этом следователь еще может не знать всех необходимых характеристик такого носителя, как, например, модель, серийный номер, чтобы отразить их в постановлении о назначении экспертизы.

Помимо этого, на основании ст. 195 УПК РФ следователь до изъятия такого носителя должен указать в постановлении эксперта или экспертного учреждения, которые будут его проводить, вопросы, на которые в ходе экспертизы должен ответить эксперт, а также материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта, что не всегда может быть выполнимо.

Часть 1 ст. 164.1 УПК РФ по некоторым уголовным делам разрешает изымать электронные носители информации, если копирование, по заявлению специалиста, может повлечь за собой утрату или изменение информации. При этом ч. 3 ст. 164.1 разрешает следователю в ходе производства следственного действия осуществлять копирование информации с электронных носителей, и данная норма не содержит требования о том, что такое копирование должен производить специалист, а в случае, если не изымаются электронные носители, в УПК отсутствует требование об обязательном участии специалиста.

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что следователь в некоторых случаях разрешил следователю самому оценить возможность копирования информации и решить, что оно не повлечет ее утрату или изменение.

Вопрос обязательности участия специалиста в следственном действии при изъятии электронных носителей информации является довольно дискуссионным¹ и рассматривался в разных исследованиях².

Требования ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ являются сходными с требованиями утративших силу норм ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ и

¹ Гузин А.Р., Валиева Ю.М. Проблемы регламентации собирания электронной информации в действующем законодательстве // *Juvenis Scientia*. 2017. № 1. С. 33–35.

² Зуев С.В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // *Законность*. 2018. № 4.

не сильно изменились, электронные носители информации, как и раньше, изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. Принимая во внимание вышеуказанное, можно предположить, что судебная практика применения ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ будет сходна с практикой применения утративших силу ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ.

Таким образом, в настоящее время законодатель уделяет все больше внимания электронным носителям информации, которые стали неотъемлемой частью нашей жизни, но остается еще ряд вопросов, которые необходимо доработать.

А.А. Климов

О МЕХАНИЗМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ ОРГАНАМИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время проблема существования пробелов в уголовно-процессуальном праве не теряет своей актуальности и в связи с этим считаем целесообразным обратиться к деятельности Конституционного Суда РФ по их выявлению. В частности, при анализе механизма обнаружения вышеуказанным органом правовых пробелов, на наш взгляд, можно выделить следующие основные моменты:

Во-первых, Конституционный Суд РФ осуществляет выявление пробелов в уголовно-процессуальном праве лишь после того, как к нему с соответствующей жалобой обращаются граждане либо государственные и иные органы, обнаружившие пробелы и, далее, в результате изучения этой жалобы высший орган конституционной юстиции мотивированно подтверждает наличие пробела либо констатирует его отсутствие.

Во-вторых, при отказе в принятии жалобы, а также признавая норму соответствующей Конституции РФ, Конституционный Суд РФ, по сути, все равно исследует ее на предмет выявления признаков пробела, что фиксирует в своем решении.

В-третьих, признавая оспариваемую норму УПК РФ соответствующей Конституции РФ в том истолковании, которое ей дал

высший орган конституционной юстиции, последний выявляет и восполняет пробел, однако норма фактически остается в первоначальном виде, но меняется ее смысловая нагрузка, получая интерпретацию, изложенную Конституционным Судом РФ в своем решении. Такой порядок обусловлен следующими факторами:

- малозначительность правового дефекта, по сравнению с теми решениями, в которых норма полностью или частично признается не соответствующей Конституции РФ;

- высокая вероятность порождения дополнительных пробелов в случае признания нормы не соответствующей Конституции РФ;

В-четвертых, признание нормы УПК РФ однозначно не соответствующей Конституции РФ, можно объяснить тем, что пробел, выявленный в обжалуемом предписании, не может быть исчерпывающе восполнен путем толкования и, тогда Конституционный Суд РФ признает норму не соответствующей Конституции РФ, для прекращения ее действия и до устранения выявленного недостатка законодателем. В определенных случаях пробел в уголовно-процессуальном законодательстве бессмысленно восполнять, используя толкование, ввиду того что сам факт наличия нормы уже порождает правовой пробел.

Таким образом, можно утверждать, что деятельность высшего органа конституционной юстиции по выявлению пробелов в уголовно-процессуальном праве является весьма значимой и, на наш взгляд, необходимой для совершенствования отечественного законодательства. При обнаружении пробела Конституционным Судом РФ в обязательном порядке «включается» следующий этап, связанный с восполнением пробела, который также отображается в решении последнего, где, как правило, дополнительно дается указание законодателю на его устранение.

П.В. Козловский

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА СРЕДСТВАМИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Непосредственность исследования доказательств в ходе судебного разбирательства является больше, чем общим условием одной из

стадий уголовного процесса. Это базовое начало, определяющее построение как судебного, так и досудебного производства по уголовным делам. Его значение в формальном смысле заключается в обязательности исследования перед судом всех доказательств, которые будут положены в основу итогового решения. В материальном смысле значение непосредственности состоит в максимальном приближении суда к первоисточнику доказательств. Презюмируется предпочтительность первоначального доказательства по отношению к производному, которое может содержать искажения¹.

Однако исследование первоисточника не всегда способствует установлению истины. Во-первых, судебное заседание значительно отдалено по времени от события преступления. Материальные следы в месте совершения преступления, как правило, полностью или в большей части утрачиваются. Идеальные следы, сохранившиеся в сознании людей, с течением времени трансформируются, забываются детали произошедшего. Особенно ярко это проявляется при получении показаний детей. В таком случае следственные материалы, даже при наличии в суде первоисточника, могут оказаться достовернее и информативнее. Во-вторых, уголовное судопроизводство может быть связано с противодействием, намеренным искажением содержания доказательств.

В-третьих, судебное исследование всегда вторично. Суд не уполномочен устанавливать лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, и выдвигать обвинение. В-четвертых, местом исследования обстоятельств уголовного дела является зал суда. Проведение выездных заседаний, судебных действий, связанных с исследованием реальности, является достаточно сложным и осуществляется в исключительных случаях². В-пятых, многие действия по собиранию доказательств суд в принципе не способен произвести (обыск, выемку и др.). В уголовном процессе любого типа большая часть сведений собирается в досудебном производстве.

Данные обстоятельства указывают на невозможность и вредность абсолютизации непосредственности. Только комплексное исследо-

¹ Михайлов А.А. Виды непосредственности в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 57.

² Кальницкий В.В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2019. С. 37.

вание первоисточников и глубокая судебная интерпретация с участием сторон результатов досудебного доказывания способны приблизить суд к установлению истины.

Обеспечение пригодности следственных доказательств к судебной интерпретации возможно несколькими способами. Первый – процедура оспаривания доказательств стороной защиты (в настоящее время активно применяется только при оспаривании показаний). Он позволяет частично перенести судебные механизмы в предварительное расследование, компенсируя невозможность последующего исследования. Другой – пересмотр подходов к оценке допустимости доказательств. Существенные формальные ограничения, не связанные с нарушением закона (ст. 75 УПК РФ), привели к тому, что немалая часть относимых, достоверных и полученных в соответствии с законом сведений исключается из судебной оценки. Недопустимыми должны признаваться только доказательства, непригодные к судебной интерпретации.

Досудебное производство является необходимой предпосылкой справедливого судебного разбирательства. Ориентация предварительного расследования на судебное разбирательство, а суда – на восприятие его результатов, представляется единственно возможным вектором развития отечественного уголовного судопроизводства.

Е.Е. Коробкова

НАЧАЛО ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Законодатель Республики Казахстан отказался от стадии возбуждения уголовного дела, создав, как представляется, некую собственную модель уголовного процесса, отличающуюся и от *англо-американского уголовного процесса*, и от *модели стран континентальной Европы*, и от *модели российского уголовного процесса*. Законодатель Республики Казахстан ориентировал правоприменителя на новые правила приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, ввел Единый реестр досудебных рас-

следований, электронный формат уголовного судопроизводства и многое другое, что позволяет оценивать современный уголовный процесс Республики Казахстан в качественно ином формате.

Ни в коей мере не умаляя прогрессивного подхода законодателя Республики Казахстан, мы, вместе с тем, усматриваем, что некоторые модернизированные институты требуют определенной доработки в условиях нового подхода. Так, например, «ликвидированный институт возбуждения уголовного дела», между тем, предполагает прием и фиксацию сообщения в КУИ, его рассмотрение в течение 24 часов и дальнейшую регистрацию в ЕРДР, что, в свою очередь, свойственно стадии возбуждения уголовного дела в качестве трех традиционных этапов: 1) прием и регистрация заявления или сообщения о преступлении; 2) его проверка; 3) принятие решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Обращает на себя внимание и тот факт, что *поводами* к началу досудебного расследования служат *достаточные данные*, указывающие на признаки уголовного правонарушения (ч. 1 ст. 180 УПК РК). Анализ этой нормы закона позволяет сделать вывод, что для начала досудебного расследования заявление или сообщение должно содержать достаточные данные о наличии признаков уголовного правонарушения, в связи с чем возникает вопрос: кто должен установить их достоверность и достаточность? Сам заявитель должен назвать признаки преступления в своем заявлении, или вместо этого он может привести собственные рассуждения и предположения относительно случившегося? Очевидно, обычные граждане могут и не владеть специальными юридическими знаниями, чтобы при необходимости уметь «правильно» назвать формальные признаки преступления. Или все-таки компетентные органы должны оценивать имеющуюся в заявлении об уголовном правонарушении информацию, проведя предварительную проверку?

Кроме того, обращают на себя внимание *сроки*. По общему правилу рассмотрение сообщения о преступлении осуществляется в течение 24 часов. Но при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки уголовного правонарушения, заявления и сообщения, требующие проведения ревизий и проверок уполномоченных органов, без регистрации в ЕРДР в течение трех суток направляются для рассмотрения уполномоченным государственным органам (ч. 5 ст. 181 УПК РК). Более того, в случаях, предусмотренных законом

(ч. 2 ст. 179, ч. 1 ст. 184 УПК РК), прокурор, следователь, дознаватель, орган дознания до регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении производят неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов уголовного правонарушения. Одновременно с этим закон не называет ни определенного временного промежутка, в течение которого должны быть проведены данные неотложные следственные действия, ни их перечень.

И заключительный момент этого этапа – это регистрация в ЕРДР, что тождественно вынесению постановления о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, мы полагаем, что, несмотря на смелые прогрессивные шаги законодателя, сегодняшнее начало досудебного расследования нуждается в *дополнительном* прочтении и глубоком теоретическом осмыслении, а новая форма требует и принципиально нового содержания.

Т.В. Куряхова

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УТРАЧЕННОГО В СУДЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ВОЗМОЖНО БЕЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ДОСУДЕБНЫЕ СТАДИИ

Порядок восстановления утраченного, в том числе в суде, уголовного дела и отдельных его материалов регулируется ст. 157¹ УПК РФ¹. Содержащиеся в ней нормы можно признать оптимальными для досудебного производства, однако они не учитывают фактические ситуации, возникающие в связи с утратой уголовных дел в суде. Так, в случае утраты дела либо его материалов в ходе судебного

¹ Появлению в УПК РФ в 2003 г. ст. 157¹ мы обязаны Н.П. Ефремовой и В.В. Кальницкому, под руководством которого Н.П. Ефремовой была защищена диссертация (их совместными исследованиями, где объясняется значимость и специфика отношений, порождаемых утратой уголовных дел, обосновывается необходимость их незамедлительного правового регулирования. См., например: Ефремова Н.П. Восстановление утраченных уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001; Николюк В.В., Кальницкий В.В., Ефремова Н.П., Проблема восстановления утраченных уголовных дел // Вестник МВД России. 2001. № 2-3 и др.), а также В.Т. Томину, который высветил проблему перед членами рабочей группы по разработке УПК РФ.

производства восстановление осуществляется по решению суда, направляемому *руководителю следственного органа или начальнику органа дознания* для исполнения.

Основные ошибки законодателя заключаются, *во-первых*, в отсутствии у суда правовой возможности восстановления материалов дела самостоятельно без возвращения в досудебное производство; *во-вторых*, в закреплении обязанности восстановления материалов в каждом случае без учета стадии (этапа) судебного производства, на которой дело было утрачено (до назначения судебного разбирательства, в ходе судебного следствия, после вступления приговора в законную силу и др.), без учета отношения сторон к вопросу о необходимости его восстановления¹; *в-третьих*, в отсутствии нормативных пределов восстановительного производства.

Анализ концептуальных основ уголовного судопроизводства и фактически сложившихся отношений, возникающих в связи с утратой в суде уголовных дел, позволяет говорить о праве суда участвовать в восстановлении дел, к примеру, путем истребования сохранившихся материалов. Мы не исключаем возможность рассмотрения уголовного иска, если отсутствует часть письменного досье. Считаем исключительной ситуацию возложения решения о восстановлении на орган преследования. Ограничиваем ее случаем утраты дела до начала судебного следствия. Излишним представляется требование закона о восстановлении каждого уголовного дела.

Мы разделяем позицию Н.П. Ефремовой и В.В. Кальницкого о том, что неполнота правового регулирования не должна истолковываться как запрет на другие (кроме поручения руководителю следственного органа и начальнику органа дознания) варианты восстановительной деятельности². В практике известны случаи восстановления судом утраченных материалов в ходе судебного заседания.

Обращая внимание на проблему отсутствия законодательно установленных пределов полномочий органа преследования при восстановительном производстве, напомним о запрете на возвращение из суда дел с целью восполнения ранее произведенного расследования. Такое производство нельзя расценивать как классическое дополни-

¹ Подробнее, см.: Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Правовые и организационные вопросы предупреждения утраты и восстановления уголовных дел: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2005. С. 103–108.

² Там же. С. 104.

тельное расследование. В свою очередь, это означает, что орган преследования не вправе квалифицировать действия обвиняемого по закону о более тяжком преступлении. На данную ситуацию распространяются правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные им по вопросам возвращения уголовного дела в досудебное производство¹.

Таким образом, очевидна насущная потребность в корректировке правового регулирования порядка восстановления утраченного в суде уголовного дела. Основой реконструкции могут выступать виденье уголовно-процессуального института восстановления утраченных дел, предложенное Н.П. Ефремовой и В.В. Кальницким, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу возвращения дела в досудебное производство.

Н.Н. Макеев

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ СРЕДСТВАМИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА ПРИ ОПЛАТЕ ЗАКАЗЧИКАМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ИСПОЛНЕННЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ И МУНИЦИПАЛЬНЫМ КОНТРАКТАМ

Практика прокурорского надзора указывает на правовые проблемы, разрешение которых позволило бы улучшить положение дел в рассматриваемой сфере правоотношений.

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Российская газета. 2003. 23 дек.; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // СПС КонсультантПлюс; По делу о проверке конституционности положений части третьей-седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина // СПС КонсультантПлюс и др.

В процессе выявления нарушений бюджетного законодательства высветилась правовая проблема, препятствующая привлечению виновных муниципальных служащих к административной ответственности и порожденная противоречиями отдельных положений Кодекса об административных правонарушениях РФ¹ и ФЗ «О прокуратуре РФ»². Так, последним (в п. 2 ст. 22, ст. 25, п. 3 ст. 27) установлено, что, исходя из характера нарушения закона должностным лицом, прокурор имеет право возбуждать производство об административном правонарушении, выносит об этом мотивированное постановление, которое подлежит рассмотрению уполномоченным на то органом. В соответствии со ст. 28.4 КоАП РФ прокурор вправе возбудить дело о любом правонарушении, ответственность за которое предусмотрена этим кодексом или законом субъекта РФ. При выявлении задолженности муниципальных заказчиков перед субъектами малого и среднего предпринимательства виновные должностные лица могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 15.15.10 КоАП РФ «Нарушение порядка принятия бюджетных обязательств». Однако после возбуждения дела об административном правонарушении необходимо разрешить вопрос о том, какой орган либо должностное лицо уполномочено его рассматривать.

В свою очередь рассмотрение этих дел ч. 1.1 ст. 23.1 КоАП РФ отнесено к компетенции судей в том случае, если они возбуждены инспектором Счетной палаты РФ, либо уполномоченным должностным лицом контрольно-счетного органа субъекта РФ, либо органа муниципального финансового контроля. О возбуждении дела об административном правонарушении прокурором в указанной правовой норме не сказано.

На основании изложенного вполне обоснованным является предложение о совершенствовании административного законодательства.

Кроме того, назрела необходимость рассмотрения Пленумом Верховного Суда РФ единства практики по вопросам применения ст. 15.15.10 КоАП РФ, поскольку в субъектах РФ применяются различные судебные подходы. В целях возмещения в регрессном порядке излишне выплаченных бюджетных средств на основании

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

ст. 1081 ГК РФ требуется формирование положительной судебной практики в масштабах всей страны¹.

Для совершенствования надзорной практики также требуется принятие ряда организационных мер, включая разработку полноценных методических рекомендаций и организации соответствующих курсов в системе повышения квалификации.

А.Ю. Мариничева

О СОДЕРЖАНИИ ПРОКУРОРСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

В соответствии с действующим законодательством обязанности по противодействию экстремизму возложены практически на все государственные и муниципальные органы и учреждения. Не исключение и органы прокуратуры. В этой связи Генеральным прокурором РФ принят ряд директив, регламентирующих прокурорское противодействие экстремизму. Ключевыми служат Приказ от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» и Указание от 21.09.2018 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности».

Экстремизм представляет собой не только разновидность правонарушений, но также является более сложным негативным явлением, проявляющимся не только в противоправном, но и ином социально опасном поведении. В этой связи традиционных правовых средств прокурорского надзора не всегда достаточно, поэтому возникает необходимость в создании новых, направленных на их недопущение и устранение, а также использование прокуратурой правовых возможностей в рамках иной деятельности ненадзорного характера.

С учетом продолжительного опыта реализации прокурорами надзорной и координационной деятельности, включения в предмет прокурорского надзора деятельности прочих органов, осуществляющих противодействие экстремизму, прокуратура представляет со-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 41.

бой оптимальный орган, способный совершать противодействие любым формам проявления экстремизма со стороны поднадзорных ей лиц в современных условиях, а также координировать деятельность иных правоохранительных органов в этом направлении, фактически осуществляя опосредованный надзор практически за противодействием любым проявлениям экстремизма, в том числе со стороны лиц, прямо не входящих в предмет надзора прокуратуры¹. В этом смысле прокурорское противодействие экстремизму – более широкая деятельность, нежели осуществление прокурорского надзора за исполнением законов, в том числе в области федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействию экстремизму и терроризму в Российской Федерации.

Противодействие экстремистской деятельности силами прокурорского надзора носит многоплановый характер. Арсенал возможностей прокуратуры весьма широк: от использования традиционных надзорных средств до предоставления прокурору специальных дополнительных полномочий, направленных как на предотвращение и пресечение, так и на устранение проявлений экстремизма². Кроме того, оно вполне может осуществляться, к примеру, путем проведения мониторинга протестной активности населения, деятельности религиозных и общественных объединений, иностранных некоммерческих организаций, а также глобальной сети «Интернет» на предмет распространения информации экстремистской направленности; организации и проведения совместно с другими органами профилактических, воспитательных, пропагандистских и прочих мероприятий координирующего характера, в том числе оказания методической помощи и в иных формах.

В этой связи, с учетом требований Закона о прокуратуре и иного действующего законодательства, регулирующего прокурорскую деятельность, предлагаем выделить следующие направления реализации прокурорского противодействия экстремизму: профилактическую деятельность; прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму иными лицами (включая надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму); прокурор-

¹ Воронин О.В. Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. С. 140.

² Тамаев Р.С. Противодействие экстремизму средствами прокурорского надзора // Бизнес в законе: Экономико-юридический журнал. 2008. С. 205.

ское противодействие экстремизму специальными средствами, предусмотренными Федеральным законом РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон о противодействии экстремизму); административное преследование прокуратурой лиц, совершивших административные правонарушения экстремистской направленности; уголовное преследование лиц, совершивших преступления экстремистской направленности; прокурорский надзор за законностью расследования преступлений экстремистской направленности; участие прокурора в судах при рассмотрении дел, связанных с противодействием экстремизму; координацию деятельности иных органов по противодействию экстремизму. Представляется, что совокупность указанных направлений условно можно обозначить как прокурорское противодействие экстремизму в широком смысле. В свою очередь, «узкое» понимание, на наш взгляд, должно ограничиться лишь охватом деятельности по прокурорскому противодействию экстремизму специальными средствами, предусмотренными Законом о противодействии экстремизму. Такой подход позволит говорить о существовании отдельного самостоятельного вида прокурорской деятельности – прокурорского противодействия экстремизму, по своей природе близкого к сквозному направлению прокурорского надзора.

Л.Ф. Мартыняхин

О НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ст. 5 УПК РФ

Понятия, закрепленные в ст. 5 УПК РФ, должны иметь значение основных ключевых терминов, выражающих их сущностную характеристику. Понятия должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, должны соответствовать их функциональному предназначению и полномочиям. К сожалению, понятийный аппарат, регламентирующий в ст. 5 УПК РФ основные проявления судебной власти в уголовном судопроизводстве, содержит противоречивые формулировки.

Так, в соответствии с п. 48 ст. 5 УПК РФ суд – любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные УПК РФ. Но пункт 52 этой же

статьи определяет, что судом, рассматривающим уголовное дело по существу и правомочным выносить приговор, а также принимать решения в ходе досудебного производства по уголовному делу, является только суд первой инстанции.

Однако судом, рассматривающим уголовное дело по существу в судебном следствии с исследованием доказательств и правомочным постановить приговор, является также суд второй – апелляционной – инстанции (ст. 389.13, 389.20 УПК РФ).

Нельзя согласиться и с тем, что судебное заседание – процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу (п. 50 ст. 5 УПК РФ).

В досудебном производстве по уголовному делу все судебные правомочия реализуются в судебном заседании единолично судьей, но эта его процессуальная деятельность является не отправлением правосудия (разрешением уголовного дела по существу), а осуществлением судебного контроля за ограничением конституционных прав и свобод, и оканчивается она не постановлением приговора, а вынесением промежуточного судебного решения. Промежуточные решения выносятся и при рассмотрении уголовного дела по существу.

Четкое разграничение судебных решений на итоговые и промежуточные, данное в ст. 5 УПК РФ, полностью соответствует разграничению судебных правомочий, закрепленному в ст. 29 УПК РФ. Часть первая данной статьи закрепляет правомочия по вынесению итоговых судебных решений, а вторая – промежуточных.

Представляется, что для устранения указанных существенных противоречий в определении различных проявлений судебной власти в уголовном судопроизводстве п. 50 ст. 5 УПК РФ нужно изложить в следующей редакции: «судебное заседание – процессуальная форма осуществления судебной власти в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу».

Внесение аналогичных изменений необходимо и в п. 54 ст. 5 УПК РФ: «судья – должностное лицо, уполномоченное осуществлять судебную власть в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу».

Предлагаемые уточнения вполне отвечают роли суда в достижении назначения уголовного судопроизводства и привнесении constitutive основы в досудебное уголовное судопроизводство.

Д.М. Сафронов

В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НАЗРЕЛА НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ОСОБЫХ УСЛОВИЙ

Уголовное судопроизводство, как известно, – вид государственной деятельности, направленной на решение одной из важных государственных функций – обеспечение внутренней безопасности.

Характерная черта современного уголовного судопроизводства России – рост процессуальных гарантий отдельной личности. В отдаленной перспективе увеличение таких гарантий может способствовать снижению эффективности уголовного судопроизводства и осложнению решения ключевой задачи – защиты данной личности. Поскольку современные правовые средства, имеющиеся в Российской Федерации, не в полной мере позволяют сформировать систему процессуальных действий в особых условиях, обратимся к описанным примерам осуществления полицией деятельности в особых условиях.

В частности, в Греции в случае введения чрезвычайного положения может быть приостановлено действие статей Конституции, предусматривающих, в частности, свободу передвижения, недопустимость ареста без судебного приказа, неприкосновенность жилища (ст. 48 Конституции Греции 1975 г.)¹.

Так, в Великобритании общий срок задержания лица составляет 24 часа. Вместе с тем за транспортировку наркотических средств задержание лица без судебного решения и получение у него объяснений допускается до 30 суток без предоставления защитника. Схожий способ правового регулирования имеется и во Франции, там срок задержания составляет 24 часа. Затем с согласия следственного судьи по делам о терроризме может быть продлен до 48 часов и выше. По делам о незаконном обороте наркотических средств он может достигнуть 72 часов. По отдельным категориям уголовных дел (посягательства на государственную безопасность) полиция обладает правом задерживать граждан на более длительные сроки – до 48 часов. Этот срок прокурор уполномочен продлевать дважды (каждый раз – на двое суток), в итоге срок

¹ URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=153&attempt=1> (дата обращения: 25.01.2019).

задержания может достигать шести суток. В Канаде закон «О чрезвычайном положении» 1988 г. предоставляет правительству право в случае международного кризиса изымать собственность, разрешать обыски и задержания без судебных приказов¹.

Приведенные примеры подтверждают, что в зарубежных государствах сложилось понимание необходимости особого государственного регулирования государственной деятельности в случае возникновения особых условий. Современные и условно стабильные в социальном и экономическом плане государства имеют (и уже давно) в своем арсенале процессуальные средства, использование которых позволит адекватно и в полном соответствии с изменившимися условиями скорректировать режим применения обеспечительных и поисково-познавательных средств, что, в свою очередь, позволит осуществлять уголовное судопроизводство более эффективно.

Игнорирование же изменившихся условий и поддержание status quo продемонстрирует неспособность обеспечивать защиту фундаментальных государственных задач и может способствовать дальнейшей дестабилизации обстановки, перехода ее в неуправляемую фазу, когда государство будет вынуждено заменить уголовно-процессуальное воздействие на иное (например, на военное присутствие).

Интересы государства в целом в таких особых условиях начинают доминировать над интересами отдельного лица. Такое отступление считается не только не нарушающим основные гарантии гражданам, но дополнительно усиливающим эти гарантии путем применения особых, исключительных средств защиты.

В.Н. Смылова

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ ФИЗИЧЕСКИЕ И (ИЛИ) ПСИХИЧЕСКИЕ НЕДОСТАТКИ

Профессиональное общение юриста помимо процессуальных должно включать и непроцессуальные формы, основанные на знани-

¹ Чрезвычайное положение // Московские новости. 1989. № 26. С. 10.

ях психологических закономерностей межличностного взаимодействия и умении их использования в процессуально-регламентированной юридической деятельности¹.

Тем не менее, в настоящее время вне рамок правового и доктринального уровня остаются вопросы правового статуса психолога в уголовном процессе и целесообразности его привлечения к участию в следственных действиях с инвалидами и лицами, имеющими психические и (или) физические недостатки.

Проведенное исследование проявления ряда психофизиологических особенностей через описание симптоматики отдельных соматических и психических заболеваний² позволило выдвинуть гипотезу о том, что участие рассматриваемой категории лиц в проведении следственных действий с большой долей вероятности может негативно сказываться на их психическом состоянии и, в отдельных случаях, способствовать возникновению конфликтных ситуаций. В связи с этим возникает необходимость выработки специального механизма производства следственных действий с лицами, имеющими физические и (или) психические недостатки, и внесению соответствующих изменений в действующий УПК РФ.

В качестве одного из способов разрешения указанной проблемы считаем целесообразным в целях усовершенствования основ функционально-психологического и правового аспектов процессуального общения привлечение психолога к участию в производстве следственных действий с лицами, имеющими физические и (или) психические недостатки.

Анализ научной литературы по исследуемой проблематике выявил рассогласованность мнений относительно самостоятельности процессуального статуса психолога как участника уголовного процесса при нехватке в УПК РФ закрепленного понятия физических и психических недостатков, а также отсутствие в законодательном

¹ Сафин Б.А. Особенности допроса подсудимых, имеющих психические или физические недостатки // Евразийский юридический журнал. 2010. № 2 (21). С. 34.

² См.: Раевский А.А. Структура психического состояния пожилых пациентов с органическими заболеваниями головного мозга и депрессивными нарушениями (в связи с задачами психологической коррекции): автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. С. 6; Карауш И.С. Психическое здоровье детей с сенсорными нарушениями: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 2016. С. 135; Давыдова Э.В. Тревожно-депрессивные расстройства при сердечно-сосудистых заболеваниях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Махачкала, 2017. С. 14.

перечне субъектов – инициаторов привлечения психолога в производство следственных действий самих заинтересованных лиц, имеющих физические и (или) психические недостатки¹.

Предлагаем внести следующие изменения в УПК РФ:

- включить понятие *физические и (или) психические недостатки*;
- дополнить ст. 58.1 «Психолог», закрепив самостоятельный статус психолога как «иного участника уголовного судопроизводства»;
- дополнить ст. 191.1 «Особенности производства следственных действий с участием лиц, имеющих физические и (или) психические недостатки» с перечнем прав и обязанностей психолога, а также условий обязательного участия психолога в следственных действиях с лицами, имеющими физические и (или) психические недостатки, и возможностью приглашения психолога по усмотрению рассматриваемой категории лиц.

И.В. Чаднова, А.В. Извеков

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

История человечества всегда была историей прогресса. В прошлом столетии научно-технический прогресс резко ускорился, причем до такой степени, что это несопоставимо с изменениями, произошедшими в другое время и вызвавшими подобные социальные преобразования. Последствия этих преобразований можно увидеть не только в нашей повседневной жизни, но и в политических системах, а также в деятельности правоохранительных органов.

Развитие технологий и онлайн-коммуникаций привело к увеличению числа случаев преступной активности, а также к появлению новых разновидностей преступлений. Рост масштабов преступной деятельности создает проблемы как для правовой системы в целом, так и для правоохранительных органов в частности.

¹ Семенов Е.А. Врач, педагог, психолог, переводчик и их правовое положение в уголовном процессе России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 505; Марковичева Е.В., Татьяна Л.Г. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 133–138; Софийчук Н.В. Педагог, психолог в уголовном процессе: некоторые проблемы правовой регламентации процессуального статуса и его реализации // Вестник института: Преступление. Наказание. Исправление. 2014. № 3 (27). С. 41–45.

Эту угрозу необходимо устранить в рамках глобальной задачи, которую ставят перед уголовным правосудием разработка и широкое использование новых технологий. Оцифровка в повседневной жизни позволяет получать электронные данные и цифровые следы, которые могут быть идентифицированы в качестве доказательств для использования и оценки в ходе досудебных процедур, а также в ходе судебных разбирательств. Цифровые доказательства имеют основополагающее значение не только в тех случаях, когда речь идет о киберпреступлениях, но и во всех других преступлениях.

Уголовно-процессуальное законодательство выдвигает жесткие требования к доказательствам, оперируя признаками их свойств. Цифровые доказательства постепенно становятся частью нашей повседневной жизни и приобретают все большее значение в судебных процессах. Можно утверждать, что традиционные доказательства переходят от бумажных вспомогательных документов к виртуальной среде, а процессы управления ими и критерии приемлемости меняются в отношении традиционных доказательств, что приводит к необходимости трансформирования процессуального законодательства. Некоторые шаги в данном направлении уже предпринимаются законодателем. Так, например, Федеральным законом № 533-ФЗ¹ в декабре 2018 г. в УПК РФ была введена ст. 164.1, определяющая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве всех следственных действий (вместо отмененных частных случаев – ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ).

Тем не менее движение вперед в данном направлении сдерживает целый ряд факторов, таких как скудность / отсутствие надлежащего и систематического правового регулирования; необходимость специальных знаний не только для понимания природы электронных доказательств, но и для того, как обрабатывать данные и как интерпретировать конкретные законы; трудность с представлением цифровых доказательств в суде ввиду отсутствия специальных знаний у суда; проблемность с представлением цифровых доказательств в суде, где судьи требуют больше гарантий, чем с традиционными видами доказательств; отсутствие технической инфраструктуры в за-

¹ Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

лах судебных заседаний; высокая стоимость изучения и интерпретации информации; затруднения, связанные с подтверждением подлинности, надежности и истории происхождения данных; изменчивость данных и простота манипулирования информацией; сложность, связанная с сохранением цифровых данных; трудность в установлении юридической значимости цифровых доказательств.

Развитие цифровой среды в уголовно-процессуальной сфере требует эффективных механизмов, определяющих необходимость совместного понимания цифровых доказательств, а также свойств и критериев данного вида доказательств; потребность в общегосударственном правовом векторе развития в отношении цифровых доказательств; необходимость общего признания надежности электронных доказательств заинтересованными сторонами.

Построение информационного общества требует эффективных правовых решений во всех отраслях современного законодательства. В частности представляется необходимым вести активную работу по решению следующих задач: создание общегосударственной электронной правовой базы для использования, сбора и обмена электронными доказательствами; формирование единого понятийного аппарата, определяющего понятие цифровых доказательств, концепции цифровых доказательств в конкретных и смежных областях (цифровая судебная экспертиза, уголовное право, уголовный процесс, уголовное международное сотрудничество); определение правил и критериев, используемых для обработки цифровых доказательств и, в конечном счете, методов регулирования применения и обмена доказательствами; развитие технологических функциональных возможностей государственной системы сбора и обмена электронными доказательствами.

Подводя итог, необходимо сказать о том, что существует мнение, в значительной степени незаслуженное, что цифровые доказательства каким-то образом изменяют истинную природу первоначальных доказательств и поэтому ненадежны. Представленные надлежащим образом цифровые доказательства способны оказать огромную помощь судам. Однако, несмотря на широкую информатизацию нашего общества, мы все еще находимся на начальном этапе в разработке и представлении этого ценного вида доказательства.

И.А. Абрамов

К ВОПРОСУ О СОДЕЙСТВИИ АДВОКАТОВ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) является основополагающим нормативно-правовым актом для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД). В нем законодательно закреплено право привлекать лиц, с их согласия, к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) с сохранением, по их желанию, конфиденциальности содействия органам, осуществляющим ОРД, в том числе по контракту (ст. 17 ФЗ об ОРД).

В части 3 ст. 17 ФЗ об ОРД законодатель обозначил запреты на использования конфиденциального содействия определенной категории лиц по контракту¹. Их исчерпывающий перечень включает депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений. Однако в статье отсутствует прямой запрет на привлечение указанных категорий лиц к конфиденциальному содействию на бесконтрактной основе, что многими исследователями трактуется как фактическое разрешение на установление с ними добровольного согласия на любой иной, нежели контрактной, основе².

Учитывая формат статьи, рассмотрим аспект использования оперативными подразделениями конфиденциального содействия лишь адвокатов.

¹ Контракт – договор (как правило, документально оформленный) между оперативным подразделением (в лице оперативника) и конфиденгентом со взаимными обязательствами, влекущий определенные юридические последствия для обеих сторон. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность в схемах: Наглядное пособие. М.: Издатель Шумилова И.И., 1998. 79 с.

² Постатейные комментарии и книги к ст. 17 ФЗ об ОРД / дополнительная информация // СПС КонсультантПлюс.

Так, проведя анализ судебных решений судов различных инстанций по вопросам использования оперативными подразделениями конфиденциального содействия адвокатов¹, опроса оперативных сотрудников, основываясь на собственном многолетнем опыте оперативной и следственной работы, научно-педагогической деятельности, можно констатировать наличие практической, теоретической, научной проблемы неправильной трактовки сущности конфиденциального содействия адвокатов. Наличие данных проблем позволяет усомниться в законности полученных доказательств и, как следствие, приводит к обжалованию судебных решений.

Считаем, что обязательным требованием результативного конфиденциального содействия адвокатов оперативным подразделениям возможно лишь в отсутствие какой бы то ни было профессиональной связи с защищаемыми лицами. В случае получения адвокатом информации о преступлении ему следует предпринимать действия, направленные на его отказ, либо убеждение лица обратиться с повинной в правоохранительные органы.

Участие адвоката в проведении ОРМ также не должно быть связано с его профессиональной деятельностью. Полагаем, что полученная от адвоката оперативно-значимая информация годится только в качестве первоначального материала, требующего дополнительной оперативной проверки, и не может использоваться в уголовном процессе.

Свое право гражданина на оказание содействия правоохранительным органам адвокат вправе реализовать открыто (гласно), например, посредством подачи официального заявления (сообщения) о преступлении.

На основе анализа научных источников по предмету статьи автором предлагается учитывать законодательный запрет конфиденциального содействия адвокатов как на контрактной, так и на безконтрактной основе.

¹ Судебная практика / дополнительная информация к ст.17 ФЗ об ОРД // СПС КонсультантПлюс.

СТРУКТУРА МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Уникальность криминалистики заключается в возможности использования знаний из других областей, одной из которых является психология¹. Одним из способов изучения личности как обвиняемого, так и других участников следственных действий является определение направленности личности – экстраверсии или интроверсии². Автор предлагает рассмотреть указанную типологию с точки зрения модели поведения участника следственных действий, в зависимости от принадлежности к тому или иному типу.

Поведение, отражая психические процессы человека, проявляется во внешнем мире³. Особенности поведения участника следственных действий могут быть обнаружены следователем путем наблюдения. Для того чтобы определить конкретную модель поведения в рамках производства следственных действий, были выделены следующие группы поведенческих признаков:

1. Внешние поведенческие признаки, к которым относятся устная речь, невербальное поведение (мимика, жесты), внешний вид.

2. Внутренние (психологические) поведенческие признаки, включающие психологический тип, систему мировоззрения и скорость адаптации к новым обстоятельствам.

3. Ситуационные поведенческие признаки – социальные взаимоотношения, реакция на раздражитель (конфликт), организация личного пространства.

Рассмотрим подробнее ситуационные признаки, учитывая следственное действие как конфликтную и нетипичную ситуацию для индивида.

Следователю для установления психологического контакта с экстравертом достаточно обсудить последние новости, поинтересовать-

¹ Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск, 2009. Т. 1. С. 186.

² Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Проблемы криминалистической типологизации личности // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 91–93.

³ Юань В.Л. Значение механизма гомеостаза в криминалистическом исследовании личности допрашиваемого // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2015. С. 171–172.

ся самочувствием и тем, с легкостью ли он добрался до места проведения следственного действия. Уместно будет перейти на «ты», что подчеркнет расположение следователя. Личное пространство экстраверт не так бережно охраняет, нарушая его сам, что позволит следователю, в случае поддержания такой же модели общения, достаточно быстро установить психологический контакт.

В ситуации конфликта экстраверты реагируют достаточно быстро и импульсивно, часто действуя под влиянием эмоций, могут наговорить лишнего. Задача следователя – утомить экстраверта ожиданием, повторяющимися вопросами или затянутой процедурой производства следственного действия для эффективного правомерного воздействия.

Социальные контакты интроверта, как правило, ограничены, существует узкий круг близких людей, с которыми он может быть откровенен. Целесообразно обращение к интроверту только на «вы», исключая попытки добиться быстрого расположения к себе и нарушения личного пространства. Важно подчеркнуть уважительное отношение к затраченному времени интроверта, выразить благодарность за его терпение, а следовательно, не заставлять субъекта долго ждать для того, чтобы расположить его к себе.

В ситуации конфликта интровертам требуется достаточно большое количество времени, чтобы отреагировать и продумать ответ, поэтому эффективнее будет прибегнуть к таким тактическим приемам, как предъявление доказательств, постановка неожиданного вопроса или форсированный темп производства следственного действия.

Анализ поведенческих признаков поможет следователю конкретизировать тактические приемы, провести индивидуальное правомерное воздействие, что в итоге приведет к повышению эффективности расследования преступлений.

Е.А. Антонова, И.Н. Байкова

К ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Современные условия развития общества требуют от органов внутренних дел нового взгляда на технологию управления и организацию процесса расследования преступлений. Изменение уклада

российского общества, модернизация приводят к новым видам и способам совершения преступлений. К сожалению, внедрение современных форм и методов расследования преступлений идет более медленными темпами. Обязательным условием эффективности расследования любого преступления является планирование, позволяющее быстро, полно, объективно и всестороннее установить фактические обстоятельства произошедшего.

Нельзя не сказать, что многие следователи мало уделяют внимание планированию расследования преступлений, подходят к этому вопросу формально, а порой и вовсе игнорируют. Стоит отметить и тот факт, что при подготовке следственных работников этому вопросу также уделяется незначительное внимание.

Возбуждение уголовного дела ставит перед лицом, производящим расследование, целый комплекс задач, решение которых ведет к установлению истины. В этом вопросе планирование играет немаловажную роль, поскольку план отвечает на вопросы, что необходимо сделать, когда, где и как действовать. Составляя план мероприятий, необходимых по доказыванию того или иного правонарушения, следователь обращается к уголовно-процессуальному закону, где в ст. 73 УПК РФ указаны обстоятельства, подлежащие доказыванию. Не вызывает сомнений, что для расследования преступления и установления истины по нему должны быть выяснены все перечисленные в статье обстоятельства, но степень детализации каждого из них зависит от характера и условий совершенного преступления.

Необходимо напомнить, что план расследования преступления является рабочим документом, но в процессе расследования может изменяться, и здесь основополагающими являются принципы планирования расследования, соблюдение которых обеспечивает эффективность планирования. План отражает не только содержание и форму следственных действий, но и включает такие элементы, как возможные для данного случая версии пути и способы проверки основных версий, средства, с помощью которых могут быть собраны доказательства, а также фиксация намеченных следственных действий, последовательность, тактика приемов и сроков их проведения. Содержание письменного плана напрямую зависит от самого расследуемого события, в некоторых случаях достаточно составить перечень следственных действий, а в других план требует детализации по кругу вопросов. Вопросы, требующие разрешения, не опре-

деляется произвольно, они формируются на основе информации, которой располагает следователь на момент составления или внесения изменения в план. В сложных многоэпизодных делах общий план дополняется планами проведения отдельных следственных действий, которые направлены на обнаружение, фиксацию, изъятие и сохранение доказательств. Эффективность планирования тем выше, чем лучше налажено взаимодействие по обмену информацией между участниками расследования как в процессе внутреннего, так и внешнего взаимодействия. Необходимо помнить, что план расследования составляется по всем уголовным делам, это рабочий документ следователя, а сам процесс планирования от начала расследования до составления обвинительного документа непрерывен. Планирование позволяет сделать процесс расследования более целенаправленным и упорядоченным, оно способствует оптимизации работы сотрудников следственного аппарата и позволяет получить максимальный результат при минимальной затрате сил, средств и времени.

Р.Л. Ахмедшин

О СВЯЗИ МОТИВАЦИОННОЙ ТИПОЛОГИИ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ С АКЦЕНТУИРОВАННЫМИ ТИПАМИ ЛИЧНОСТИ

Определение принадлежности неизвестного серийного преступника к одной из типовых моделей является этапом построения его психологического профиля.

Для решения описанной задачи были задействованы алгоритм анализа источников речи, разработанный Т.А. Алексеевой¹ и алгоритм анализа биографических фактов, разработанный В.Л. Юанем².

Объектом исследований послужили дневниковые записи осужденных за серийные преступления лиц, интервью, данные ими после задержания, биографические факты, характеризующие их жизнь.

¹ Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161.

² Юань В.Л. Биографический метод как базовый метод изучения личности допрашиваемого перед допросом // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности. Томск: Изд. Дом ТГУ, 2014. С. 112–114.

Источником информации о серийных преступниках послужили данные из архива Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, а также открытые источники.

Выборка была представлена сотней серийных преступников, каждая группа мотивационной типологии содержала двадцать пять исследуемых.

В качестве типологии акцентуированных личностей использовалась модель К. Леонгарда, доработанная для решения криминалистических задач, включающая пять экстравертных (гипертим, циклоид, эпилептоид, истероид, застревающий) и пять интровертных (параноид, шизоид, гипотим, конформный, сензитив) акцентуированных типа¹.

Ю.М. Антонян в своих трудах указывает, что чаще всего среди серийных убийц встречаются шизоидные и эпилептоидные типы личности². Однако разница в поведении этих двух типов настолько велика, что необходимы уточняющие исследования.

В процессе проведенного нами анализа биографий серийных преступников выявилось следующее:

Тип серийного преступника «визионер» наиболее явно представлен лицами с шизоидной акцентуацией – 20 случаев из 25 (80%). Остальные типы (20%) идентифицировать не удалось.

Тип серийного преступника «миссионер» наиболее явно представлен лицами с параноидной акцентуацией – 21 случай из 25 (84%). В 2 случаях присутствовала эпилептоидная организация (8%); 2 представителя идентифицировать не удалось.

Тип серийного преступника «гедонист» наиболее явно представлен лицами с циклоидной акцентуацией – 15 случаев из 25 (60%). В 6 случаях присутствовала истероидная организация (24%), в 2 случаях – конформная организация (8%). Остальные типы (8%) идентифицировать не удалось.

Тип серийного преступника «тиран» наиболее явно представлен лицами с эпилептоидной акцентуацией – 23 случая из 25 (92%). В одном случае присутствовала циклоидная организация (4%). В одном случае (4%) тип идентифицировать не удалось.

¹ Ахмедшин Р.Л. Тактика поисковых следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 307–315.

² Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2011. С. 199.

Выявленные взаимосвязи будут способствовать более эффективному поиску неизвестного преступника. Яркое численное доминирование среди представителя каждого типа мотивационной типологии лишь одного вида акцентуированной организации психики – закономерность, которая будет способствовать современному развитию техники составления профиля неизвестного преступника.

А.В. Батраков

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ И СООТНОШЕНИЕ ДАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРОЦЕССОМ ДОКАЗЫВАНИЯ

Определяя понятие доказательств, законодатель использует термин «любые сведения», что неслучайно, так как предшествующая по времени формулировка включала термин «фактические данные». Изменения произошли по причине того, что термин «любые сведения» наиболее точно соответствует природе доказательств. Факт – реально существующее событие, а получаемая информация бывает достаточно сомнительной, поэтому подлежит проверке и оценке следователем.

Под доказыванием в уголовном процессе понимается деятельность по установлению и обоснованию обстоятельств, дающих возможность разрешить уголовное дело по существу. Такой подход к доказыванию значительно отличает его от представлений о доказательствах и доказывании в логике, где во внимание принимается только мыслительная деятельность (умозаключение) по обоснованию истинности суждений. Процессуальное доказывание есть форма обоснования (установления) в судопроизводстве неизвестных обстоятельств, а доказательства являются средством такого обоснования. При этом в процессе доказывания используется и логическое доказательство как способ мыслительной связи фактов и получения логических выводов по делу.

Доказывание можно представить в виде трех уровней: информационного, логического и юридического. На информационном уровне оно состоит в собирании отдельных доказательств. Логическое доказывание – это обоснование выводов об искомых фактах посредством

совокупности собранных доказательств, оно находит внешнее выражение в мотивировке процессуальных актов. Юридический уровень выражается в применении презумпций и преюдиций. Принято выделять элементы процесса доказывания (составные части): собирание, проверку и оценку доказательств.

Действительность представляет собой совокупность фактов, связанных между собой цепочками взаимоотношений. Основное свойство окружающего нас материального мира проявляется в его детерминизме, когда одно явление или событие порождает другое, на основе чего строится взаимосвязь всех событий прошлого и настоящего. Природа доказательств может быть познана через представление о фактах как составных частях окружающей нас реальности. В основе познания лежат причинно-следственные связи.

Собирание доказательств включает обнаружение, получение и фиксацию (закрепление) доказательств. Обнаружение в основном представляет собой поиск, осуществляемый в ходе следственных действий. Получение доказательств есть переход информации от источника к следователю. Фиксация состоит в закреплении и оформлении доказательств. Собирание допускает возможность установления причинно-следственных зависимостей, могущих иметь доказательственное значение: это особая разновидность доказательств, по своей природе отличная от предметов обстановки места происшествия, но способная упорядочить или объяснить.

Особая природа цепочек причинно-следственных связей как доказательств в процессе доказывания позволяет нам отнести процессы их обнаружения, установления, фиксации, проверки и оценки к информационному, логическому и юридическому уровню. Подход криминалиста к установлению причинно-следственных связей шире, чем представляется данная деятельность для следователя. Для криминалиста процесс расследования непосредственно связан с процессом установления причинных зависимостей, имеющих не только доказательственное, но и поисковое значение. Построение возможных цепочек причинных зависимостей может рассматриваться как особый инструмент познания в ходе расследования.

О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ДАННЫХ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Идея активного использования в ходе предварительного расследования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), вплоть до придания им значения судебных доказательств, продолжает активно развиваться. Принципиальная необходимость этого обусловлена тем, что в ряде случаев практически невозможно решить задачу раскрытия и расследования неочевидных преступлений, в том числе совершаемых организованными группами, доля которых в общей структуре преступности остается достаточно высока. Не случайно В.В. Колмогоров считает, что «первостепенное значение в доказывании по уголовным делам следует придавать именно использованию всех возможностей, которых можно добиться оперативно-розыскной работой»¹. Результаты ОРД в их процессуальном значении представляют собой некий информационный продукт, основанный, как правило, на совокупности данных, полученных из различных источников, проверенных оперативным путем, и имеют материальное закрепление как в виде бумажных, электронных либо иных носителей, так и вербальной информации, не имеющей документального закрепления. Чтобы стать доказательствами, они должны отвечать ряду условий: во-первых, должны быть получены в ходе выполнения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ); во-вторых, должны быть проведены уполномоченным на то органом; в-третьих, результаты проведенных ОРМ должны найти отражение в оперативно-служебных документах.

Проведя анализ нормативно-правового положения в области применения и использования результатов оперативно-розыскной деятельности, можно сказать о значительном противоречии между требованиями, предъявляемыми уголовно-процессуальным законом к сбору, проверке и оценке доказательств, которые основаны на результатах оперативно-розыскной деятельности. Несмотря на то что

¹ Колмогоров В.В. Следствие ищет новые пути борьбы с преступностью // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 8.

сегодня идея использования на предварительном следствии результатов ОРД, вплоть до придания им значения судебных доказательств, не только активно совершенствуется и находит применение в практической деятельности, оперативные сотрудники по-прежнему, получив ценную информацию, по разным причинам не доводят ее до следователей. Чаще всего это можно объяснить тем фактом, что они не всегда четко видят перспективы ее применения в процессе следствия. Особо следует отметить еще одну проблему: сотрудники правоохранительных органов нуждаются в психологической поддержке, правовой помощи, гарантиях личной безопасности каждого из них. Данные проблемы связаны с массовыми противоправными воздействиями, оказываемыми на следователей, оперативных сотрудников, иных участников уголовного судопроизводства. Нам представляется, что проблемы вовлечения в процесс расследования преступлений данных ОРД вызваны многими причинами. Ограниченные возможности уголовно-процессуальных средств в обнаружении признаков преступления и правильное сочетание приемов, методов и средств ОРД позволяют доказать вину в ходе предварительного расследования и дают возможность раскрыть преступление¹.

Предлагаемые уголовно-процессуальным законом средства познания не всегда способны должным образом эффективно оказывать помощь следователю в реализации процесса доказывания по уголовным делам. Эту проблему возможно разрешить лишь после того, как изменятся: сложившийся стереотип запрета использования данных ОРМ в уголовно-процессуальном доказывании; отрицательная тенденция излишней осторожности регламентации уголовно-процессуального использования результатов ОРД; взгляд недоверия к полученным из оперативных подразделений материалам ОРД.

¹ Черкова М.Ю. Особенности использования оперативно-розыскной информации при расследовании уголовного дела // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 127–135.

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Расследование уголовных дел, связанных с оказанием медицинской помощи, представляет собой значительную проблему для доказательной деятельности следователя, которая, прежде всего, требует использования специальных познаний. К этой категории дел относятся и преступления по ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности».

Поводом к исследованию послужило решение ЕСПЧ¹, указавшего на неправомерность привлечения к уголовной ответственности в результате произвольного и расширительного истолкования административных норм при имевшей место неопределенности административно-правового регулирования в сфере медицинской деятельности. При расследовании этого дела было проведено несколько судебно-медицинских экспертиз и исследований специалистов, приходивших к взаимоисключающим выводам. Очевидно, что данная ситуация связана с неопределенностью правового регулирования и, как следствие, различным пониманием сущности деятельности экспертами. В основу обвинения были положены заключения, укладываемые в версию следователя, иные были отклонены как недопустимые или не обсуждались. Подобный подход дал основание для ЕСПЧ утверждать о несоблюдении принципа равенства. Представляется, что указанный прецедент позволяет выявить объективные интерпретационные проблемы, возникающие, прежде всего, перед следователем при расследовании этой категории дел.

Для установления состава преступления по ст. 235 УК РФ специальные познания необходимы для ответа на два вопроса: 1) является ли деятельность подозреваемого медицинской; 2) есть ли причинная связь между деятельностью подозреваемого и вредом здоровью потерпевшего. Установление причинной связи является достаточно

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Матыцина против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10) от 27.03.2014.

разработанной в методике производства судебно-медицинской экспертизы, между тем, вопрос отнесения тех или иных манипуляций к медицинской деятельности сегодня представляет значительную трудность. Главным фактором, затрудняющим установление характера такой деятельности, является бланкетность диспозиции ст. 235 УК РФ и запутанное нормативное правовое регулирование в части содержания понятия медицинской деятельности¹. Именно эти обстоятельства заставляют следователя обращаться к специальным познаниям для установления характера деятельности подозреваемого. На первый взгляд, при использовании функционала определенного ст. 85 УПК РФ, у следователя нет иных способов разрешения противоречий между взаимоисключающими доказательствами, кроме признания части из них недопустимыми или недостоверными. Однако в случаях с неопределенным правовым регулированием формирование правовой позиции следователя должно основываться на интерпретационной деятельности, принимающей в своем формальном выражении толкование права. Несмотря на отсутствие прямых указаний на возможность интерпретации в процессуальном законе, ч. 1 ст. 88 УПК РФ говорит о необходимости оценки всех собранных доказательств в совокупности, что, на наш взгляд, предполагает использование текстуально-контекстуального, исторического, герменевтического, филологического методов для интерпретационной легитимации следственной версии. Поскольку правовая база не позволяет однозначного формального определения медицинской деятельности, именно следователь, а не эксперт, интерпретируя деяние подозреваемого в контексте иных доказательств по делу и норм действующего законодательства, должен оценивать характер его деятельности, в том числе и ее относимость к медицинской.

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА

Организованная преступность как правовое явление приобрела в современной России качественно новые, доселе неизвестные криминалистике формы. Сращивание криминального мира с правоохранительными органами, а также финансово-олигархическими группами значительно усложнило процесс доказывания как на предварительном следствии, так и в судебном разбирательстве. И только благодаря высокому профессионализму юристов еще порой возможно весьма успешное разрешение проблемных ситуаций, складывающихся по данной категории уголовных дел. Примером такого удачного разрешения судебно-следственной ситуации, на наш взгляд, является так называемое дело комсомольского общака¹.

По данному уголовному делу, вызвавшему в свое время большой общественный резонанс в стране, проходило 11 подсудимых, в том числе 3 «вора в законе»: Эдуард Сахнов («Сахно»), Олег Семакин и Олег Шохирев, обвиняемых по достаточно проблемной, с нашей точки зрения, ст. 210 УК РФ, в создании преступного сообщества – «комсомольского общака», для совершения умышленных убийств, краж и вымогательств на территории всего Дальнего Востока. Под контролем «общака» находилось четыре тысячи представителей криминального мира. Центром «общака» являлся Комсомольск-на-Амуре, в каждом квартале которого были оборудованы так называемые бызы – низовые криминальные ячейки. Их было выявлено органами предварительного расследования в количестве 26. Отсюда криминальные «бригадиры» достаточно эффективно руководили этими низовыми ячейками. В ходе обысков в «бызах» были изъяты документы, компьютерная база данных, обширный архив видеоматериалов. Помимо этого у «общаковцев» были обнаружены списки жителей

¹ Воронин С.Э., Воронина Е.С., Железняков А.М. Организация преступного сообщества: уголовно-правовые и криминалистические аспекты. Красноярск: Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2015. С. 46.

Комсомольска-на-Амуре с паспортными данными, а также сведениями обо всех автомобилях, зарегистрированных в местных отделениях ГИБДД¹.

Однако своего апогея конфликт участников в описанной уголовно-процессуальной ситуации, как и следовало ожидать, достиг в Хабаровском краевом суде, где рассматривалось данное дело. По ходатайству большинства обвиняемых судья принял решение о назначении судебного заседания с участием присяжных заседателей. Между тем трое обвиняемых, включая Эдуарда Сахнова, высказались против суда присяжных, мотивируя это тем, что рассмотрение таким составом суда может растянуться на несколько лет. А потом началась серия уголовно-процессуальных ситуаций организационно-неупорядоченного типа².

Во-первых, присяжные заседатели из Хабаровска отказались участвовать в процессе в качестве присяжных из опасения за свою жизнь и жизнь членов своих семей. Пришлось срочно комплектовать коллегия присяжных из жителей других регионов страны. Вскоре по той же причине возникла проблема и с государственным обвинителем, в связи с чем обвинение по делу «комсомольского общака» был вынужден поддерживать сам прокурор Хабаровского края Виталий Каплунов, оказавшийся далеко не из робкого десятка и справившийся со своей задачей блестяще. В результате коллективных усилий высокопрофессиональных юристов рассмотрение дела «комсомольского общака» благополучно окончилось обвинительным приговором практически для всех членов названного ОПС.

¹ Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Психотипологический подход в системе криминалистического знания. Красноярск: Изд-во Сиб. ин-та бизнеса, управления и психологии, 2015. С. 32.

² Воронин С.Э., Никитенко И.В., Степаненко Д.А. Актуальные проблемы современной криминалистики. Красноярск, 2016. С. 47.

ВОЗМОЖНОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Интернет и связанные с ним информационно-телекоммуникационные технологии становятся частью повседневной жизни все большего числа людей. Несмотря на относительно недавнее появление, социальные сети стали одним из самых популярных видов ресурсов сети «Интернет». По статистике, 65% жителей России выходят в интернет хотя бы раз в сутки¹, среди них 87% имеют учетные записи в социальных сетях². Эти тенденции приводят к тому, что объемы оперативно значимой информации, циркулирующей в сети «Интернет», постоянно нарастают.

Некоторая информация может храниться в социальной сети, но не быть доступной через стандартный интерфейс. Например, в большинстве социальных сетей существует возможность посмотреть список друзей данного пользователя, но не список друзей всех его друзей. Данная информация может быть получена путем анализа и обобщения данных, предоставляемых социальной сетью, но это требует выполнения огромного количества рутинных операций, поэтому подобный анализ невозможен без разработки и внедрения специальных компьютерных программ, автоматизирующих эту работу.

Рассмотрим некоторые возможности использования автоматизированного анализа социальных сетей для решения отдельных задач оперативно-розыскной деятельности. Наиболее интуитивно понятным является метод поиска цепочек знакомств, соединяющих заданные учетные записи³. Длина такой цепочки позволяет оценить степень близости знакомства. Кроме того, построение цепочек знакомств может быть использовано для определения путей вербовки.

¹ Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 // Фонд Общественное мнение: сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения: 30.01.2019).

² Онлайн-практики россиян: социальные сети // Фонд Общественное мнение: сайт. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 30.01.2019).

³ Галушин П.В., Смирнов И.А. Автоматизация аналитической работы органов наркоконтроля с информацией, размещенной в социальных сетях // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3 (16). С. 117–121.

Другой задачей, представляющей оперативный интерес, является поиск общих друзей и сообществ пользователей социальных сетей¹. Анализ круга общих друзей может быть использован для определения возможных сообщников подозреваемых; анализ общих сообществ социальных сетей позволяет получить представление о сферах интересов группы лиц. Здесь интерес могут представлять сообщества, в которых осуществляется реклама предметов, оборот которых ограничен, юмористические материалы антиобщественной направленности и другая характеризующая информация.

Понимая, что информация, размещенная в социальных сетях, может быть использована правоохранительными органами, правонарушитель может попытаться скрыть свои связи. Но информацию о конкретном пользователе может разместить в социальной сети не только он, но и другие пользователи (например, его друзья, родственники, знакомые). Применяя анализ общих друзей к списку друзей пользователя, можно получить список возможных друзей пользователя, который с высокой вероятностью будет содержать лиц, с которыми данный пользователь знаком, но решил скрыть этот факт².

Применение описанных методов анализа социальных сетей позволит более эффективно использовать информацию, размещенную в социальных сетях, в оперативно-розыскной деятельности.

З.А. Гулевич

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИКРОСЛЕДОВ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ В АВТОМОБИЛЯХ И НА ЛЮДЯХ

Для осмотра транспортного средства с целью обнаружения взрывчатых веществ применяются выездной комплект средств для

¹ Галушин П.В. Анализ структуры групп в социальных сетях в целях раскрытия и расследования преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXI междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. 2018. С. 106–108.

² Галушин П.В. Выявление латентных связей в социальных сетях в целях противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1 (26). С. 54–58. URL: [https://xn--90anb7a5d.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1528/document_journal/Vestnik_1\(26\).pdf](https://xn--90anb7a5d.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1528/document_journal/Vestnik_1(26).pdf)

экспресс-анализа взрывчатых веществ, приборы ультрафиолетового и инфракрасного излучения.

Осмотр автомобиля можно разделить на два этапа. На первом этапе дистанционное обследование автомобиля включает в себя визуальный осмотр с использованием оптических приборов, пространство вокруг автомобиля, наружную поверхность автомобиля и внутреннее пространство салона автомобиля. Дистанционный осмотр автомобиля необходимо завершить обследованием внешней поверхности корпуса, применяя портативный детектор паров взрывчатых веществ. Второй этап – внешний визуальный осмотр поверхности на которой расположен автомобиль, нижняя часть автомобиля (днище, трансмиссия, бамперы, выхлопная труба): особое внимание должно уделяться полости надколесных арок и внутренней стороне колес, заправочной горловине, месту соединения дверей, крышке багажника и капота автомобиля и специальному оборудованию на автомобиле. По окончании осмотра целесообразно отбуксировать транспортное средство в бокс, который необходимо опечатать, для последующих дополнительных осмотров автомобиля. Все действия по вскрытию автомобиля посредством разрушения остекления или с использованием детонирующего шнура должны согласовываться с руководителем органов внутренних дел¹.

По нашему мнению, находящиеся в эксплуатации автомобили желательно дооборудовать следующими дополнительными элементами против применения взрывных устройств: настилка противоосколочного днища из укрепленного по периметру кевларового мата с тавровыми балками, удерживающими мат от влетания внутрь салона при взрыве, взрывобезопасный бензобак и заделка выхлопа глушителя, установка устройства дистанционного запуска двигателя, противоударные пленки на стекла и защита шин от прострела².

В настоящее время для досмотра ручной клади и одежды людей на наличие взрывчатых веществ и взрывных устройств применяется лазерная установка, способная на расстоянии определять до двух

¹ Гулевич З.А., Чепрасов М.Г., Колотов М.А. Криминалистические аспекты исследования отдельных групп микроследов веществ / под ред. проф. Н.М. Букаева. Москва: Омега-Л; Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 196 с.

² Гулевич З.А. Криминалистические методы исследования микроследов взрывчатых веществ при производстве судебной экспертизы // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 15–20.

миллиметров взрывчатого вещества. Взрывчатые вещества определяются по микрочастицам и микроследам таких веществ на одежде и теле преступника либо потерпевшего, а также на предметах обстановки места происшествия. Особое внимание необходимо обращать на пуговицы, застёжки, крючки, пряжки, швы, складки, монжеты и т.п. В поиске микроследов на теле человека, где могут оставаться микроследы взрывчатых веществ, необходимо использовать соответствующие лупы, микроскопы под ярким светом, сильные ультрафиолетовые осветители и электронно-оптические преобразователи. Осмотр людей также может проводиться с применением химических экспресс-тестов. Взрывчатые же вещества просто испаряются и закрепляются в волосах людей, которые имеют с ними дело. И мельчайшие частицы взрывчатых веществ сохраняются даже после неоднократного мытья головы. Взрывчатые вещества, проникая в структуру волос, более активно удерживаются в темных волосах, чем светлых, что объясняется ролью пигмента меланина, который придает волосам цвет¹.

С.И. Давыдов

О ФОРМИРОВАНИИ ЧАСТНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕТОДИК РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

К числу важных проблем, связанных с созданием эффективных частных методик раскрытия отдельных видов преступлений, следует отнести проблему выделения в этих методиках блоков рекомендаций, разработка которых целесообразна на основе ситуационного подхода².

¹ Гулевич З.А. Криминалистические методы исследования микроследов взрывчатых веществ в автомобилях и на людях // Основные направления экономического, правового и социально-культурного развития в современной России: материалы 9-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30 ноября 2013 г.): в 2 ч. / отв. ред. проф. А.А. Власов. М.: РУДН, 2013. Ч. 1. 335 с.

² Подробнее о сущности ситуационного подхода в методологии оперативно-розыскной деятельности см.: Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2009.

С точки зрения потребностей практики использование ситуационного подхода в разработке и построении рекомендаций по раскрытию преступлений является наиболее продуктивным. Эффективность ситуационного подхода обусловлено тем, что создаваемые комплексы рекомендаций увязаны с определенными типами ситуаций и рассчитаны на аналогичные реальные ситуации, складывающиеся в процессе раскрытия преступлений.

Вместе с тем требуется четкое представление о перечне и содержании соответствующих рекомендаций.

Полагаем, что к таким рекомендациям следует отнести:

1. Рекомендации об оптимальном использовании оперативно-розыскных средств и методов раскрытия преступлений по тактической схеме «от события преступления – к лицу».

2. Рекомендации о проведении оперативно-розыскных мероприятий в инициативном порядке с целью выявления и документирования преступных действий, т.е. раскрытия преступлений по тактической схеме «от лица – к событию».

3. Рекомендации о тактических приемах реализации материалов дела оперативного учета и дальнейшем использовании имеющейся оперативной информации.

4. Рекомендации об особенностях проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, действий, операций при раскрытии преступлений определенного вида.

5. Рекомендации об использовании конфидентов в раскрытии отдельных видов преступлений.

Особое значение такие рекомендации имеют для раскрытия преступлений по тактической схеме «от лица – к событию». Специфика совершаемых преступлений и характеристики лиц, их совершающих, определяют специфику подбора и привлечения конфидентов к раскрытию преступлений. Так, целесообразно иметь специализированные источники информации для раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; краж и угонов автомобилей; преступлений, совершаемых иностранными гражданами, несовершеннолетними; лицами цыганской национальности и т.д. Специальными познаниями должны обладать конфиденты, привлекаемые для борьбы с экономическими, налоговыми преступлениями.

В связи с этим в рекомендациях необходимо отражать, какими разведывательными, личностными качествами, специальными по-

знаниями должны обладать конфиденты; из какой среды их необходимо подбирать, какие методы использовать для привлечения их к сотрудничеству, как стимулировать их работу, какие объекты должны ими контролироваться.

Р.Г. Дранезо

НЮАНСЫ ПОСТРОЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УБИЙСТВ, ГДЕ ОГОНЬ ПРИМЕНЯЕТСЯ КАК СРЕДСТВО СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В нашем недавнем исследовании¹, а также в исследованиях других авторов² делается акцент о внедрении информационного подхода в традиционные модели (разведывательно-поисковые) построения оперативно-розыскной характеристики преступлений (ОХП). Применительно к изучаемой категории преступлений – убийства, где огонь используется как орудие (способ) сокрытия преступления, при построении ОХП это открывает ряд преимуществ, а именно:

1. Создание модели убийства изучаемой категории. Модель должна быть приближена к оригиналу, т.е. уметь воспроизводить не только характерные черты, присущие большинству убийств, но и предсказывать появление нехарактерных или атипичных особенностей (нюансов) изучаемой категории убийств. К атипичным особенностям мы отнесем, к примеру, атипичную следовую картину, атипичные ситуации первоначального этапа раскрытия убийств, прогнозирование появления атипичного преступника и т.п. В связи с этим, первый нюанс в построении ОХП изучаемой категории убийства – отбор признаков, которые обладали бы поисковыми качествами.

Эмпирический материал (более 300 уголовных дел), обработанный с помощью авторской анкеты и представленный в виде базы

¹ Дранезо Р.Г. Модель оперативно-розыскной характеристики убийств, где огонь применяется как орудие (способ) сокрытия преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы семнадцатой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.К. Буякова. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2019. Ч. 1. С. 5–6.

² Бессонов А.А. Технология построения криминалистической характеристики преступлений // Российский следователь. 2018. № 7. С. 3–7.

данных Excel, показал существование более 350 различных признаков. Методы кластерного анализа позволили сгруппировать весь массив первичных данных в более чем 15 значимых информационных кластеров (ИК). При этом каждый кластер включает в себя показатели, обладающие оперативно-розыскными и криминалистически значимыми поисковыми качествами. Для примера приведем несколько ИК: 1) «место совершения убийства», включает в себя более 11 характеристик: жилое / нежилое помещение; улица; подъезд / подвал; автомобиль; лесной массив; колодец / теплотрасса; шахтные отвалы; иная открытая местность; 2) «перемещение подозреваемым трупа потерпевшего, который подвергся действию огня», охватывается 8 показателями: наличие или отсутствие трупных пятен; наличие или отсутствие трупного окоченения; место перемещения трупа; форма и дислокация ожогов (особенно для нижних конечностей); расстояние до места сжигания; средства перемещения трупа.

Второй нюанс будет связан с нормированием признаков, которые войдут в состав модели ОХП. Однако в части диссертационных исследований нормирование осуществляется по средним величинам. Так, средний возраст преступника изучаемой категории – 24 года. В реальной оперативной обстановке все иначе. Чаще всего убийства изучаемой категории совершают молодые люди в возрасте 17–18 и даже 15 лет. Проведенный частотный анализ обнаружил часто встречаемые периоды, которые в статистике называют модой. Мода пришлась на возрастной диапазон 15–18 лет. В этой связи мы рекомендуем проверять гипотезу сходимости средней величины и моды не только для возраста, но и по всем тем показателям, которые войдут в состав будущей модели ОХП.

2. Построение корреляционных связей как между найденной совокупностью признаков, так и между ИК. Обнаруженные корреляции и связанный с ними метод классификации групп позволили предсказать появление атипичных преступников и атипичных ситуаций (третий нюанс).

Таким образом, можем с определенной осторожностью говорить о зарождении технологии создания моделей ОПХ отдельных категорий преступлений, которые на практике должны показать свою жизнеспособность.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

В раздел криминалистических вопросов организации раскрытия и расследования преступлений, помимо некоторых общих вопросов, включены следующие темы: криминалистические версии и планирование расследования; взаимодействие следователя с работниками уголовного розыска, специалистами-криминалистами и сотрудниками других служб органов внутренних дел; розыскная работа следователя; организация взаимодействия с общественностью и населением; основы применения ЭВМ в раскрытии и расследовании преступлений; криминалистическая регистрация; профилактическая работа следователя¹. Использованию помощи населения при расследовании незаконной охоты будет посвящена данная статья.

На наш взгляд, при расследовании незаконной охоты следует взаимодействовать с такими категориями граждан, как охотники-любители, охотники-промысловики, являющиеся членами охотничьих обществ, с контролирующими лицами данных общественных формирований. Даже сам факт нахождения лиц данных категорий в охотничьих угодьях препятствует совершению браконьерских действий.

Кроме того, именно от указанных лиц чаще всего в органы внутренних дел поступает информация о нарушении Правил охоты, что позволяет своевременно реагировать на нее.

Следующей формой взаимодействия с указанной категорией населения является участие данных лиц в осмотре места происшествия в качестве понятых. Такие лица обычно соглашаются на участие в следственном действии. На наш взгляд целесообразно, чтобы присутствующие при осмотре понятые обладали некоторыми познаниями в области охотоведения и при необходимости могли дать более объективные показания о своем участии в следственном действии. Члены охотничьих обществ могут оказать помощь следователю по поиску материальных следов преступления при больших границах осмотра.

¹ Филиппов А.Г. О системе отечественной криминалистики // Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М.: Юрлитформ, 2007. С. 186–187.

Члены и контролирующие лица охотничьих обществ могут быть допрошены об известных им обстоятельствах совершенного преступления. Конечно, такой допрос протекает в условиях бесконфликтной ситуации.

В качестве иллюстрации допроса рассматриваемой категории свидетелей можно привести следующий пример. Граждане Л, Б., М., С. в заказнике «Чинетинский», используя лошадей и карабины, незаконно добыли пять маралов. Охотоведы Р. и К. самостоятельно приняли меры к установлению браконьеров, показали работникам милиции места добычи и разделки маралов, приняли участие в осмотре места происшествия, а впоследствии дали по делу показания, изобличающие преступников¹.

Кроме того, результаты расследования могут быть доведены до должностных лиц органов госохотнадзора, членов обществ охотников и рыболовов и охотничьих коллективов. Это способствует не только укреплению взаимодействия с населением, но и упрочнению негативного отношения у охотников и других лиц к подобным правонарушениям.

В.В. Ерахмилевич

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Помимо ст. 20 Конституции РФ, гарантирующей каждому человеку право на жизнь, и ст. 41 Конституции РФ, провозглашающей право на охрану здоровья и медицинскую помощь, Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности РФ, в соответствии с которой одной из стратегических целей развития здравоохранения и укрепления здоровья населения РФ являются соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий. Поэтому охрана здоровья граждан является одним из приоритетных направлений политики нашего государства, а борьбе с ятрогенными преступлениями уделяется повышенное внимание.

Ятрогенное преступление – это виновное нарушение правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи, совершенное фи-

¹ Уголовное дело № 1-7. Архив Курьинского районного суда Алтайского края.

зическим лицом, имеющим юридический статус медицинского работника, в процессе исполнения им своих профессиональных обязанностей, причинившее смерть или вред здоровью пациента или создавшее угрозу причинения таких последствий.

К указанным преступлениям традиционно относят деяния, названные в ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 ст. 118 УК РФ, ч. 4 ст. 122 УК РФ, ст. 124 УК РФ.

Существует немало проблем в расследовании данных преступлений, основными из которых можно назвать следующие. Первой проблемой можно назвать трудности своевременного изъятия медицинской документации. Зачастую медицинские работники пытаются скрыть эту документацию или предоставить ее как можно позднее, чтобы внести в нее исправления, поправки, дописки. Как правило, по подобным деянием проводится доследственная проверка, в рамках которой невозможно произвести выемку или обыск до возбуждения уголовного дела.

Поскольку следователь не обладает специальными познаниями в области медицины, необходимо допрашивать в качестве специалистов медицинских работников, которые не всегда дают объективные показания в силу так называемой корпоративной этики. По этой же причине не всегда объективны и заключения проверок Росздравнадзора, а особенно на региональном уровне представителей Министерства здравоохранения. Поэтому рекомендуется связываться с медицинскими специалистами по интересующим вопросам из других регионов.

Еще одной проблемой можно назвать то, что в рамках судебно-медицинской экспертизы эксперты нечасто дают заключения о прямой причинной связи между действиями медицинских работников и наступившими последствиями. Зачастую следователям приходится назначать повторные экспертизы в другие судебно-медицинские учреждения.

Немаловажной проблемой является определение виновного лица в случае оказания (неоказания) медицинской помощи несколькими медицинскими работниками. В такой ситуации важно установить, от действий (бездействий) каких именно лиц наступили общественно-опасные последствия.

Наконец, существенной проблемой является нечеткое регулирование отраслевым законодательством правил и (или) стандартов ока-

зания медицинской помощи. В практике известны случаи проведения операций по уникальным методикам, аналогов которым в России нет. В этой ситуации приходилось допрашивать в качестве специалистов врачей соответствующего профиля из других государств.

И.А. Журавлева

ПРОЦЕСС РАСПОЗНАВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Распознавание в судебной экспертизе – сложный познавательный процесс, для осуществления которого необходимы две группы объектов. Во-первых, отдельные предметы, находящиеся в связи с событием расследуемого преступления или их материально фиксированные отображения. Во-вторых, классификационные системы данных объектов или «классы», представляющие описания реальных объектов через систему признаков. Первая группа объектов является «распознаваемой», поскольку в отношении ее ставится задача распознавания. Вторая группа объектов может быть названа «распознающей», так как на основе ее описания на языке признаков осуществляется отнесение исследуемого объекта к определенному классу или звену классификационной системы, устанавливается состояние объекта.

Процесс распознавания в судебной экспертизе может осуществляться двумя методами. Это так называемое векторное сравнение, которое проводится одновременно по нескольким комплексам признаков. Данный метод связан с применением средств компьютерной техники для решения задачи распознавания. Второй метод называется последовательным. Его сущность заключается в том, что каждый из признаков распознаваемого объекта сопоставляется с подобным признаком распознающих объектов и на этой основе формулируется вывод об отнесении распознаваемого объекта к одному из классов либо его звену или устанавливается его состояние.

В процессе судебно-экспертного распознавания можно выделить три стадии: аналитическую, сравнительную и оценочную. На первой стадии эксперт изучает свойства распознаваемого объекта и выделяет признаки, опираясь на ранее разработанную классификацию. Через описание на основе системы признаков создается образ распознающего объекта. На следующей стадии образ распознаваемого

объекта сопоставляется с образами распознающих классов с использованием одного из алгоритмов распознавания. В заключительной стадии применяются те или иные методы решения задачи, на основе чего делается вывод об отнесении распознаваемого объекта к определенному классу, звену классификационной системы или устанавливается состояние объекта. При этом выбор решающего правила определяется одним из подходов к созданию алгоритмов распознавания.

Основу эвристического подхода составляют опыт и интуиция разработчика, хорошее знание специфики объектов. Для реализации алгоритма распознавания устанавливается совокупность специфических процедур, разработанных применительно к конкретным объектам и процессам распознавания. Детерминистский подход основывается на математических формализмах, не использующих в явном виде статистические свойства классов объектов, в то время как статистический подход базируется на аппарате математической статистики, а статистические алгоритмы распознавания основываются на использовании правила классификации Байеса и его разновидностей. Если необходимо определить не только класс, к которому относится объект, но и описать каждый объект, то применяется структурный или лингвистический подход. В его основе лежит использование идеи описания объекта как некоторой иерархической структуры, составленной из простых элементов.

Следует отметить, что задача судебно-экспертного распознавания (отнесение исследуемого объекта к определенному классу или звену классификационной системы, установление состояния объекта) определяет специфику его процесса.

И.В. Иванов

О СИСТЕМЕ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С ЕГО УЧАСТИЕМ

Выделение изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в качестве самостоятельной тактико-криминалистической задачи¹

¹ См.: Иванов И.В. Получение информации о личности подозреваемого (обвиняемого) как тактическая задача, реализуемая при производстве следственных

влечет вопрос о выборе тактико-криминалистических средств ее решения. Среди них центральное место занимают тактические приемы как поведенческие акты следователя, способные оказать такое воздействие на личность подозреваемого (обвиняемого), результатом которого выступает получение новой криминалистически значимой информации о ней. На этапе подготовки к следственному действию, планируя выбор тактических приемов, следователь конкретизирует задачу получения личностной информации с учетом объема и содержания известных ему сведений о личности подозреваемого (обвиняемого). В ходе следственного действия при реализации тактических приемов следователь восполняет эти сведения, уточняет отдельные обстоятельства личностного характера, определяет те направления изучения личности подозреваемого (обвиняемого), по которым значимая для расследования информация на данный момент недостаточна. Применяя тактический прием, следователь увеличивает объем личностной информации о подозреваемом (обвиняемом), а также создает условия для дальнейшего изучения данной личности. Таким образом, в ходе следственного действия необходимым условием получения достоверной личностной информации является использование как исследовательских, так и обеспечительных тактических приемов¹ – они приближают следователя к решению вышеназванной тактико-криминалистической задачи.

На наш взгляд, представляется актуальной научно-познавательная задача систематизации тактических приемов, применяемых при изучении личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием. Не вызывает сомнения значимость целостной системы классификации тактических приемов для обеспечения эффективности поисково-познавательной деятельности по расследованию преступлений. Однако познавательный потенциал тактических приемов, входящих в эту систему, неодинаков. Так, применительно к решению задачи изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием, особое место занимают тактические приемы логико-психологической

действий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы 14-й междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.А. Андреева. Барнаул, 2016. Ч. 1. С. 89–90.

¹ См.: Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск, 2012. С. 81.

природы. При их реализации учитываются сведения о психологических особенностях личности подозреваемого (обвиняемого), прогнозируются и оцениваются его реакции на определенные действия следователя. В этом смысле наибольшее внимание исследователей привлекают тактические приемы следственных действий вербального характера, главным образом допроса. В трудах И.А. Матусевич отмечено, что методы и средства изучения личности обвиняемого при проведении допроса тесно переплетаются, взаимно дополняются, и нельзя ограничивать сферу применения каждого из них¹. В современных исследованиях активно изучаются проблемы получения личностной информации посредством анализа как речи допрашиваемого, так и невербальных проявлений общения. В отношении последних Т.А. Алексеева обозначает проблемы классификации невербальной информации, методов ее исследования и трактовки². Представляется, что наличие нерешенных вопросов подобного рода влечет скептическое отношение со стороны ряда следователей по отношению к возможностям получения достоверной личностной информации в ходе следственного действия с участием подозреваемого (обвиняемого). Так, 4,9% проанкетированных нами следователей МВД России не согласны с утверждением, о том, что участие подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия позволяет получить новые сведения о нем, а еще 2,9% следователей вообще не имеют определенного мнения по этому вопросу. Полагаем, что исследования вопросов системы тактических приемов изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием имеют как теоретическое, так и практическое значение.

¹ См.: Матусевич И.А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975. С. 66.

² См.: Алексеева Т.А. Проблемы криминалистического исследования невербальной информации // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул, 2018. С. 3–4.

Е.С. Иванова, И.Н. Байкова

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ ВРЕЗОК В НЕФТЕПРОВОД И НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОД

По территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области проходит ряд достаточно крупных нефтепроводов (далее – МН) и нефтепродуктопроводов (далее – МНПП) предприятий системы ПАО «Транснефть» (ООО «Транснефть–Балтика»), по которым осуществляется транспортировка нефти и светлых нефтепродуктов. К сожалению, оперативная обстановка на объектах трубопроводного транспорта в указанном регионе характеризуется ростом преступных посягательств и, как следствие, значительной тяжестью последствий, оказывающих негативное влияние не только на состояние экономических показателей, но и на экологию.

Преступные посягательства на объекты транспортировки нефти всегда сопровождаются тщательной маскировкой, да и непосредственно нефтепроводы и нефтепродуктопроводы из-за своей протяженности не способствуют быстрому обнаружению незаконных врезок и хищений топлива. Поэтому осмотр места происшествия – неотложное и весьма значимое, с точки зрения обнаружения и изъятия вещественных доказательств, следственное действие¹, при его проведении возрастает роль специалиста-криминалиста. Так, в качестве емкостей для хранения и перевозки похищенного из МНПП топлива фигуранты используют самодельные баки, сваренные из металлических листов, под конкретные, необходимые размеры, которые устанавливаются в грузовые тентованные полуприцепы и прицепы, в кузова самосвалов, металлические морские контейнеры, установленные на грузовые прицепы, а также специальные резиновые емкости, которые устанавливаются в сараях, бытовках, гаражах, ангарах и других строениях. Скрытые емкости, используемые фигурантами для временного хранения и перевозки похищенного из МНПП топлива, маскируются таким образом, что специалисту определить, что в данном строении хранится топливо или ма-

¹ Лейнова О.С., Бруевич М.Ю., Иванова Е.С., Виноградов А.С. Тактические особенности осмотра места происшествия на железнодорожном транспорте. СПб., 2017. С. 4.

шина перевозит топливо, практически невозможно¹. Это первое обстоятельство, указывающие на важность обладания специальными знаниями. Вторым является тот факт, что члены преступных групп сами привлекают высококвалифицированных специалистов в области электроники. Так, например, процессом открытия крана, регулирующего процесс отбора похищенного из МНПП топлива, до полного наполнения емкости с последующим перекрытием крана можно управлять дистанционно, находясь на достаточном удалении от места установки накопительной емкости, а так же получать сведения о давлении и скорости перекачки топлива по МНП или МНПП, через информационную сеть «Интернет», используя компьютер или мобильный телефон. Можно установить миниатюрные камеры по всему периметру участка, где установлены накопительные емкости, используя интернет-модемы, изображение с которых можно просматривать в любой точке, где имеется прием мобильной связи или интернета. В этом случае участие лица, обладающего специальными знаниями в области электроники и интернет-ресурсов, – не только техническая необходимость, но и тактически верное решение. Кроме этого, специалист-криминалист принимает меры к закреплению и фиксации следов преступления (отбор проб грунта, отпечатков следов протекторов автошин, отпечатков пальцев, генетических образцов, отбор проб нефти из врезки и емкостей, изъятие одежды и т.д.), помогает следователю установить обстоятельства их обнаружения.

О.С. Илларионова

КРИМИНАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ СИТУАЦИЙ

Деятельность по раскрытию преступлений осуществляется в каждом конкретном случае в разной обстановке, в разных условиях,

¹ Иванова Е.С., Карпова Л.Ю. О положительном опыте расследования уголовных дел, возбужденных по фактам хищения нефтепродуктов из магистральных трубопроводов // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития. Материалы всероссийской научно-практической конференции / сост. С.У. Дикарев, Н.В. Лантух, Я.А. Кострица. 2016. С. 143–148.

которые формируются складывающимися обстоятельствами, факторами. Совокупность таких обстоятельств и факторов определяется как оперативно-розыскная ситуация. Наиболее полно исследовал проблемы ситуационного подхода в оперативно-розыскной деятельности С.И. Давыдов. По его мнению, под оперативно-розыскной ситуацией следует понимать складывающуюся по поводу криминального поведения совокупность пространственно-временных и иных факторов, характеризующих ход, процесс оперативно-розыскной деятельности, условия, в которых она осуществляется, и одновременно оказывающих управляющее воздействие на ее организацию и тактику¹. Анализ и оценка ситуации предопределяет принятие эффективных решений в процессе деятельности по раскрытию преступлений.

Одно из обстоятельств, характеризующих процесс расследования преступлений – противодействие, оказываемое оперативному сотруднику со стороны представителей криминальной среды либо свидетелей и даже потерпевших.

Данная проблема получила отражение в работах известных ученых-криминалистов².

Понятие криминального противодействия оперативно-розыскным органам в процессе их деятельности по раскрытию преступлений дается многочисленными авторами. Наиболее точным, на наш взгляд, является определение, данное Е.И. Замылиным, который под противодействием раскрытию и расследованию преступлений понимает совокупность умышленных действий (бездействия) со стороны определенной категории лиц, которые, независимо от интересов в исходе расследования, усложняя деятельность правоохранительных органов в процессе производства по уголовному делу в целом, затрудняют выяснение обстоятельств совершения уголовно-наказуемого деяния и изобличения виновных в этом³.

¹ См.: Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2009. С. 109.

² См.: Волинский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 96.

³ См.: Замылин Е.И. Теоретические основы, организационно-правовые и тактико-психологические проблемы обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 47.

Обусловленные криминальным противодействием раскрытию преступлений конфликтные оперативно-розыскные ситуации имеют некоторое сходство со следственными конфликтными ситуациями. Их отличительные признаки определяют характер оперативно-розыскной и следственной деятельности, субъекты их осуществления. Следует отметить, что конфликтные оперативно-розыскные ситуации возникают тогда, когда противоборствующие стороны осведомлены о преследуемых ими противоположных целях, учитывают возможные действия противной стороны, создают друг другу трудности и препятствия. Субъектом конфликтной оперативно-розыскной ситуации является оперативный сотрудник, на которого возлагается задача нейтрализовать криминальное противодействие и добыть в этих условиях информацию, имеющую значение для установления и избличения лиц в совершении преступлений.

Ж.Ю. Кабанова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОТРУДНИКАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ВЗЫСКАНИЯ К ОСУЖДЕННЫМ

Перечень мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы, закреплен в ст. 115, 136 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: выговор; дисциплинарный штраф в размере до двухсот рублей; водворение осужденных, содержащихся в исправительных колониях или тюрьмах; в штрафной изолятор на срок до 15 суток и др. Для того чтобы к осужденному применить одну из мер взыскания, необходимо осуществить процесс доказывания нарушения осужденным установленного порядка отбывания наказания. Доказывание, по нашему мнению, включает в себя несколько этапов: 1) обнаружение, выявление факта нарушения установленного порядка отбывания наказания; 2) проверка факта нарушения установленного порядка отбывания наказания; 3) рассмотрение дисциплинарной комиссией исправительной колонии (ИК) фак-

та нарушения установленного порядка отбывания наказания; 4) принятие решения начальником ИК о применении к осужденному меры взыскания.

Любой процесс доказывания – это сложный, поисково-познавательный процесс. Он осуществляется с применением и использованием различных средств и методов, в том числе криминалистических. В теоретическом плане в настоящее время среди ученых-криминалистов продолжается дискуссия о том, что следует относить к криминалистическим средствам и методам¹. Не вдаваясь в нее, обозначим, что под криминалистическими средствами в данном случае следует понимать технические, тактические, методические приемы и способы, разрабатываемые в рамках криминалистики.

В процессе доказывания применения мер взыскания к осужденным сотрудники ИК используют криминалистические средства и методы при обнаружении, выявлении, а также при проверке факта нарушения установленного порядка отбывания наказания. Так, для того чтобы получить какое-либо доказательство, необходимо выявить (обнаружить) след, который бы содержал доказательственную информацию. Работа с любым следом (материальным, электронным, виртуальным) осуществляется с помощью технико-криминалистических средств, работа с идеальным следом (носителем информации является память человека) – с помощью тактических приемов. Например, в ходе проведения режимного мероприятия (личного полного обыска осужденного) в его правом кармане куртки был обнаружен колюще-режущий предмет, имеющий сходство с кухонным ножом. Данный предмет относится к числу запрещенных для использования осужденными, поэтому он содержит доказательственную информацию и является следом-предметом. Работа со следами включает в себя фиксацию следа с помощью средств и методов криминалистической фотографии и его описание в соответствующем документе. В приведенном примере сотруднику ИК необходимо с помощью видеорегистратора зафиксировать методом обзорной, узловой и детальной съемки факт нахождения запрещенного предмета у осужденного и описать его в акте личного обыска криминалистическим языком.

¹ См.: например Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: науч.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2012.

Таким образом, криминалистические средства и методы используются не только субъектами расследования преступлений (следователями, дознавателями), но и сотрудниками ИК при осуществлении процесса доказывания нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными.

Считаем, что данное направление следует развивать в научном криминалистическом плане и в практической деятельности сотрудников ИК.

Д.А. Казанцев

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 148 УК РФ

С учетом обоснованно выдвинутых версий, используя ситуационный подход в расследовании конкретного преступления, важно определиться с общим направлением работы по уголовному делу. Так, по мнению Р.С. Белкина, предмет доказывания как процессуальная категория, принимаемая во внимание, обязательно и фактически определяющая узловые задачи расследования, должна содержать данные о всех элементах предмета доказывания¹. При этом надо учитывать тот факт, что обстоятельства, подлежащие доказыванию применительно к отдельным видам преступлений, напрямую вытекают из содержания объективных и субъективных признаков конкретного состава преступления. Так, исходя из смысла диспозиции ст. 148 УК РФ, в целях оскорбления религиозных чувств либо воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, преступление может быть направлено в отношении двух и более верующих. Конечно, каждый, считающий себя верующим, может явиться в правоохранительный орган, объявить себя приверженцем какой-либо религии и заявить о преступлении. Но не каждый может быть признан верующим, исходя из смысла ст. 148 УК РФ. Указанное заявление гражданина может рассматриваться только как

¹ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 190–194.

повод для возбуждения уголовного дела. Но если в ходе расследования не будут установлены иные данные, свидетельствующие о цели причинения вреда и реально причиненном вреде охраняемым уголовным законом общественным отношениям, а также иные обязательные признаки состава преступления, будет идти речь об отсутствии состава преступления.

Следует согласиться с С.П. Политовой, по мнению которой, сами по себе сведения оскорблять религиозные чувства не могут, но они могут восприниматься верующими как оскорбительные¹. Так, речь идет о действиях, связанных со святотатством (осквернением догматов, религиозных святынь и пр.) и (или) кощунством (язвительные насмешки, издевательство, неуважение к правилам жизни или обрядам той или иной религии). Богохуление, т.е. непочтение к Богу, выражаемое дерзкими словами или подобного рода поступками, может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние в случае существенной степени вредоносности. Так, например, заявление атеиста, что Бога не существует, не образует состава преступления.

Очевидно, орган предварительного расследования по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ, должен установить следующие обстоятельства: преследовалась ли виновным цель оскорбить религиозные чувства верующих либо воспрепятствовать проведению богослужений; если да, то какой конфессии; каков круг лиц, которым мог быть причинен вред; насколько часто, последовательно и неукоснительно исполняют верующие все культовые и моральные установления заявленной религии (посещение храма, участие в богослужениях и пр.); в чем конкретно проявилось оскорбление религиозных чувств и какие чувства испытывают верующие после преступных действий; какова степень оскорбления и унижения; насколько глубоко они переживают перенесенное негативное воздействие на психику и религиозное чувство и пр.

Знания об общем направлении расследования имеют большое значение для деятельности правоохранительных органов. Они позволяют выдвигать версии о совершенном преступлении как на различных этапах предварительного расследования, а также использовать при подготовке и производстве отдельных следственных дей-

¹ Политова С.П. К вопросу определения понятий при проведении психологических экспертиз в делах об оскорблении религиозных чувств верующих // Современные научные исследования и разработки. Астрахань. 2017. № 9 (17). С. 363.

ствий в целях принятия полного, объективного и всестороннего решения по делу.

Н.В. Касаткина

СКЛАДНЫЕ НОЖИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

История автоматических ножей начинается с парусного флота, когда морякам приходилось во время шторма экстренно перерезать снасти сломанных мачт, управляясь одной рукой, а другой держась за что-нибудь, чтобы не смыло волной. После Второй мировой войны в США возрос интерес к автоматическим ножам у людей с функционирующей одной рукой, немаловажную роль сыграл американский культ ножей.

Через некоторое время интерес к автоматическим ножам охватил весь мир, особенно представителей криминального мира. Криминальный шарм у автоматического ножа появился благодаря романам, фильмам и песням. На самом деле, такой нож не опасней любого другого ножа, однако во многих странах они запрещены¹.

Автоматические ножи разделяются на два класса: ножи с открыванием клинка вбок и ножи с открыванием клинка вперед. Носить такой нож легально можно, только если длина клинка менее 90 мм. Автоматические ножи имеют множество конструктивных решений, где совмещаются замок, который удерживает клинок в сложенном положении, пружина, которая его автоматически раскрывает, и второй замок, который удерживает клинок в открытом положении. Рассмотрим это на примере классического автоматического ножа – итальянского автоматического стилета. Клинок в сложенном положении стопорится боковым фиксатором с кнопкой. Для безопасности он обычно снабжен предохранителем в виде кнопки с ползунком; достаточно отвести кнопку предохранителя назад, нажать на кнопку замка – и клинок выскакивает из рукоятки, после чего стопорится в открытом положении вторым замком, который выполнен в виде накладной подпружиненной пластины с отверстием для выступа клинка. Роль рычага для отжимания пластины при складывании клинка играет половинка гарды. В самодельных версиях этого ножа,

¹ URL: http://www.plam.ru/hobbirem/boevye_nozhi/p7.php

распространенных в России, предохранитель, как правило, отсутствует¹.

От классических версий складных ножей по своей конструкции заметно отличаются ножи «Баллисонги», в простонародье – «бабочки». Простая конструкция обладает хорошими боевыми свойствами. «Баллисонги» характеризуются надежностью, они работоспособны в самых сложных условиях, выдерживают большие механические нагрузки при качественном их изготовлении. Клинок «бабочки» закрыт в походном положении с двух сторон, поэтому может иметь полукруглую или двухстороннюю заточку, серейтор или пилообразную режущую кромку. В России можно, не нарушая закона, носить такой нож, если длина его клинка не превышает 90 мм. Рукоятка ножа типа «Баллисонг» часто изготавливается из титана, что уменьшает массу ножа. Конструкции «Баллисонга» – это отсутствие такого элемента ненадежности, как пружина. Ее роль играют сами рукоятки. Достаточно сказать, что есть факты использования «Баллисонгов» в качестве подводных ножей.

Есть и другие конструкции, рассматриваемого типа ножей, тоже без пружин. Например, шарнирно-рамочная конструкция, так называемая рамка. Она состоит из двух п-образных рамок двух осей и клинка. Минус этого типа ножа в том, что при его раскладывании задействованы обе руки. Еще один тип шарнирных ножей основан на повороте половинок рукоятки в разные стороны. Они вращаются с клинком на единой оси².

Автоматические ножи сегодня являются достаточно частым объектом исследования криминалистической экспертизы холодного и метательного оружия, это приводит к выводу о важности изучения особенностей такого вида холодного оружия.

¹ Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М.: ООО НИПКЦ Восход, 1999.

² Сумарока А.М., Стальмахов А.В., Егоров А.Г. Холодное и метательное оружие: криминалистическая экспертиза: учебник / под ред. А.Г. Егорова. Саратов: СЮИ МВД России, 2000.

НЕГАТИВНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В КРИМИНАЛЬНОЙ ИНСЦЕНИРОВКЕ

Всякое преступное событие обязательно отражается во внешнем мире. В криминальной инсценировке одним из таких отображений можно считать негативные обстоятельства.

К сожалению, на данный момент нет единого подхода к пониманию сущности негативных обстоятельств, поэтому необходимо исследовать вопрос об их природе.

С объективной стороны негативные обстоятельства являются частью окружающей действительности и, представляя собой отражение уже произошедшего события, не зависят от воли и желания субъекта расследования. С субъективной стороны существующие негативные обстоятельства проходят через призму восприятия лица, занимающегося расследованием, и оцениваются с точки зрения их противоречия его субъективным представлениям¹.

Следовательно, если обстоятельство не будет противоречить субъективным представлениям, то оно не может быть рассмотрено в качестве негативного. Существование негативного обстоятельства есть объективная основа, а его выявление связано с субъективной стороной деятельности должностного лица.

Правильному восприятию, помимо объективных факторов (например, погодные условия, недостаточное освещение и т.д.), может помешать ряд субъективных факторов, наиболее интересным из которых является «эффект ожидания». Суть данного эффекта – ожидаемость определенного результата, как следствие – понижение внимания к исследуемым объектам. Следователь (дознатель) может не заметить отдельных несоответствий между предметами, следами или обстоятельствами.

Таким образом, сущность негативных обстоятельств выражается в противоречии обстановки субъективным представлениям о произошедшем событии лица, производящего расследование. Это выражается в отсутствии таких следов, предметов, признаков, которые обязательно

¹ Дементьев В.В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 20.

должны быть при конкретных обстоятельствах или же в наличии таких следов, обстоятельств, которые должны наблюдаться не в таком виде, в каком они обнаружены на месте происшествия либо которых не должно быть при обычном развитии событий.

Причем негативные обстоятельства противоречат только представлениям о механизме совершения преступления как о явлении объективной реальности, а не самому явлению¹.

Следователю (дознавателю) всегда нужно рассматривать полученную информацию в разных аспектах для того, чтобы обнаружить явления, на которые ранее он не обращал внимания. Поэтому всегда должны исследоваться две противоположные версии произошедшего (убийство и самоубийство, убийство и естественная смерть).

Выявленные негативные обстоятельства должны быть формализованы, т.е. отражены в соответствующем следственном акте протоколе, при необходимости зафиксированы путем фото- и видеосъемки.

Ценность данных процессуальных действий заключается в том, что фиксация негативных обстоятельств позволяет на любой стадии процесса проанализировать выдвинутую версию и оценить ее с точки зрения достоверности.

Обнаруженные негативные обстоятельства могут определять специфику дальнейших методов выявления и разоблачения криминальных инсценировок.

А.С. Князьков

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОМ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ И ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

В настоящий момент в нашей стране, как и в других странах, заметно выросли масштабы незаконного сбыта наркотических средств

¹ Арсентьева С.С., Тимшин Р.В. Установление и анализ негативных обстоятельств при расследовании убийств, замаскированных инсценировками // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 29 (283). С. 46–47.

путем специфического способа, заключающегося в использовании электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Такой способ сбыта объективно ведет к возрастанию масштабов незаконного сбыта, а кроме того, и к увеличению числа лиц, вовлеченных в подготовку, совершение и сокрытие названных преступлений,

Исходя из этого, можно предположить существование большого числа объектов, вовлеченных в так называемую технологическую цепочку сбыта, которые, с позиции предмета криминалистики, представляют собой следы как в широком, так и в узком смыслах.

Их образуют объекты, которые могут быть сгруппированы по отдельным признакам: такая своего рода классификация объектов дает возможность более продуктивно осуществлять версию деятельности, подготовку и производство следственных действий, а кроме того – тактико-криминалистических комбинаций и операций. В поисково-познавательном смысле становится возможным, учитывая проявления признаков объектов, отнесенных в ту или иную группу, прогнозировать задействие их в механизме преступления. Например, изъятие сотовых телефонов, в которых имеется информация об адресах оптовой закупки наркотических средств, позволяет предположить существование преступной цепочки, в которую включены лица, осуществляющие фасовку наркотиков для последующего их сбыта.

Кроме того, проявляющаяся взаимосвязь некоторых объектов с личностными качествами участников преступной группы имеет немаловажное значение в условиях, когда в таких группах существует разделение преступных ролей, а именно «руководителя», «писаря», «курьера, закладчика». Так, например, задержание лица, при котором находится значительное число разовых доз наркотиков¹, делает обоснованной следственную версию о том, что он выполняет преступную роль так называемого закладчика.

Точно так же обнаружение записей, касающихся расчетов приобретателей наркотических средств, указывает на его преступную роль, носящую условное название «писарь».

¹ Например, одна из организованных групп, осуществляющих свою преступную деятельность на территории г. Барнаула, в течение дня могла реализовать свыше 200 разовых доз наркотических средств, размер которых варьировался от 0,3 до 3 г.

Не ставя цель дать здесь развернутую классификацию объектов, образующих «следовую картину» сбыта наркотических средств указанным способом, заметим, что в большинстве случаев криминалистическим средством их обнаружения выступают обыск и выемка. Изученная практика позволяет увидеть некоторые проблемы в организации и производстве этих следственных действий. Так, планирование времени производства обыска не учитывает периоды наиболее интенсивной преступной деятельности, в результате чего число изымаемых объектов, а также их видов является небольшим. При производстве как обыска, так и выемки изымаются преимущественно разовые упаковки, в которых имеется наркотическое средство либо в них предполагается расфасовать наркотик, и не обращается внимание на пакеты, мешки и т.п., в которых временно может храниться большая партия доз.

Когда после предъявления обыскиваемым постановления суда о производстве обыска указанные лица выдают находящиеся при них наркотические средства, в большинстве случаев их личный обыск не производится, хотя у него могут оставаться иные объекты, имеющие значение для дела.

И.Т. Кривошеин

О ПРИРОДЕ СУБЪЕКТНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Человек – это не очеловеченный зверь. «Человек – уникальное творение Вселенной. Он неизъясним, загадочен. Ни современная наука, ни философия, ни религия не могут в полной мере выявить тайну человека. Когда философы говорят о природе или сущности человека, то речь идет не столько об окончательном раскрытии этих понятий, их содержания, сколько о стремлении уточнить роль названных абстракций в философском размышлении о человеке».¹

Уникальность человека, его загадочность, идущая от признания человека творением Вселенной, означает, что человек несводим к какой-либо субстанции, принятой в современной философии и науке, он несводим к сознанию, он несводим, как это полагали

¹ Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991. С. 3.

К. Маркс и Ф. Энгельс к жизни, которая единственно только и определяет сознание. При всей осязательности, при всей очевидности, при всей значимости акцентуация либо сознания, либо жизни показывает с какой непреложной очевидностью мало мы знаем о человеке, с какой непреложностью показывается диалектико-материалистическая одномерная направленность понимания человека.

Философско-мировоззренческая парадигма «человек – мир» выводит на передний план человека. С человека начинается, развивается, осмысливается земное и внеземное, человеческое и уникальное, раскрывается мир человека и человек в мире, показывается его предназначенность. Нужно показать единенность и цельность мира человека, раскрыть то, что делает человека человеком, посредством чего человек органически соединяется и становится неотъемлемой частью бытия, сливается с миром бытия, с помощью чего порождается иная философско-мировоззренческая цельность, становящаяся доступной пониманию посредством адекватных цельности идеализаций. Первой такой метафизической категорией (идеализацией) является Первородная Сущность Человека.

Человек разумный есть творение Иномыслия, творение космического Разума. Иномыслие неадекватно земному миромыслию, оно остается недоступным земному миромыслию, загадка иномыслия есть сам человек во всей своей тотальности. Именно поэтому Человеческий разум, познавая самого себя, сталкивается с непреодолимыми трудностями. Иномыслие по своей содержательной исходности несопоставимо с человеческим, земным миромыслием, со сложившимся в философии и науке строем мысли, со сложившейся познавательной традиционностью, с непререкаемой обращенностью мысли к материальному, к форме, с выстраиванием мыслей, отношений и связей по правилам объектной идеологии. Лучшим свидетельством существования Иномыслия является познавательная недоступность, загадочность происхождения самого человека.

Тайна происхождения человека скрыта в глубинах живнующей по своим законам Вселенной. В этой своей первозданности Человек есть носитель законов Иномыслия, законов Вселенной. В мире человеческого, в мире земного миромыслия Человек, *не осознавая этого, живет по законам* Вселенной, а не по измышленным социотехногенным проектам, коверкающим первозданность Человека.

Человек есть продукт закона первородства, означающий, что человек разумный может быть рожден только человеком. Лишь в этом своем первородстве человек из поколения в поколение, из века в век может воплощать природу человека, свою первородную сущность. Закон первородства, закон первородной сущности человека – исходное начало, воплощающее родовые свойства человека, которые, как закон, на протяжении тысячелетий сохраняют Человека разумным существом, ни с кем не сопоставимым в живом мире. Криминалистика ничего не знает о законах субъектной идеологии. Познание субъектной идеологии является стратегически значимой задачей криминалистики.

К.Т. Кужугет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД НАЛОГОВОГО АНАЛИЗА – ОСНОВА НАЛОГОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Лица, назначающие экспертизы, нередко затрудняются в определении того, какую экспертизу назначить: бухгалтерскую или экономическую, также возникают сложности с формулировкой вопросов специалистам и экспертам. В результате этого на уровне межличностных отношений часто возникают разногласия между участниками оперативно-следственной группы¹ в том, какие вопросы разрешаются в ходе производства той или иной экспертизы. Дискуссионными являются выбор вида исследования (экономическое, бухгалтерское или налоговое) следователем.

Исследуя вопросы налоговоедческой экспертизы следует исходить из того, что «для привлечения в уголовный процесс, использования специальных познаний в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел достижений других наук в первую очередь и предназначена криминалистика»².

¹ Дергач Н.С. Влияние межличностных отношений участников оперативно-следственной группы на эффективность расследования квартирных краж на первоначальном этапе. Правовые проблемы российской государственности. Томск, 2005. Ч. 28. С. 89–95.

² Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск, 2009. Т. 1. С. 192.

В научной литературе термин «налоговедческая экспертиза» впервые применен в 2001 г. Д.Б. Игнатьевым, который данную экспертизу рассматривает как самостоятельный вид судебно-экономической экспертизы¹. Но сущность и структурные элементы предмета исследования налоговой экспертизы были им недостаточно раскрыты.

О необходимости метода криминалистического налогового анализа свидетельствуют выводы И.В. Александрова, который писал: «Наряду с этими, уже ставшими традиционными методами документального анализа для выявления и доказывания налоговых преступлений надо ввести *метод налогового анализа документов*»². В данной статье нами продолжено и исследовано мнение И.В. Александрова.

Есть иные предложения о проведении судебно-налоговых экспертиз, но их автором недостаточно исследованы объект, предмет и круг решаемых вопросов³.

В этой связи считаем, что основным методом налоговедческой экспертизы должен быть предложенный нами *криминалистический метод налогового анализа*. Криминалистический метод налогового анализа направлен на обнаружение способов уклонения от уплаты налогов, совершенных преступником в период формирования структуры процесса налогообложения, которые образуют объект налогообложения, налоговая база, налоговый период, налоговая ставка; налоговая льгота, порядок исчисления налога, порядок и срок уплаты налога.

В перспективе в законодательном порядке необходимо ввести судебно-налоговедческую экспертизу, и вопрос об этом поставлен давно, в частности И.И. Кучеровым⁴.

Таким образом, перед специалистом, обладающим налоговыми знаниями, ставится задача по выявлению искажений структурных элементов налогообложения неуплаченного (или заниженного) нало-

¹ Игнатьев Д.Б. Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 192–194.

² Александров И.В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 226.

³ Воронин М.И. Судебно-налоговая экспертиза как самостоятельный род судебно-экономической экспертизы, назначаемой по уголовным делам о налоговых преступлениях // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3 (8). С. 466–471.

⁴ Кучеров И.И. Налоговые преступления. М., 2000. С. 117; Методические основы экономических экспертиз / под ред. В.Ф. Салтаганова, В.И. Авдийского. М., 2000. С. 7.

га. Результаты налогового исследования должны являться общими необходимыми звеньями в цепи доказательств, в числе иных доказательств, по уголовным делам о налоговых преступлениях.

А.А. Кузнецов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ (СООБЩЕНИЯ) О ПРЕСТУПЛЕНИИ

При поступлении заявления (сообщения) о преступлении предполагается, что следователь по результатам его рассмотрения должен принять одно из следующих решений: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче заявления или сообщения по посредственности или подсудности. Организация взаимодействия следователя с сотрудниками органа дознания на данном этапе должна выстраиваться в зависимости от характера информации, содержащейся в поступившем сообщении о преступлении. Если информация поступает в дежурную часть органов внутренних дел или следователю, работа по раскрытию, расследованию преступления начинается с функционирования следственно-оперативных групп. В тех случаях, когда информация имеет негласный (закрытый) характер, взаимодействие следователя с сотрудником органа дознания осуществляется на основании решения начальника органа внутренних дел (руководителя оперативного подразделения, наделенного таким же правом). Юридическую оценку содержащейся информации о преступлении в таких случаях оперативный сотрудник может дать самостоятельно, однако окончательная оценка собранного материала остается за руководителем следственного подразделения (либо следователем, назначенным для оказания соответствующей правовой помощи). В связи с тем что основная доказательственная база по большинству уголовных дел формируется на этапе проверки сообщения (заявления) о преступлении, первоначальным материалам, собранным в ходе такой проверки, а также результатам оперативно-розыскных мероприятий должно быть уделено особое внимание с позиции законности и обоснованности.

Направления расследования и задачи, решаемые в ходе его проведения, являются приоритетными, поэтому следует говорить не

только об определяющей роли следователя в организации взаимодействия на этапе проверки сообщений о преступлении, но констатировать тот факт, что действия оперативных сотрудников должны быть с ним согласованы. Правовую основу взаимодействия составляют отдельные положения УПК РФ, ст. 12 Федерального закона «О полиции»¹, Приказ МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495 дсп «Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел», инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68². С учетом требований, перечисленных в данных нормативных актах, следственная практика нарабатала определенный порядок организации взаимодействия, основой которого является взаимный обмен информацией о результатах работы. Направление взаимодействия и его форма определяются следователем исходя из сложившейся следственной ситуации. Такие ситуации связаны с объемом информации о лице, совершившем преступление, либо обусловлены материалами, поступившими из оперативных подразделений органа дознания.

Следует подчеркнуть, что и следователь, и сотрудник органа дознания осуществляют проверку материала при поступлении сообщения о преступлении. Однако действовать они должны в пределах своей компетенции. Так, подмена уголовно-процессуальной деятельности оперативно-розыскными мероприятиями недопустима.

¹ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февр.

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС КонсультантПлюс.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДГОТОВКИ И УЧАСТИЯ СТОРОН В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: НАЗРЕВШАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ДАНЬ МОДЕ?

Благодаря усилиям известных ученых-криминалистов Р.С. Белкина, В.К. Гавло, А.Ю. Корчагина, Д.В. Ким и многих других, наука криминалистика расширила свои границы, и в соответствии с паспортом специальности 12.00.12 в ее содержание стали входить не только проблемные вопросы реализации достижений криминалистической науки в практическую деятельность органов осуществляющих предварительное расследование, но и вопросы рассмотрения уголовного дела в суде.

Говоря о рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции, нельзя забывать, что не по всем категориям уголовных дел государственное обвинение в суде поддерживается прокурором. Есть такое понятие, как «уголовные дела частного обвинения», и хотя в Уголовном кодексе закреплено всего три состава, предусматривающих уголовную ответственность по данным делам, по мнению криминологов, именно указанные преступления входят в пятерку самых латентных уголовно наказуемых деяний. И связано это не только с тем, что потерпевшие не подают заявления о совершении в отношении них противоправного деяния, но и с особым порядком рассмотрения таких заявлений.

Учитывая, что простой гражданин не обладает необходимыми юридическими знаниями, для него достаточно сложно разобраться в «премудростях» уголовно-процессуального кодекса, а криминалистические аспекты поддержания частного обвинения вообще остаются за гранью его сознания.

Тем не менее УПК РФ неумолим, и потерпевший должен самостоятельно составить и подать заявление в суд, самостоятельно собрать доказательства, самостоятельно установить лиц, которые могут выступить в качестве свидетелей, непосредственно в ходе судебного следствия определить наиболее рациональный порядок представления доказательств и допроса свидетелей, подготовится к до-

просу обвиняемого и свидетелей, а при необходимости юридически грамотно заявить ходатайство о получении дополнительных доказательств. В то время как лицо, в отношении которого подано заявление и получившее процессуальный статус обвиняемого, приобретает право на защитника в лице профессионального адвоката.

«Профессиональное поле» расследуемого преступления – это особое пространство, на котором противоборствуют сильнейшие профессиональные юристы, и естественно, если частный обвинитель не владеет хотя бы «азами» юриспруденции и тактическими приемами допроса, у него нет никаких шансов выиграть дело у защитника-адвоката.

Кроме того, нельзя забывать об особенности рассмотрения уголовных дел частного обвинения, связанной с возможностью подачи встречного заявления «обвиняемым» в отношении «частного обвинителя» и рассмотрения его вместе с первым. В данном случае весь ход судебного следствия усложняется вдвойне, и частному обвинителю предстоит не только подготовиться к поддержанию обвинения, но и разработать собственную стратегию против предъявляемого ему обвинения.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, назрела острая необходимость ученым-криминалистам обратить свой взор в сторону судебного следствия по уголовным делам частного обвинения, а разработка криминалистических рекомендаций для противоборствующих сторон, участвующих в судебном разбирательстве по делам частного обвинения, имеет не только практическое значение, но и позволит расширить теоретические границы криминалистики и обогатить ее новыми знаниями.

Е. С. Мазур

ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопросы, касающиеся определения понятия и содержания криминалистической характеристики преступлений, установления причинно-следственных и иных связей между ее элементами, не одно десятилетие находятся в центре внимания ученых-криминалистов,

подчеркивая, тем самым, неослабевающее научно-теоретическое и практическое значение данного феномена. Специфика ятрогенных преступлений требует уточнения их криминалистической характеристики, что связано с необходимостью учета ряда факторов, к примеру, корпоративная поддержка между медицинскими работниками¹. В условиях дефицита информации на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений, а также отсутствия у субъектов предварительного расследования соответствующих специальных знаний криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений является фундаментом для их деятельности по расследованию². Применительно к научной деятельности указанных преступлений от содержания понятия «криминалистическая характеристика преступлений» зависят как общая структура методики расследования ятрогенных преступлений, так и содержание конкретных научно обоснованных рекомендаций по их успешному выявлению, расследованию и раскрытию.

На наш взгляд, наиболее удачное определение криминалистической характеристики ятрогенных преступлений было предложено М.В. Тузлуковой, по мнению которой, криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений – это разработанная на основе изучения оперативно-розыскной, судебно-следственной и экспертной практики информационная система типичных признаков, особенностей обстановки, способов, следов, мотивов совершения обозначенного вида преступлений, личности преступника, потерпевшего, а также иных элементов, взаимодействующих между собой, обеспечивающая наиболее эффективное выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступной деятельности лиц, совершающих данные преступления³.

Представленное определение является достаточно полным, в нем показаны сущность и назначение криминалистической характери-

¹ Амиров Р.Г. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи. URL: <http://naukarus.com/kriminalisticheskaya-harakteristika-prestupleniy-svyazannyh-s-prichineniyemtyazhkogo-vreda-zdorovyu-vsledstvie-nenadlezha>.

² Мазур Е.С. Проблемы расследования ятрогенных преступлений и пути их решения // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул, 2018. С. 54.

³ Тузлукова М.В. Использование специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 29–54.

стики преступлений, источники формирования, перечислены основные элементы, подчеркнуто значение их взаимосвязи между собой. В то же время автор данного определения, упоминая в нем экспертную практику, на наш взгляд, необоснованно отказывается от акцентирования внимания на том, что речь идет об использовании специальных медицинских знаний. Отказ от их обозначения в качестве самостоятельного источника формирования криминалистической характеристики ятрогенных преступлений сводит на нет специфику класса судебно-медицинских экспертиз. Возможности судебно-медицинских экспертных исследований ограничены, но именно благодаря им могут быть установлены обстоятельства, указывающие на признаки ятрогении, к примеру, оставленный в брюшной полости тампон во время оперативного вмешательства¹.

Соглашаясь с базовым положением о том, что криминалистическая характеристика является неотъемлемой частью методик расследования отдельных видов преступлений, необходимо выделить проблемные вопросы, касающиеся не только понятия криминалистической характеристики, но и ее содержания. На наш взгляд, представляется целесообразным уточнить перечень элементов криминалистической характеристики, принимая во внимание содержание понятия «ятрогения» и связанную с этим специфику механизма ятрогенных преступлений.

О.С. Мигунов

АНАЛИЗ АККАУНТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СУИЦИДЕНТА КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

В статье 20 Конституции РФ нашло свое отражение право человека на жизнь, а на Уголовный кодекс РФ возложена защита данного права. Так, одним из способов реагирования государства на проти-

¹ Мазур Е.С., Иванов И.В. О возможных ошибках в экспертных заключениях // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 164. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000491430>

воправное поведение, посягающее на жизнь, является ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». В первой части указанной статьи отражены способы совершения данного преступления: путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего¹.

Одной из задач расследования доведения до самоубийства является установление взаимосвязи потерпевшего с виновным и совершения последним противоправных действий. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что действия виновного могут быть выражены только тремя вышеуказанными способами и реализовываться как путем применения физического насилия, так и психического воздействия.

С целью выявления вышеуказанного признака совершенного преступления следователь на этапе сбора информации о потерпевшем получает ответы на вопросы: наблюдалось ли ранее суицидальное поведение и в течение какого времени. Были ли ранее попытки суицида? В каких взаимоотношениях находились потерпевший и виновное лицо? Были ли случаи физического насилия или психического воздействия на потерпевшего со стороны виновного лица?

Одним из способов получения информации, необходимой для ответа на эти вопросы, является анализ аккаунтов, страниц в социальных сетях и личных сайтов потерпевшего. В век информационных технологий абсолютно у всех есть мобильный телефон. При этом в почти у каждого человека в социальных сетях имеется свой аккаунт – личная учетная запись. Таким образом, при сборе информации следователь проверяет мобильный телефон потерпевшего, в том числе и аккаунт в социальных сетях.

Путем ведения постов, по фотографиям, по интересу к различным сообществам граждане себя показывают, открывают миру свои идеи и желания. Так и потенциальный суицидент пытается довести до окружения свои мысли, рассказать о проблеме. Ведь совершение самоубийства – не спонтанное явление. Потенциального самоубийцу можно выявить задолго до его попытки покончить с собой. На это указывает возрастание числа публикаций предсмертных записок в социальных сетях. Важно выяснить соответствие содержания предсмертной записки с действительным состоянием лица в жизни.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>

Из всей собранной информации делается вывод о характере суицидента (замкнутость во взаимоотношениях с окружающими или общительность; взаимопомощь и доброжелательность; стремление к подавлению и угнетению, а также рассматривается справедливость понесенных наказаний и угроз; интимная сторона жизни; оправданность переводов по службе; успехи или проблемы в учебе; взаимоотношения в семье; удовлетворенность работой, занятиями спортом) и его психологическом типе.

Таким образом, видно, что в настоящее время анализ аккаунтов социальных сетей потерпевшего по делам о доведении до самоубийства является немаловажным источником получения информации для полного и всестороннего расследования уголовного дела.

Д.А. Михалева

К ВОПРОСУ ОБ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТАМ ИСТЯЗАНИЯ

Для доказывания факта истязания и, в частности, таких его признаков, как время, место, способ, орудие совершения преступления, важное значение имеет производство осмотра места происшествия. При осмотре места происшествия, как правило, собираются основные материальные следы преступления. Это следственное действие является одним из наиболее информативных по рассматриваемым преступлениям.

Систематическое физическое насилие зачастую сопровождается поломкой мебели, выбиванием окон, дверей и т.п. Поэтому при подготовке к осмотру должны предприниматься меры к сохранению следов до прибытия следственно-оперативной группы.

Объектами осмотра по делам об истязаниях являются: непосредственно место, где происходило насилие; помещения или участки местности, где преступник мог скрыть орудия преступления; сами орудия, посредством которых осуществлялось физическое насилие; предметы мебели, одежда потерпевшего, поврежденная преступником, и т.п. Так, З., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в квартире, реализуя свой умысел, направленный на истязание, взяла ремень из кожаного ремня и, применяя насилие, нанесла им не менее 10 ударов по голове, шее, плечу своему сыну З. В результате осмот-

ра места происшествия ремень был изъят и приобщен к уголовному делу в качестве вещественного доказательства¹.

Все обнаруженное должно быть исследовано вследствие того, что их владельцем мог быть преступник (что особо важно, если лицо, совершившее истязание, не установлено).

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что в качестве орудий совершения преступления чаще всего выступают: предметы бытового назначения (как тупые, так и колющие: молотки, отвертки, кастрюли, бутылки, вилки, ножи и т.д.); мебель и ее части (стулья, табуреты, ножки от стульев, столов и т.п.); предметы термического и химического воздействия (окурки сигарет, утюги, емкости из-под спиртосодержащих и иных жидкостей и т.п.). Так, С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в своем доме нанес сыну один удар тростью по голове. Через несколько дней при похожих обстоятельствах нанес ему один удар кочергой по телу, причинив тем самым несовершеннолетнему сильную физическую боль и психические страдания².

Изъятые на месте происшествия следы и орудия преступления несут большую доказательственную информацию, позволяющую изблечить виновного (виновных), поэтому к изъятию данных предметов необходимо привлекать специалистов, экспертов-криминалистов. С целью скорейшего получения заключения специалиста направлять на исследование изъятые объекты необходимо в кратчайший срок, по возможности – в течение дежурных суток.

Таким образом, в ходе осмотра места происшествия по фактам истязания возможно выяснить следующие вопросы: что именно произошло; кто является потерпевшим; что является орудием преступления; каким способом совершено преступление; кто совершил преступление. Ответы на одни вопросы могут быть вероятными, на другие – более точными, например, о способе истязания.

Полагаем, информация о преступном событии, без учета результатов осмотра места происшествия, менее содержательна. Поэтому проведение этого следственного действия по каждому отдельному эпизоду преступной деятельности является обязательным.

¹ Приговор Верхнекамского районного суда Кировской области // Дело №1-100/2017 (1170233000038640).

² Приговор Киселевского городского суда Кемеровской области от 22.12.2017 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «ПОЧЕРКОВЕДЕНИЕ»

Изучение темы «Почерковедение» в криминалистике строится на двух составляющих: теоретические положения в области письма в целом и почерка в частности и практика применения данных основ при проведении сравнительного исследования и судебной экспертизы. На каждом из этих этапов студенты юридических вузов сталкиваются со сложностями в усвоении материала. В нашей статье подробно рассмотрим основные проблемы и пути их преодоления в области изучения теоретических основ.

Теоретические положения темы «Почерковедение» студенты начинают познавать с понятия и основ формирования письменно-двигательного функционально-динамического комплекса (ФДК). Спецификой этой системы можно считать тот факт, что понятие «письмо» (в широком смысле слова) является общей базой как для почерковедения, так и автороведения. В связи с этим необходимо обратить внимание обучаемых не только на единство ФДК, но и на различия таких важных для криминалистики категорий, как «исполнитель» и «автор». Многие студенты, не разграничивая указанные понятия на начальном этапе, в дальнейшем испытывают трудности в наименовании и перечислении признаков почерка и письменной речи. Потом им сложно увидеть различия в методике проведения почерковедческой и автороведческой экспертиз. Тем самым, к изучению свойств и признаков почерка можно приступить, лишь четко разграничивая почерк и письменную речь.

Познавая признаки почерка, каждый студент неизбежно сталкивается с их классификацией. На сегодняшний день в криминалистической литературе можно встретить подразделение идентификационных признаков почерка на две (общие и частные) и три (топографические, общие и частные) группы. Исследование только общих и частных признаков принято в экспертной практике¹ и поэтому считается более целесообразным. Выделение в качестве самостоятельной третьей группы – топографических признаков – было распро-

¹ См., например: Кошманов П.М., Кошманов М.П. Признаки почерка в экспертно-криминалистическом исследовании: учеб. пособие. Волгоград, 2004.

странено среди ученых-криминалистов в середине XX в., еще до формирования основ почерковедческой экспертизы. В учебной литературе последних лет деление идентификационных признаков почерка на три группы встречается редко (в основном в переизданных советских источниках¹), поскольку к концу XX в. произошло переосмысление теоретических основ почерковедения, их базирование на экспертной практике. Тем не менее при изучении классификации признаков почерка обучаемые часто пользуются литературой прошлого периода, не имеют представления об истории развития теоретических основ в этой области, поэтому зачастую путаются в группах признаков почерка. Преподавателю при этом следует обратить внимание на исторические причины появления двух классификаций.

Помимо этого, необходимо пояснить, что существуют различия в алгоритмах решения идентификационных и диагностических почерковедческих задач. Последние признаются в качестве отдельного вида исследований, но зачастую, ввиду недостаточной разработанности тематики, идентификационные признаки приравниваются к диагностическим. Хотя правильнее было бы считать, что признаки почерка могут нести в себе как идентификационную, так и диагностическую нагрузку². Тем самым, исходя из необходимости решения поставленных задач, один и тот же признак может быть в одном случае идентификационным, а в другом – диагностическим.

Таким образом, только преодолев проблемы в изучении теоретических основ почерковедения, можно приступать к изучению деятельности специалиста и эксперта.

¹ См., например: Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учеб. пособие. М., 2005. С. 156; Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. М., 2007. С. 120–121.

² Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Вып. 1: метод. пособие для экспертов, следователей, судей) / под общ. ред. В.Ф. Орловой. М., 1988. С. 26.

МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

При расследовании преступлений террористического характера в условиях проведения контртеррористической операции (КТО) определяющее значение имеет изучение элементов криминалистической характеристики преступлений. В числе наиболее значимых элементов криминалистической характеристики преступлений важное место принадлежит механизму следообразования.

Вопросами, связанными с механизмом следообразования, ранее уже занимались такие ученые, как: Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, И.Ф. Герасимов, В.Д. Грабовский, А.А. Закатов, А.Н. Колесниченко и др.

По своему составу характер преступлений террористического характера неоднороден. В зависимости от вида преступной деятельности образование как материальных, так и идеальных следов проявляется по-разному. Однако особенностью изучения данного элемента криминалистической характеристики преступлений является то обстоятельство, что следователь действует в условиях правового режима КТО, который создает особенности производства следственных и иных процессуальных действий.

Основной объем информации о механизме следообразования рассматриваемой категории преступлений устанавливается по результатам осмотров. Их анализ позволяет определить как источники механизма следообразования, так и дальнейший алгоритм работы следователя, направленный на последующие обнаружение, фиксацию и изъятие материальных следов преступления.

Характерными следами при совершении преступления террористического характера являются: следы применения и использования огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств; следы на теле потерпевшего и преступника; электронные, бумажные и иные носители информации (фото, видео-, аудиозаписи, письма,

записки, экстремистская литература, схемы, карты и т.д.); следы рук; следы обуви; микрообъекты; биологические объекты и др.

Кроме того, механизм следообразования может устанавливаться при изучении других элементов криминалистической характеристики преступлений, таких как: обстановка совершения преступления, способ совершения преступления, личность преступника и потерпевшего, орудие и средства совершения преступления.

Знание особенностей механизма следообразования позволяет устанавливать типичные места оставления следов, что, в свою очередь, положительно сказывается на процессе раскрытия и расследования преступлений террористического характера в условиях правового режима контртеррористической операции.

В.В. Овсянников

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА, ИЗМЕНЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ КОСМЕТИЧЕСКИХ И ХИРУРГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

О возможности изменить внешность с помощью хирургического вмешательства известно с давних времен (первые процедуры пластической хирургии проводились еще в Древней Индии и Древнем Египте).

Пластическая и реконструктивная хирургия – это область хирургии, разрабатывающая оперативные методы лечения больных с дефектами тканей, деформациями и нарушениями функции различных частей тела¹.

На современном этапе развития данный вид хирургии имеет практически безграничные возможности изменения внешнего облика: позволяет удалить последствия ряда заболеваний, произвести пересадку волос, удалить складки и морщины кожи лба, век, щек, шейных складок, рук и живота, исправить форму и степень оттопыренности ушных раковин, их размеры, изменить форму и степень

¹ Белоусов А.Е. Пластическая, реконструктивная и эстетическая хирургия. СПб.: Гиппократ, 1998. 744 с.

раскрытия глазной щели, удалить (скорректировать) эпикантус, изменить длину ротовой щели, ширину и контур каймы губ, устранить дефекты верхней и нижней губ, положение уголков рта, изменить форму скул, подбородка. При этом успешно проводятся пластические операции по полной трансплантации лица¹.

В условиях заранее планируемых, готовящихся преступлений, ввиду достаточной осведомленности о деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, возрастает уровень оказываемого преступниками противодействия с целью избежания уголовной ответственности, в том числе путем изменения внешнего облика посредством хирургических операций. Подобные факторы рождают острую потребность практики в совершенствовании имеющихся и разработке новых криминалистических методов и средств установления личности, в первую очередь с использованием криминалистически значимой информации о внешнем облике человека.

Рассматривая проблемы криминалистического исследования внешнего облика человека, при идентификации лиц с измененными признаками внешности посредством косметических и хирургических операций необходимо отметить, что на данный момент отсутствуют практические рекомендации о возможности и эффективности использования существующих методов исследования в рамках производства судебно-портретной экспертизы, в частности, требует существенного пересмотра вероятностно-статистический метод, предложенный и разработанный З.И. Кирсановым. Метод основан на применении заранее вычисленных вероятностей встречаемости определенных, сведенных в специальные перечни и таблицы вариантов признаков внешности².

Однако с его помощью возможно исследовать лишь определенный перечень вариантов признаков лица, для которых заранее вычислена частота встречаемости (всего не более 170). Метод не может быть применен для исследования остальных (не обчисленных) вариантов признаков, в том числе различных особенностей внешности.

¹ Все о пластике. Человек стремя лицами: француз перенес 2 лицевых трансплантации. URL: <http://vseoplastike.ru/articles/detail/373364> (дата обращения: 20.01.2019).

² Зинин А.М., Кирсанова Л.З. Криминалистическая фотопортретная экспертиза. М., 1991. 88 с.

Таким образом, учитывая современные возможности пластической и реконструктивной хирургии, актуальной, на наш взгляд, является необходимость разработки методики выявления и исследования признаков изменения внешнего облика человека посредством хирургических операций, обусловленная потребностями розыскной, следственной и экспертной практик.

В.В. Остробородов

О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТРУПА

Судебно-медицинская экспертиза – это регламентированное законом исследование конкретных объектов. Судебно-медицинская экспертиза помогает получить важную информацию, которая служит доказательством при раскрытии и расследовании преступлений, направленных против жизни и здоровья человека. Порядок организации и производства судебно-медицинской экспертизы регламентирован Приказом Минздравсоцразвития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н¹.

Одним из видов судебно-медицинской экспертизы является судебно-медицинская экспертиза трупа, которая назначается по делам о преступлениях – направленных против жизни человека, и отличается определенной спецификой. В рамках данной статьи хотелось бы сказать о некоторых недостатках, которые встретились нам при изучении материалов практики, в частности постановлений о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа.

При анализе материалов нами условно выделены две группы недостатков:

- недостатки описательной части постановления;
- недостатки резолютивной части постановления.

В первом случае нами установлено, что обстоятельства происшедшего (причинения повреждений) не всегда описаны подробно. Ча-

¹ «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

сто описание ограничивается следующими фразами: «Гражданин Н. умышленно причинил тяжкий вред здоровью гражданину М.», «Гражданин К. умышленно причинил проникающие повреждения гражданину С.» и т.д. В этом случае важно помнить, что постановление о назначении судебной экспертизы нередко является для эксперта единственным источником обстоятельств происшествия.

Во втором случае мы хотели бы коснуться вопросов, которые органы предварительного следствия ставят на разрешение судебно-медицинской экспертизы. В этой части, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на ряд моментов:

– постановка вопросов, которые не входят в компетенцию судебно-медицинского эксперта: например, «возможно ли причинение повреждений в результате борьбы и самообороны?». Поскольку отсутствуют критерии, эксперт не может точно ответить на этот вопрос и говорит о том, что этот вопрос не корректен, либо не входит в компетенцию эксперта;

– вопросы, которые не соответствуют обстоятельствам совершения преступления, и, следовательно, повреждениям, обнаруженным на одежде и теле потерпевшего. Так, например, обнаружены входные и выходные огнестрельные повреждения, а формулировка вопроса излагается в следующей редакции: «Могли ли обнаруженные повреждения сформироваться при падении с высоты собственного роста?»;

– отсутствие дополнительных вопросов, которые входят в компетенцию эксперта. Такой недостаток, как правило, встречается при повреждениях, причиненных острыми предметами и выстрелами из огнестрельного оружия. В случаях причинения повреждений острыми предметами отсутствуют такие вопросы, как «каковы конструктивные особенности травмирующего объекта?», «какова длина раневого канала?» и т.д.; в случаях огнестрельных повреждений часто нет вопросов, касающихся дистанции выстрела, его направления и т.д. Решение подобных вопросов помогает высказаться о характере травмирующего предмета, а также нередко реконструировать обстоятельства причинения повреждений.

Таким образом, полное описание выявленных обстоятельств происшествия, грамотная формулировка вопросов помогают установлению истинной картины причинения повреждений и совершения преступления.

ПРОЦЕССЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Информационные технологии в настоящее время являются наиболее динамично развивающейся отраслью не только в мире, но и в России. Одним из негативных последствий процесса информатизации общества является рост компьютерной преступности, и при этом возрастает сложность совершения преступлений. В данной статье описываются современные процессы использования информационных следов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации.

Под информационными следами в данном случае подразумеваются данные о совершении действий в информационном пространстве с помощью технических средств и систем. В узком понимании в данной работе имеются в виду виртуальные или кибернетические (компьютерные) следы. Исходя из этого, можно выделить следующие виды таких следов:

1. Сетевые следы – данные, сохраненные провайдером (следы о связи, IP-адреса, лог-файлы, скорость данных, протоколы).
2. Локальные следы – следы, которые остаются на техническом компьютерном устройстве (файлы, реестры и др.).

Помимо прочего, можно также выделить так называемые сокрытые или неявные следы: анонимайзеры (средства анонимизации в сети), VPN, Tor, DarkNet (скрытая сеть DarkWeb), выявление следов сетевых скриптов.

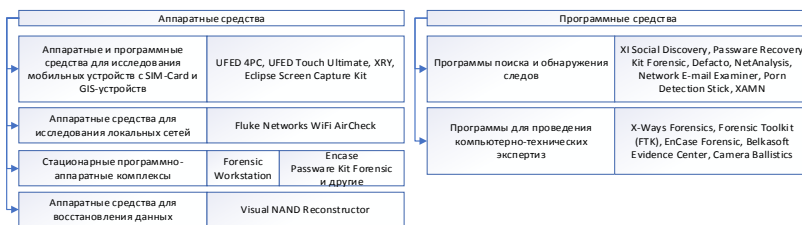
Для раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации используются различные методы в зависимости от типа выявленных информационных следов¹. Среди методов выявления незаконных действий в киберпространстве стоит выделить: перехват и исследование трафика (анализ сетевого трафика); исследование статистики

¹ Островский О.А. Криминалистический анализ, описывающий состояние детерминированного конечного автомата в модели наблюдателя при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 294–296.

трафика (данные с маршрутизаторов и других коммуникационных устройств¹), логов веб-сервера, системных логов; установка принадлежности и расположение IP-адреса; кейлогер-анализ (клавиатурный почерк: скорость ввода, динамика ввода, частота ошибок при вводе, движение «мыши»)².

В задачах исследования информационных следов зачастую используют специализированные переносные лаборатории³, к примеру «RM3» (мультиинтерфейсное средство извлечения и анализа данных в условиях выезда на место расследования).

Классификация современных научно-технических средств для расследования преступлений в сфере компьютерной информации через процессы применения информационных следов представлена ниже:

Таким образом, можно сделать вывод, что расследование преступлений с помощью цифровой криминалистики, а в частности за счет исследования информационных следов, возможно только с использованием специальных знаний и научно-технических средств.

¹ Островский О.А. Алгоритм мероприятий по анализу ситуации при подозрении в совершении преступлений в сфере компьютерной информации с учетом специфики источников данных этой информации // Право и политика. 2018. № 10. С. 32–37.

² Островский О.А. Дефиниционный анализ корреляционной зависимости информационной модели и криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7 (110). С. 221–225.

³ Островский О.А. Принцип объектной декомпозиции в систематизации идентификационных кодов, характеризующих преступления в сфере компьютерной информации // Полицейская деятельность. 2017. № 3. С. 10–18.

В.Е. Серова

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ
УСТАНОВЛЕНИЮ ПО ДЕЛУ
ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ В СФЕРЕ
ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА,
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОКУРОРА**

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Достижение названной цели возможно при условии всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, которое невозможно без правильного и полного определения круга обстоятельств, подлежащих установлению в ходе расследования.

Вопрос определения данного понятия неоднократно становился предметом научных исследований. Мы разделяем точку зрения, согласно которой предмет доказывания в уголовном судопроизводстве – это совокупность юридически значимых фактических обстоятельств, которые необходимо установить для надлежащего разрешения любого уголовного дела или принятия процессуальных решений по отдельным правовым вопросам в процессе разрешения дела¹.

В общем виде перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен в ст. 73 УПК РФ. Конкретизируя его применительно к управленческим преступлениям в сфере оборонно-промышленного комплекса (ОПК), полагаем уместным назвать следующие обстоятельства: субъект посягательства, его должностное положение, характер деятельности, круг прав и фактически выполняемых обязанностей, характеристика личности; способ преступления, в чем кон-

¹ Алексеев С.Л., Бахарев В.М. Обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном судопроизводстве // Вестник научных трудов «Юристъ» по материалам заседания I Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции / под ред. И.Ш. Мухаметзянова, С.Л. Алексеева, Р.Н. Шайдуллина. 2017. № 6. С. 227–234.

кретно заключались противоправные действия (бездействие) лица, наделенного управленческими функциями, их характер, содержание, действовал ли при этом субъект в пределах своих полномочий или превысил их; время, место противоправных действий (бездействия); связь действий (бездействия) субъекта с использованием служебного положения вопреки интересам службы, в том числе не совершал ли он незаконные действия с использованием своего служебного положения; последствия, наступившие в результате противоправных действий (бездействия) субъекта; причинная связь между действиями (бездействием) лица и наступившими вредными последствиями; наличие и форма вины субъекта, мотив и цели преступления, были ли действия (бездействие) виновного лица совершены из корыстной или иной личной заинтересованности; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности лица; связь должностных злоупотреблений с преступлениями в сфере экономики, взяточничеством и т.д.; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Принимая решение об утверждении обвинительного заключения по делу, прокурор должен проверить, все ли названные обстоятельства установлены в ходе расследования (иначе говоря, обеспечена ли всесторонность расследования), насколько полно и объективно исследовано каждое из них, не допущены ли следователем ошибки при формировании доказательственной базы. Только в этом случае решение об утверждении обвинительного заключения или направлении дела на дополнительное расследование будет законным и обоснованным.

А.С. Скоревич

ИСТОРИЯ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В истории криминалистического изучения личности преступника в рамках системно-структурного анализа личность рассматривается в двух аспектах: системном (целостное единство) и структурном (составные подсистемы)¹.

¹ Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М.: ЛексЭст, 2002. С. 17; Романов В.В. Юридическая психология. М.: Юрист, 2000. С. 166.

Системный аспект закладывает общетеоретическую основу криминалистического исследования личности. Структурный аспект используется при реализации прикладных задач. Для изучения личности преступника в целях разработки тактико-криминалистического обеспечения расследования преступления более применим структурный подход, позволяющий «направлять усилия на получение конкретных данных»¹.

Структурный аспект в изучении личности преступника составляют следующие направления: структурно-психофизиологическое, структурно-поведенческое, структурно-личностное.

Элементом психологической подсистемы личности, рассматриваемым структурно-психофизиологическим направлением, выступают психические процессы, не подчиняющиеся волевому контролю. Усиленный самоконтроль вызывает дестабилизацию, наблюдаемую в физиологических реакциях. В рамках указанного подхода разработаны методика психофизиологического исследования с применением полиграфа и методика выявления скрываемых обстоятельств².

Структурно-поведенческое направление рассматривает типовые модели деятельности, базирующиеся на принципе динамического стереотипа. На основе стереотипа деятельности было сформировано криминалистическое учение о навыках³. На навыке письма базируются методики диагностического почерковедения⁴. Навыки, отражаемые в способе совершения преступления, составляют основу методики психопрофилирования⁵.

Структурно-личностное направление рассматривает психологические образования, детерминирующие деятельность. В качестве

¹ Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1. С. 84.

² Фионов Л.Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 99 с.

³ Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. М.: Высшая школа МВД, 1968. 119 с.; Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления. М.: Высшая школа МВД, 1970. 45 с.

⁴ Симакова Е.С. Отражение в почерке психологических свойств и состояний личности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 204 с.; Петрова С.И. Теоретические и методические основы диагностирования психологических свойств исполнителя рукописи по почерку при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 208 с.

⁵ Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А., Юань В.Л. Полнструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 197–203.

таковых могут выступать мотивация¹ или² психотип. Достижением данного направления является установление существенных свойств личности, имеющих поисково-познавательное значение.

Таким образом, структурный подход к изучению личности преступника характеризуется прикладной ориентированностью. Направленный избирательный анализ способствует формулированию конкретных выводов. Благодаря формализации структурных элементов личности преступника в измеряемые показатели возможна математическая обработка эмпирических данных. Оформление в виде методик позволяет алгоритмизировать изучение отдельных структурных элементов личности преступника.

Адаптация методик в формат, применимый работниками правоохранительных органов, обеспечила бы внедрение криминалистических рекомендаций в практику расследования преступлений.

А.Г. Сотников

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВЕРШЕНИЮ НЕЗАКОННЫХ ВАЛЮТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Реализация Банком России и Федеральной службой по финансовому мониторингу комплекса контрольно-надзорных мероприятий по отслеживанию финансовой активности клиентов кредитных организаций привела к многократному уменьшению незаконного вывода денежных средств за рубеж. Вместе с тем фактически не снижающийся спрос на нелегальные переводы в иностранной валюте и имеющиеся в банковском законодательстве лазейки обуславливают высокий интерес преступных элементов к данной сфере. Способствует этому и либерализация требований валютного контроля.

В частности, Банком России отменено требование об оформлении паспортов сделок и справок о валютных операциях (в уполномочен-

¹ Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 188 с.

² Ахмедшин Р.Л. Адаптация в криминалистике акцентуированной типологии личности // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов криминалист. чтений. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. С. 17–19.

ный банк сообщается лишь код вида операции), до 200 тыс. рублей повышен размер договорных обязательств, требующих представления подтверждающих документов (ранее 1 тыс. долларов США)¹. Кроме того, увеличено значение суммы обязательств, при котором необходима постанова на учет по внешнеторговым экспортным контрактам, до 6 млн рублей (ранее 50 тыс. долларов США)². В связи с этим одним из способов незаконного вывода валюты за рубеж является осуществление трансакций на суммы, не превышающие пороговое значение и обеспечивающие отсутствие валютного контроля. Указанные ограничения распространяются на резидентов – юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, физических лиц, осуществляющих валютные операции по договорам займа. В отношении физических лиц ограничен лишь размер переводов в иностранной валюте без открытия счета (5 000 долларов США в течение одного операционного дня)³.

Возможные способы «обхода» действующего законодательства объясняют высокую латентность преступлений, связанных с совершением незаконных валютных операций, а отсутствие реального механизма взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов – проблемы уголовного преследования виновных лиц и возмещения ущерба. Так, задокументированная противоправная деятельность по выводу денежных средств за границу имеет окончательный состав, однако поскольку нерезиденты, получив средства, прекращают деятельность либо осуществляют трансакции с иностранными организациями, их возврат невозможен. Это требует выстраивания взаимодействия с контрольно-надзорными структурами других государств.

¹ Инструкция Банка России от 04.06.2012 года № 138-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации, связанных с проведением валютных операций, порядке оформления паспортов сделок, а также порядке учета уполномоченными банками валютных операций и контроля за их проведением» // Вестник Банка России. 17.08.2012. № 48–49.

² Инструкция Банка России «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» от 16.08.2017 № 181-И // Вестник Банка России. 16.11.2017. № 96-97.

³ Указание Центрального банка Российской Федерации от 30.03.2004 года № 1412-У «Об установлении суммы перевода физическим лицом – резидентом из Российской Федерации без открытия банков счетов» // Вестник Банка России. 14.04.2004. № 22.

Пресечению вывода капиталов способствовало бы получение упреждающей информации из кредитных организаций, ЦБ России.

Также требуется организация взаимодействия в части предоставления сведений о фирмах-однодневках и открытых на них валютных счетах, так как после совершения незаконных валютных операций составляются фиктивные дополнительные соглашения, производятся якобы взаиморасчеты, проверка которых носит формальный характер.

И.С. Фоминых

МАКЕТ КАК ДИДАКТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

К дидактическим средствам в самом широком их понимании относят все элементы учебной среды, которые педагог сознательно использует для целенаправленного учебно-воспитательного процесса, для более плодотворного взаимодействия со студентами¹. Из всего многообразия таких средств, используемых при изучении криминалистики, хотелось бы обратить внимание на макеты – геометрически подобные модели² различных объектов, встречающихся в криминалистической практике.

Перечень потенциальных объектов макетирования при изучении криминалистики достаточно широк³, однако в данной статье внимание будет уделено исключительно макетам участков местности. Дидактическая ценность таких макетов состоит в том, что они могут быть использованы на практических занятиях как по разделам криминалистической техники, так и следственной тактики, являясь основой для решения ряда учебных задач:

1. Составление планов местности (ориентирующих, обзорных, узловых и детальных), включая полноценную работу с компасом при определении магнитного азимута.

2. Привязка различных следов к местности и измерение их размерных характеристик (следы ног, транспортных средств и пр.).

¹ Пионова Р.С. Педагогика высшей школы: учеб. пособие. Минск: Университетское, 2002. С. 114.

² Волчеккая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учеб. пособие. Калининград, 1997. С. 114.

³ Имеются в виду макеты оружия, запорных устройств, следов взлома и т.п.

3. Определение места производства выстрела путем визирования и расчетно-графического метода.

4. Решение задач тактического характера (определение границ осмотра места происшествия, выбор способа осмотра и так далее).

Ниже перечислены некоторые требования к криминалистическим макетам, которые, на взгляд автора, значительно повышают их эффективность как дидактического средства.

1. Максимально возможная реалистичность исполнения макета. Это, казалось бы, совершенно необязательное требование значительно повышает интерес студентов к выполнению предложенного задания.

2. Макеты обязательно должны быть выполнены с соблюдением масштаба¹. Это дает прекрасную возможность практиковаться в измерениях с использованием точных измерительных приборов (например, штангенциркуля), а также совершенствовать навыки работы с масштабом как таковым. В качестве примера можно привести макет участка местности со следами разворота транспортного средства, предполагающий проведение измерений его базы и колеи.

3. Макеты желательно выполнять в модульном варианте. Под модульностью в данном случае понимается выполнение максимально возможного количества значимых объектов² макета в съемном варианте. На самом макете должны быть предусмотрено несколько мест для установки одного и того же объекта, что, при необходимости, позволяет достаточно кардинально менять условия обстановки, создавая их многовариантность. Такой подход позволяет не только варьировать местоположение имеющихся объектов, но и без проблем добавлять на макет новые.

¹ Численный и линейный масштабы обозначаются на самом макете в соответствии с существующими стандартами.

² Например, отдельно стоящие здания, ограждения, деревья, транспортные средства и т.п.

О ЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время одной из проблем в деятельности экспертно-криминалистических подразделений является низкая эффективность работы по обнаружению, изъятию и направлению на ольфакторное исследование объектов – носителей запаховых следов человека.

По статистическим данным экспертно-криминалистических подразделений в 12 экспертных ольфакторных лабораториях, из более чем 8 тысяч объектов вероятных носителей запаховых следов человека только 30% поступили на экспертное исследование.

Негативная динамика деятельности по этому направлению обусловлена рядом причин, среди которых имеется ошибочное представление о замене запаховых следов человека ДНК-анализом, однако два этих метода позволяют реализовать комплексный подход к работе с биологическими следами.

Так, судебная экспертиза запаховых следов человека служит для установления запаховых следов проверяемого лица на предметах, обнаруженных на месте происшествия¹:

– установления запаховых следов одного и того же человека на предметах, изъятых с разных мест происшествий;

– установления участников преступления и обстоятельств, связанных с образованием запаховых следов; установления запаховых следов потерпевшего на предметах, изъятых у преступника или иных лиц.

Источниками индивидуального запаха человека являются компоненты его крови. Объекты, на которых имеется сухая кровь, а также волосы, способны сохранить запаховые следы человека более пятнадцати лет². Такие объекты, как одежда, обувь, головные уборы, аксессуары в зависимости от условий их хранения удерживают запаховые следы человека до года.

¹ Старовойтов В.И. Судебная ольфакторная экспертиза следов пахнущих веществ из крови и пота человека // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 71.

² Булатецкий С.В., Куфтерин А.Н., Рудавин А.А. Некоторые аспекты криминалистической одорологии запаховых следов человека // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3, № 10 (51). С. 105–106.

Менее пригодными для исследования являются запаховые следы, образовавшиеся при недолгом контакте человека с предметами или одномоментным касанием (например, с кнопкой звонка и т.д.)¹, однако практике известны случаи изъятия данных следов со спичек, с помощью которых был инициирован поджог, с дальнейшим проведением идентификационного исследования.

Запаховые следы лучше сохраняются на холоде, в тени, в закрытых помещениях, на пористых и шероховатых поверхностях. Промедление со сбором и направлением на исследование объектов существенно снижает сроки сохранения на них запаховых следов, поэтому выявление объектов-следоносителей и сбор с них запаховых проб производят сразу после фиксации обстановки места происшествия. Предметы, по возможности, нужно изымать целиком вместе с предметами-носителями и сразу же направлять на исследование в экспертно-криминалистическое подразделение. Предметы упаковываются в алюминиевую фольгу, затем в бумагу, во всех случаях каждый предмет отдельно. Если не удастся изъять объект полностью, то он обортывается лоскутами чистой байковой ткани, тщательно обжимается для обеспечения плотного контакта с объектом-следоносителем не менее одного часа, затем помещается в фольгу и бумагу.

Таким образом, одним из перспективных и активно развивающихся направлений в улучшении раскрываемости преступлений и повышения качества расследования являются запаховые следы человека, которые всегда остаются на предметах, с которыми контактировал человек, и должен исследоваться в ольфакторных экспертных лабораториях.

К.А. Шилов

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ФСИН РОССИИ

В целях совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) и осуществления мер

¹ Федоров Г.В. Одорология: запаховые следы в криминалистике. Минск: Амалфея, 2000. С. 75.

по дальнейшему реформированию уголовно-исполнительной системы (УИС) Указом Президента Российской Федерации¹ в центральном аппарате ФСИН России введена должность начальника управления собственной безопасности.

В соответствии с приказом директора ФСИН России² в ФСИН России образовано Управление собственной безопасности.

Приказом ФСИН России от 02.03.2010 № 72 «О внесении изменений в штатные расписания территориальных органов ФСИН» во всех территориальных органах ФСИН России созданы подразделения собственной безопасности (ПСБ), на которые возложены следующие основные задачи:

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

– обеспечение государственной защиты работников УИС и федеральных государственных гражданских служащих ФСИН России, а также членов их семей.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на принятие осенью 2017 г. ведомственного нормативного акта, регламентирующего оперативно-служебную деятельность подразделений собственной безопасности ФСИН России, на наш взгляд, остался не в полной мере разрешенным ряд принципиальных вопросов деятельности ПСБ ФСИН России:

1. Оперативно-служебная деятельность ПСБ территориального органа ФСИН России, включая осуществление делопроизводства (как секретного, так и несекретного), должна быть полностью автономна, не зависеть от организационных особенностей секретариата

¹ Указ Президента РФ от 3 октября 2016 года № 519 «О некоторых вопросах Федеральной службы исполнения наказаний».

² Приказ ФСИН России от 6 ноября 2009 года № 440 «Об организационных вопросах Федеральной службы исполнения наказаний».

территориального органа ФСИН России (в настоящее время бóльшая часть документооборота ПСБ территориального органа ФСИН России производится через подразделения делопроизводства территориального органа ФСИН России, что, на наш взгляд, не всегда отвечает требованиям соблюдения режима секретности и принципа конспирации как одного из основополагающих отраслевых принципов оперативно-розыскной деятельности);

2. Подчинение ПСБ территориальных органов ФСИН России непосредственно директору ФСИН России (в настоящее время подчинение происходит начальнику территориального органа ФСИН России, что во многом затрудняет и усложняет оперативно-служебную деятельность ПСБ).

В заключение отметим, что ПСБ являются необходимым и важнейшим элементом ФСИН России. От возможности оперативной реализации возложенных на них полномочий зависит эффективное функционирование УИС на современном этапе, а также ее перспективное развитие.

Н.В. Шкурихина

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Уместно отметить, что большое значение в правоприменительной практике, в том числе в профилактической деятельности, имеет выявление вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Внешним проявлением может быть неоднократное появление несовершеннолетнего в состоянии алкогольного опьянения, одурманивания, доставление его в ОВД за бродяжничество или попрошайничество. Все перечисленные факты при их обнаружении должны становиться предметом следственной проверки в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ. При наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, необходимо возбуждение уголовного дела.

Поводами к возбуждению уголовного дела о вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий чаще всего служат:

а) непосредственное обнаружение признаков преступления правоохранительными органами. Как правило, выявление фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий происходит:

- при осуществлении различных поисковых и профилактических мероприятий;

- физическом задержании лица, организовавшего вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, указанных в ст. 151 УК РФ;

- оформлении административных материалов на лицо за совершение действий, нарушающих общественный порядок либо специальные предписания и правила;

- задержании несовершеннолетнего во время или сразу после совершения им антиобщественных действий;

б) сообщения и заявления граждан. Однако процент таких заявлений достаточно низок, так как многие не считают эти действия уголовно-наказуемыми, и, скорее, относят их к социальной проблеме;

в) сообщения должностных лиц. К ним относятся руководители школ, учебно-воспитательных учреждений, органов местного самоуправления.

Возбуждение уголовного дела о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий возможно при наличии следующих оснований:

- действия по вовлечению несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий должны носить систематический характер, т.е. должно быть установлено не менее трех фактов совершения указанных действий;

- вовлечение должно охватываться только теми антиобщественными действиями, которые указаны в ст. 151 УК РФ, так как данный перечень окончательный и не подлежит расширенному толкованию;

- данные действия должны быть совершены в отношении несовершеннолетнего, т.е. лица в возрасте до 18 лет;

- виновным в совершении преступления признается взрослое лицо, т.е. гражданин старше 18 лет;

- действия по систематическому вовлечению несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий должны быть совершены в определенный промежуток времени.

Указанные основания в обязательном порядке должны присутствовать в материалах предварительной проверки по поступившему сообщению (заявлению).

С.В. Шошин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Актуальные в современных условиях проявления процессов глобализации оказывают влияние и на процессы выявления, раскрытия и расследования многих видов преступлений. Не являются здесь исключением и преступления, включенные в главу 28 УК РФ, относящиеся к числу совершенных в сфере компьютерной информации. Реальностью становятся ситуации, обусловленные преступными деяниями, связанными с деятельностью организованной транснациональной преступности. Оперативность взаимодействия конкретных правоохранительных органов и иных силовых структур разных государств в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, оказывается зависящей от наличия международно-правовых соглашений, предусматривающих возможность использования подобных контактов¹. В некоторой мере помощь в организации подобного взаимодействия способен оказать Интерпол. Взаимодействующими в данном случае могут оказаться самые разнообразные государственные органы нескольких государств. Зачастую можно наблюдать и влияние некоторой степени политического компонента на процесс принятия подобных решений о взаимодействии и по организации его процесса как минимум со стороны иностранных партнеров. Для снижения возможности возникновения сложностей при достижении положительного результата при инициировании и организации подобного взаимодействия на межгосударственном уровне можно рекомендовать продолжить деятельность по расширению количества

¹ Валеев Д.М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 51.

подобных соглашений о правовой помощи по уголовным и иным делам.

Важным фактором в деятельности, связанной с выявлением, раскрытием и расследованием анализируемых уголовно наказуемых деликтов, можно назвать расширение возможностей сотрудничества с компетентными финансовыми структурами и подразделениями служб безопасности коммерческих организаций. Как правило, без полного представления о сущности соответствующих экономических (коммерческих) отношений довольно сложным может оказаться и выдвижение версий по конкретному делу о подобных преступлениях, а также производство отдельных следственных и иных действий. С другой стороны, актуален и надлежащий баланс, соблюдаемый правоохранительными и иными силовыми органами соответствующих государств в процессе выявления, раскрытия и расследования указанных деликтов, требующийся для исключения необоснованного причинения материального и иного вреда без законных к тому оснований. В частности, при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», важно максимально тщательно относиться не только к анализу информации, неправомерный доступ к которой получили подобные правонарушители, но и принять меры к его нейтрализации и обеспечению (по возможности) сохранности подобной информации в будущем как минимум на период производства соответствующего расследования.

Н.В. Шухова

О ЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЗНАВАТЕЛЯ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РФ

В формулировке названия статьи заложены два дискуссионных вопроса: один касается определения значения термина «криминалистическое обеспечение» деятельности уполномоченного должностного лица по раскрытию и расследованию преступлений; а другой – законодательных ограничений полномочий дознавателя воинской

части как субъекта, наделенного правом проведения предварительного расследования.

Сравнивая полномочия дознавателей различных правоохранительных органов, нельзя не обратить внимание на отличия деятельности дознавателя воинской части от дознавателей правоохранительных органов, предопределенную не только спецификой профессиональной сферы, но и отличиями нормативно-правовой базы, регламентирующей эту работу. В воинских частях в случае необходимости, которая возникает в зависимости от реальной обстановки (невозможно заранее предсказать частоту востребованности), командир воинской части, соединения, начальник военного учреждения вправе возложить (п. 7 ст. 5 УПК РФ) отдельные процессуальные полномочия органов дознания (ч. 3 ст. 41 УПК РФ) на подчиненных ему должностных лиц, назначая их дознавателями. Так, в военной организации, к которой относятся войска Национальной гвардии Российской Федерации, деятельность нештатного дознавателя воинской части регламентируется соответствующей инструкцией (Приказ ГП РФ от 23.10.2014 г. № 150) и имеет некоторые отличия от деятельности штатного дознавателя других правоохранительных органов и органов военной полиции как структурного подразделения Вооруженных сил Российской Федерации. Е.Ю. Суховецкая, С.А. Степанов, Е.А. Глухов, Н.Ю. Лебедев и другие указывают на законодательную базу¹ в определении полномочий дознавателя воинской части войск Национальной гвардии России, на которого, в отличие от других субъектов расследования преступлений, возложены лишь вопросы возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ), производства неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ) и далее – выполнения поручений следователя, что позволяет говорить о двойственном положении дознавателя воинской части как лица, отвлеченного от выполнения своих основных должностных обязанностей, и минимальном криминалистическом обеспечении его работы.

Понятию «криминалистическое обеспечение» в своих исследованиях уделяли внимание ученые-криминалисты Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.Ф. Волынский, В.А. Жбанков, В.Г. Коломацкий,

¹ Суховецкая Е.Ю., Степанов С.А. Проблемы законодательного регулирования проведения неотложных следственных действий органами дознания воинских частей внутренних войск МВД России: сб. стат. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2014. С. 584–589.

В.П. Лавров, Д.А. Натура, А.Г. Филиппов, Н.П. Яблоков и др. В итоге некоторые авторы термин «криминалистическое обеспечение» ограничивают рамками криминалистической техники, другие выносят за рамки науки криминалистики (В.Г. Коломацкий), ряд криминалистов усматривают в нем собственные структурные элементы (В.А. Жбанков), есть ученые, которые акцентирует внимание на информационном обеспечении в криминалистике (Т.В. Аверьянова) и те, кто развивают инновационную составляющую (А.Ф. Волынский) обсуждаемого содержания. Очевидно, что с данными трактовками нельзя не согласиться, однако с их количеством возрастает и неопределенность формулировки, в содержании которой бесспорно лишь значение «криминалистического обеспечения», состоящего, при условии использования научных достижений в криминалистике¹, в обеспечении качества практической деятельности, в том числе и деятельности дознавателя воинской части. Очевидно, что вопрос о криминалистическом обеспечении деятельности дознавателя воинской части, учитывая эпизодичность появления данной фигуры и недостаточный уровень его криминалистических знаний, навыков и умения как элементов криминалистического обеспечения деятельности субъектов предварительного расследования, требует своего решения.

В.Л. Юань

ХОББИ ОБВИНЯЕМОГО КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЕГО ЛИЧНОСТИ

Криминалистическая наука на сегодня имеет в своем распоряжении немало результатов научных исследований, посвященных изучению взаимосвязи между индивидуальными свойствами личности и формами ее проявления². Особую ценность имеют источники, в ко-

¹ Шухова Н.В. Инновации в криминалистике. Новосибирск, 2012. 156 с.

² Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167–170; Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н.Т. Ведерников. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 65–70; Ведерников Н.Т. Избранные труды. Т. 1. Томск: Издательство Томского университета, 2009. С. 91–92; Мазур Е.С. Дерматоглифика в исследованиях личности: криминалистический и судебно-

торых отразились индивидуальные особенности обвиняемого, поскольку через их познание доступно создание целостного представления об обвиняемом, на основе которого будет разрабатываться как тактика проведения следственных действий с его участием, так и вся стратегия расследования в целом. Опираясь на тезис о том, что хобби обеспечивает возврат к гомеостатическому состоянию, снижение уровня накопленного стресса, реализацию не нашедших выход в других сферах его жизни желаний, можно выделить хобби среди источников криминалистически значимой информации об обвиняемом. Классификация различных видов хобби по правилам формализации криминалистически значимых сведений о личности¹ позволила выделить следующие группы: первая – собирательство (коллекционирование предметов и вещей, поиск и сбор растений, насекомых, камней, шопинг); вторая – созидание (фотография, фэн-шуй, моделирование, скульптура, архитектура, живопись и рисование); третья – общение (групповое посещение кинотеатров, театров, музеев, выставок, групповой туризм, онлайн-игры, фанат спортивной команды, настольные игры); четвертая – саморазвитие (медитация, освоение компьютерных программ, иностранных языков, ведение дневников); пятая – эскапизм (компьютерные игры (офлайн), художественная и популярная литература, садоводство и цветоводство, уход за животными, прогулки на природе, кроссворды). Проблема анализа индивидуальных особенностей личности обвиняемого, выраженных в его склонности к конкретной группе хобби, – это недостаточный объем открытых для доступа результатов соответствующих научных исследований. Ряд исследований отдельных разновидностей хобби указывает на существование таких взаимосвязей².

медицинский аспекты / под ред. В.Н. Звягина. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 84–88.

¹ См., например: Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Фоминых И.С., Юань В.Л. Формализация результатов отражения личности преступника в следах преступления: криминалистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 170–178.

² Алексеева А.С., Миньков К.А., Оконечникова Л.В. Влияние ролевых компьютерных игр на личностные особенности подростков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 4 (156). С. 115; Корепанова И.А., Журкова Е.А. Коллекционирование – феномен культурный и психологический // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 32–33, 37.

Анализ взаимосвязи между личностью обвиняемого и его хобби позволил сделать следующие выводы: для собирательства характерны стремление к контролю, порядку, развитое чувство эстетики, для созидания – стремление к самовыражению, практичность, рационализм, для общения – общительность, предрасположенность к конформизму, высокий уровень социализации, для саморазвития – склонность к рефлексии, развитые волевые качества, целеустремленность, для эскапизма – предрасположенность к накоплению длительного напряжения, нервозность, недоверчивость.

Установление наиболее предпочтительных хобби обвиняемого позволит разработать наиболее действенную тактику проведения следственных действий с его участием и эффективно спланировать стратегию расследования преступления.

В.В. Якушев

ТАТУИРОВКА КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Татуировка является одним из источников получения криминалистически значимой информации, имеющей отношение к раскрытию и расследованию преступлений. Несмотря на долгую историю существования, до настоящего времени исследование данного явления сохраняют свою актуальность¹.

Различные способы нанесения татуировок, разнообразные признаки и свойства позволяют рассматривать их как своеобразный носитель определенной информации, в том числе и скрытой, когда семантика образа татуировки непонятна (имеет скрытое значение) и предназначена для передачи тайной информации. Получение этой информации при исследовании конкретной татуировки в настоящее время выходит за рамки простой расшифровки непонятного знака.

Татуирование – обычай выводить на теле нестирающиеся знаки. В отличие от временных способов менять свою внешность (причес-

¹ Тимофеева А.М. Мотивация стремления у молодых людей иметь татуировку // Психология в сфере образования, здравоохранения, производства, бизнеса и управления. 2014. Вып. X. С. 174.

ка, грим и др.), нанесенная татуировка без специальных усилий по ее выведению остается на теле. Говоря о «непроходимости», как главной критерии тауировки, помимо введения под кожу красящих веществ, в настоящее время к ней причисляют и многие другие необратимые манипуляции с человеческим телом, вроде шрамирования, намеренного выбивания зубов или даже ритуальных ампутаций. К этому же ряду явлений относят такие действия, как прокалывание и прижигание тела¹.

Внешний облик человека есть «форма объективизации внутреннего мира личности»², а одним из элементов (признаков) внешнего облика является татуировка. Поэтому до настоящего времени рассматриваются возможность и необходимость использования татуировок при установлении личности как живого человека, так и мертвого: выявление и фиксация татуировок в ходе наружного осмотра; изучение влияния различных факторов на сохранность и видимость татуировок; разработка способов визуализации татуировок, невидимых на момент осмотра трупа, при подозрении на их наличие, а также методов выявления при предположении о выполнении татуировки определенным красителем; разработка способов восстановления эластичности кожи для более детальной визуализации татуировки в случаях, когда она плохо просматривается; значение места локализации татуировки; изучение применяемых в настоящее время разнообразных методов удаления татуировок (химических, физических, в том числе хирургических), а также возможности устранения татуировки (или ее видимости) без повреждения кожи; изучение вопросов реакции организма на используемые красящие вещества татуировки – инертность красящих веществ по отношению к коже, различные (островоспалительные, аллергические и др.) реакции ограниченного и распространенного характера, осложнения после татуировок непосредственно после ее нанесения и спустя некоторое время.

Таким образом, выявление и изучение системы признаков таких объектов, как татуировки на теле человека, позволят усовершенствовать методику их выявления и оценки признаков при проведении исследования.

¹ Медникова М.Б. К вопросу о позитивном и негативном восприятии татуировок в древности // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 76.

² Бондаренко И.В. Личностная обусловленность оформления внешности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 155–157.

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, НАРУШИВШЕГО ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ПОДВЕРГНУТОГО АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Личность преступника, нарушившего правила дорожного движения, играет большую роль в структуре криминалистической характеристики нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Изучив материалы проверок и уголовных дел, можно выделить семь типов личности преступника, нарушившего правила дорожного движения, подвергнутого административному наказанию.

В зависимости от характерного поведения и действий водителей, остановленных инспекторами ДПС ГИБДД по подозрению в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, можно выделить следующие типы личности:

– «открыто враждебный» – открыто противодействующий, угрожающий, оказывающий физическое сопротивление инспекторам ДПС ГИБДД;

– «скрыто враждебный» – лицо, намеренно затягивающее проведение процессуальных процедур, отказывающееся подписывать процессуальные документы, неоднократно соглашающееся, а затем отказывающееся от производства освидетельствования, медицинского освидетельствования;

– «высокомерный» – обязывает сотрудников ДПС ГИБДД отпустить его, ссылаясь на свое должностное положение или имеющиеся личные связи с руководством МВД, угрожает инспектору ДПС ГИБДД потерей работы и т.д.;

– «авантюристский» – отрицает факт управления транспортным средством, пересаживается на пассажирские сидения и утверждает, что спал, выпивает алкогольные напитки после остановки транспортного средства инспекторами ДПС ГИБДД, выбегает вместе со всеми пассажирами из транспортного средства после его остановки и пытается ввести в заблуждение сотрудников ДПС ГИБДД относительно лица, управлявшего транспортным средством;

– «давящий на жалость» – рассказывает инспектору ДПС ГИБДД все свои жизненные трудности, тем самым пытаясь разжалобить его, а затем просит простить и отпустить;

– «коррупционный» – предлагает взятку и просит не оформлять протокол;

– «содействующий» – признает свою вину, не оказывает противодействия.

Проанализировав судебно-следственную практику разных субъектов Российской Федерации, можно предложить «типовой информационный портрет личности преступника», нарушившего правила дорожного движения, подвергнутого административному наказанию. Это лицо мужского пола от 25 до 39 лет, имеющее среднее или среднее профессиональное образование, как правило, без постоянного источника дохода, состоящее в браке, систематически пьющее или привычно употребляющее алкогольные напитки, для него характерно бытовое пьянство с признаками алкогольной зависимости без очевидной деградации личности. Большинство нарушителей характеризовались отрицательным допреступным поведением с асоциальными чертами, но также встречаются случайные или ситуативные нарушители правил дорожного движения¹.

Полагаем, что знание характеристики личности нарушителя правил дорожного движения, подвергнутого административному наказанию, будет способствовать правильному выбору тактических приемов для эффективного производства отдельных следственных действий и оптимизации расследования преступления в целом.

¹ Ясенева М.О. Криминалистическая характеристика лиц, совершивших преступление, предусмотренное статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ДВЮИ МВД России. 2018. № 2 (43). С. 133–136.

НАШИ АВТОРЫ

- Абрамов Иван Александрович** – начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, адъюнкт Академии ФСИН России.
- Аверченко Александр Критэрьевич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института (филиала) Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Акунченко Евгений Андреевич** – старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета.
- Александров Андрей Станиславович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, майор внутренней службы.
- Алексеева Татьяна Александровна** – преподаватель кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия.
- Алфимова Ольга Александровна** – начальник кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Аниськин Сергей Иванович** – старший преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Антонов Тимофей Геннадьевич** – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Антонова Екатерина Александровна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Анцибалова Ольга Владимировна** – старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Ахмедшин Рамиль Линарович** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Бабушкина Елена Анатольевна** – мировой судья третьего судебного участка Центрального судебного района г. Новосибирска.

- Байкова Ирина Николаевна** – старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Батраков Алексей Владимирович** – старший преподаватель кафедры публичного права Сибирского государственного университета путей сообщения.
- Беларева Ольга Александровна** – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Бойко Юрий Леонидович** – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.
- Ботвин Илья Викторович** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Бубербаев Нурлан Дюсентаевич** – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Будкина Инна Сергеевна** – старший преподаватель кафедры теории и методики социальной работы, аспирант кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета.
- Валеев Марат Тагирович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Васильев Игорь Валерьевич** – доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения лечебного факультета Новосибирского государственного медицинского университета Минздрава России, кандидат медицинских наук, доцент.
- Веселова Анна Петровна** – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат исторических наук.
- Воронин Сергей Эдуардович** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор.
- Галушин Павел Викторович** – старший преподаватель кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук.

- Герасимов Алексей Алексеевич** – старший преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Горелкин Алексей Геннадьевич** – старший преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения лечебного факультета Новосибирского государственного медицинского университета Минздрава России, кандидат медицинских наук.
- Гулевич Зинаида Августовна** – адвокат филиала № 13 г. Когалым ХМАО–Югры.
- Гутник Сергей Иосифович** – доцент кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.
- Давыдов Сергей Иванович** – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, доктор юридических наук.
- Даштаар-оол Виктория Оюновна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Тувинского государственного университета, адвокат Адвокатской палаты Республики Тыва.
- Дворцов Василий Борисович** – начальник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук.
- Драпезо Роман Григорьевич** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.
- Дудина Надежда Афанасьевна** – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Егошин Вадим Вячеславович** – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Алтайского института экономики – филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.
- Елисеев Сергей Александрович** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук.
- Ерахмилевич Владислав Валерьевич** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

- Ермакова Ольга Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Ефименко Александр Александрович** – старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук.
- Журавлева Екатерина Анатольевна** – старший преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Журавлева Ирина Анатольевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Иванов Игорь Владимирович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Иванова Антонина Николаевна** – начальник кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Иванова Елена Сергеевна** – заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Извексов Артем Вячеславович** – студент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Илларионова Ольга Сергеевна** – инспектор-дежурный бюро регистрации несчастных случаев ГУ МВД России по Алтайскому краю.
- Исакова Татьяна Игоревна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России, кандидат педагогических наук.
- Кабанова Жанна Юрьевна** – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы.
- Казанцев Дмитрий Александрович** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

- Касаткина Наталья Владимировна** – старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Ким Андрей Васильевич** – аспирант Юридического института Кемеровского государственного университета.
- Климентьева Кристина Сергеевна** – магистр Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Климов Артем Андреевич** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им Ф.М. Достоевского.
- Князьков Алексей Степанович** – заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Козловский Петр Валерьевич** – ученый секретарь Ученого совета Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Корнилов Александр Васильевич** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Коробкова Елена Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Кривошеин Иван Тимофеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Кужугет Таан-оол Кашпынаевич** – доцент кафедры уголовного права и процесса Тувинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Кузнецов Александр Александрович** – профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
- Куряхова Татьяна Владимировна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.
- Лебедев Николай Юрьевич** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.
- Лелик Наталия Борисовна** – доцент кафедры Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук.

- Лозинский Игорь Владиславович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института ТГУ, кандидат юридических наук, доцент.
- Мазур Екатерина Сергеевна** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, доцент.
- Макеев Николай Николаевич** – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.
- Малетина Мария Александровна** – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Мариничева Анна Юрьевна** – менеджер Юридического института Томского государственного университета.
- Мартыняхин Леонид Федорович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Медведев Сергей Васильевич** – заместитель прокурора Новосибирской области.
- Мигунов Олег Семенович** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Михалева Дарья Александровна** – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Мошненко Олеся Валерьевна** – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России.
- Негодина Олеся Анатольевна** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Никитина Ирина Александровна** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Новиков Егор Евгеньевич** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук.

- Обухов Игорь Анатольевич** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Овсянников Валерий Валерьевич** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Опацкая Стелла Павловна** – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Остробородов Владислав Владимирович** – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.
- Островский Олег Александрович** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского государственного университета.
- Писарев Олег Михайлович** – начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы ФКУ ДПО «Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России», кандидат психологических наук, доцент.
- Писаревская Елена Анатольевна** – зав. кафедрой уголовного права и процесса Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Прозументов Лев Михайлович** – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Пропостин Андрей Александрович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Прохорова Мария Владимировна** – начальник кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, майор внутренней службы.
- Рахматулин Закир Равильевич** – старший преподаватель кафедры государственно-правовых и отраслевых юридических дисциплин Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета.
- Режапова Ирина Михайловна** – доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат филологических наук.

- Сафронов Дмитрий Михайлович** – заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Светлана Александровна Ступина** – доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Серова Валентина Евгеньевна** – прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов СК РФ Северо-Западной транспортной прокуратуры РФ, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ.
- Сибиряков Сергей Львович** – зав. кафедрой уголовного права и процесса, Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.
- Скоревич Алена Сергеевна** – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Смыслова Вера Николаевна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.
- Сотников Антон Геннадьевич** – следователь по особо важным делам второго отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) СУ СК России по Новосибирской области, майор юстиции, аспирант Алтайского государственного университета.
- Сутурин Михаил Александрович** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Суховецкая Елена Юрьевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала-армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент.
- Тепляшин Павел Владимирович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Титаренко Андрей Павлович** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.
- Трухин Александр Михайлович** – кандидат юридических наук доцент Сибирского института бизнеса, управления и психологии.

- Турышев Александр Александрович** – доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Усеев Ренат Зинурович** – доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Уткин Владимир Александрович** – директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Уткина Светлана Сергеевна** – судья Томского областного суда, кандидат юридических наук, доцент.
- Фоминных Илья Сергеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Чаднова Ирина Владимировна** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Черноусова Анастасия Владимировна** – ассистент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Шаганова Ольга Михайловна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Шевченко Константин Владимирович** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Шепель Наталья Вячеславовна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Шерстяных Александра Сергеевна** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук.
- Шеслер Александр Викторович** – доктор юридических наук, профессор Кузбасского института ФСИН России.
- Шилов Константин Александрович** – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повыше-

ния квалификации работников ФСИН России, подполковник внутренней службы.

Шкурихина Надежда Валерьевна – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Шошин Сергей Владимирович – доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент.

Шухова Наталья Викторовна – доцент кафедры уголовного права и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат технических наук, доцент.

Юань Владимир Лишиньевич – старший преподаватель кафедры геоинформатики и кадастра Института кадастра, экономики и инженерных систем в строительстве Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Яковлева Екатерина Валерьевна – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.

Якушев Виталий Вячеславович – старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России.

Янгаева Марина Олеговна – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Шеслер А.В. Содержание небрежности	3
Ботвин И.В. Реализация отдельных принципов уголовного закона в его последних изменениях	5
Ермакова О.В. Сложности квалификации преступлений, связанные с определением конструкции состава оконченного преступления	7
Турышев А.А. Возраст субъекта преступления	9
Трухин А.М. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за убийство (ст. 105 УК РФ)	10
Малетина М.А. Перспективы совершенствования нормы, предусматривающей уголовную ответственность за содействие совершению самоубийства	12
Уткина С.С. Некоторые тенденции назначения наказаний несовершеннолетним	14
Валеев М.Т. Последствия преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.6 УК РФ	16
Бабушкина Е.А. Незаконное потребление электроэнергии: спорные вопросы квалификации	19
Черноусова А.В. Мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы как квалифицирующий признак умышленного уничтожения или повреждения имущества	21
Лозинский И.В. К вопросу о дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности	23
Никитина И.А. Совершенствование уголовно-правовой охраны экономики	24
Опацкая С.П. Автомобиль как предмет преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ	27
Беларева О.А. Спорные вопросы квалификации легализации имущества, приобретенного в результате сбыта наркотических средств	28

Елисеев С.А. К вопросу криминализации деяний, посягающих на общественную нравственность	30
Шаганова О.М. Некоторые вопросы привлечения к ответственности пособника при жестоком обращении с животным, совершенном с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)	32
Ступина С.А. Отдельные вопросы квалификации преступлений, предметом которых выступает древесина	34
Яковлева Е.В. Виды официальных документов, являющихся предметами преступлений против порядка управления	35
Корнилов А.В. Момент окончания вооруженного мятежа: законодательная регламентация и судебная практика	37
Акунченко Е.А. Об элементах системы коррупционной преступности в избирательном процессе Российской Федерации	39
Алфимова О.А. К вопросу об условно-досрочном освобождении осужденных, отбывающих лишение свободы в следственном изоляторе	41
Аниськин С.И. О порядке содержания осужденных в следственных изоляторах	43
Антонов Т.Г. Уголовно-правовое и уголовно-исполнительное принуждение: сходства и отличия	44
Анцибалова О.В. Новеллы Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ в регулировании служебного времени и времени отдыха сотрудников УИС	46
Бубербаев Н.Д. Нравственный кризис в системе детерминант преступности города Астаны	48
Будкина И.С. Возмещение вреда несовершеннолетним, потерпевшим от преступлений, как мера восстановления нарушенных прав	50
Веселова А.П. Нормативные акты, регулирующие порядок содержания политических заключенных в Российской империи в конце XIX – начале XX в.	51
Герасимов А.А. Об основаниях введения режима особых условий в исправительных учреждениях	53
Гутник С.И. О некоторых мерах антикриминальной безопасности личной информации	55

Дворцов В.Б., Ефименко А.А. Особенности реализации процесса обучения как элемента исправления осужденных в лечебных исправительных учреждениях	56
Иванова А.Н. Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции как участник уголовного судопроизводства	58
Лелик Н.Б. Некоторые вопросы привлечения к труду осужденных женщин	59
Медведев С.В. Противодействие современной молодежной преступности в аспекте укрепления российской государственности	61
Мошненко О.В. Взаимодействие общественных наблюдательных комиссий с органами и учреждениями УИС: проблемы и перспективы	63
Новиков Е.Е. Об отрицательной стороне правомерного бездействия как юридического факта	64
Ольховик Н.В. Применение альтернатив лишению свободы к несовершеннолетним	66
Писарев О.М. Вопросы формирования психологических установок противодействия коррупции у сотрудников уголовно-исполнительной системы	67
Писаревская Е.А. К вопросу об отдельных направлениях предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних	69
Прозументов Л.М. Некоторые криминологические аспекты института соучастия	71
Пропостин А.А. Понятие и содержание прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний	73
Прохорова М.В. К вопросу о правовой регламентации применения мер безопасности сотрудниками УИС	74
Рахматулин З.Р. Судейское усмотрение при разрешении вопросов, связанных с корректировкой непенитенциарного режима	76
Режапова И.М. Зарубежный опыт предупреждения рецидивной преступности (на примере США, Великобритании и Канады)	77
Сибиряков С.Л. Концептуальные аспекты укрепления государственности и формирования солидарного общества России	79
Сутурин М.А. К вопросу о криминологическом обосновании эффективности уголовного наказания	82

Суховецкая Е.Ю. Совершенствование антикоррупционной политики в войсках национальной гвардии Российской Федерации	83
Тепляшин П.В. Реализация концепта «глобальной справедливости» в уголовно-исполнительном праве (на примере практики Европейского суда по правам человека)	85
Титаренко А.П. Об отсутствии криминологической обусловленности уголовной ответственности за размещение в сети «Интернет» фотографий, свидетельствующих о неполноценности человека по признаку его социальной, религиозной или иной принадлежности	86
Усеев Р.З. Проблемы понимания и применения мер безопасности в уголовно-исполнительной системе	88
Уткин В.А. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г.: к методологии проекта	89
Чубраков С.В. Меры взыскания и иные меры, ими не являющиеся, в механизме обеспечения исполнения уголовно-исполнительных предписаний	92
Шевченко К.В. Проблемы организации трудовой деятельности осужденных при контрактной системе	95
Шерстяных А.С. Математическое моделирование и прогнозирование наркоситуации в целях противодействия развитию наркомании	96
Журавлева Е.А. К вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания	98

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аверченко А.К. О некоторых аспектах подсудности уголовных дел на новом этапе судебной реформы	100
Александров А.С. Некоторые особенности осуществления полномочий органа дознания начальником исправительного учреждения	102
Даштаар-оол В.О. К вопросу о двойной защите в уголовном судопроизводстве	103
Дудина Н.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве – 10 лет в российском уголовном процессе	105
Исакова Т.И. Некоторые особенности полномочий следователя при осуществлении мер процессуального принуждения	107

Ким А.В. Электронные носители информации в досудебном производстве	108
Климов А.А. О механизме выявления пробелов в уголовно-процессуальном праве органами конституционной юстиции Российской Федерации	110
Козловский П.В. Обеспечение непосредственности судебного разбирательства средствами досудебного производства	111
Коробкова Е.Е. Начало досудебного расследования по уголовно- процессуальному законодательству республики Казахстан: итоги реформирования	113
Курахова Т.В. Восстановление утраченного в суде уголовного дела возможно без возвращения в досудебные стадии	115
Макеев Н.Н. Правовые проблемы защиты средствами прокурорского надзора интересов субъектов малого и среднего бизнеса при оплате заказчиками обязательств по исполненным государственным и муниципальным контрактам	117
Мариничева А.Ю. О содержании прокурорского противодействия экстремизму	119
Мартыняхин Л.Ф. О некоторых понятиях, используемых в ст. 5 УПК РФ	121
Сафронов Д.М. В Российской Федерации назрела необходимость правового регулирования государственной деятельности при возникновении особых условий	123
Смыслова В.Н. Вопросы правового регулирования участия психолога в следственных действиях с лицами, имеющими физические и (или) психические недостатки	124
Чаднова И.В., Извеков А.В. Цифровые следы как самостоятельное доказательство	126

КРИМИНАЛИСТИКА

Абрамов И.А. К вопросу о содействии адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	129
Алексеева Т.А. Структура модели поведения участника следственного действия	131
Антонова Е.А., Байкова И.Н. К вопросу о планировании предварительного расследования	132

Ахмедшин Р.Л. О связи мотивационной типологии серийных преступников с акцентуированными типами личности	134
Батраков А.В. Установление причинных связей и соотношение данной деятельности с процессом доказывания	136
Бойко Ю.Л. О проблемах использования оперативно-розыскных данных в ходе предварительного расследования	138
Васильев И.В., Горелкин А.Г. Интерпретационные проблемы расследования незаконного осуществления медицинской деятельности	140
Воронин С.Э. Организационно-тактические проблемы расследования деятельности организованного преступного сообщества	142
Галушин П.В. Возможности автоматизированного анализа социальных сетей для решения отдельных задач оперативно-розыскной деятельности	144
Гулевич З.А. Методы исследования микроследов взрывчатых веществ в автомобилях и на людях	145
Давыдов С.И. О формировании частных оперативно-розыскных методик раскрытия преступлений: ситуационный подход	147
Драпезо Р.Г. Нюансы построения оперативно-розыскной характеристики убийств, где огонь применяется как средство сокрытия преступления	149
Егошин В.В. Об использовании помощи населения при расследовании незаконной охоты	151
Ерахмилевич В.В. Проблемы расследования ятрогенных преступлений	152
Журавлева И.А. Процесс распознавания в судебной экспертизе	154
Иванов И.В. О системе тактических приемов изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием	155
Иванова Е.С., Байкова И.Н. Особенности участия специалиста при осмотре мест несанкционированных врезок в нефтепровод и нефтепродуктопровод	158
Илларионова О.С. Криминальное противодействие раскрытию преступлений как причина возникновения конфликтных оперативно-розыскных ситуаций	159
Кабанова Ж.Ю. Использование сотрудниками исправительных колоний криминалистических средств и методов при осуществлении процесса доказывания основания применения мер взыскания к осужденным	161

Казанцев Д.А. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ	163
Касаткина Н.В. Складные ножи: история и современность	165
Климентьева К.С. Негативные обстоятельства в криминальной инсценировке	167
Князьков А.С. Проблемы производства обыска и выемки по делам о незаконном сбыте наркотических средств, осуществляемом путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей	168
Кривошеин И.Т. О природе субъектной идеологии	170
Кужугет Т.К. Криминалистический метод налогового анализа – основа налоговедческой экспертизы	172
Кузнецов А.А. Взаимодействие следователя и органа дознания при поступлении заявления (сообщения) о преступлении	174
Лебедев Н.Ю. Криминалистическое обеспечение подготовки и участия сторон в судебном следствии по делам частного обвинения: назревшая необходимость или дань моде?	176
Мазур Е.С. Понятие криминалистической характеристики ятрогенных преступлений	177
Мигунов О.С. Анализ аккаунтов социальных сетей суицидента как средство изучения личности потерпевшего при расследовании доведения до самоубийства	179
Михалева Д.А. К вопросу об осмотре места происшествия по фактам истязания	181
Негодина О.А. Теоретические проблемы изучения темы «почерковедение»	183
Обухов И.А. Механизм слеодообразования как элемент криминалистической характеристики преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции	185
Овсянников В.В. Проблемы криминалистического исследования внешнего облика человека, измененного посредством косметических и хирургических операций	186
Остробородов В.В. О некоторых недостатках, встречающихся при назначении судебно-медицинской экспертизы трупа	188

Островский О.А. Процессы применения информационных следов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации	190
Серова В.Е. Обстоятельства, подлежащие установлению по делу об управленческом преступлении в сфере оборонно-промышленного комплекса, и их значение в деятельности прокурора	192
Скоревич А.С. История тактико-криминалистического изучения личности	193
Сотников А.Г. Взаимодействие как основа противодействия совершению незаконных валютных операций	195
Фоминых И.С. Макет как дидактическое средство изучения криминалистики	197
Шепель Н.В. О значении экспертизы запаховых следов человека	199
Шилов К.А. К вопросу о правовом обеспечении оперативно-служебной деятельности подразделений собственной безопасности ФСИН России	200
Шкурихина Н.В. Особенности возбуждения уголовного дела по вовлечению несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий	202
Шошин С.В. Некоторые особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации в условиях глобализации	204
Шухова Н.В. О значении криминалистического обеспечения деятельности дознавателя воинской части войск национальной гвардии РФ	205
Юань В.Л. Хобби обвиняемого как источник криминалистически значимой информации о его личности	207
Якушев В.В. Татуировка как источник криминалистически значимой информации	209
Янгаева М.О. Типология личности преступника, нарушившего правила дорожного движения, подвергнутого административному наказанию	211
Наши авторы	213

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 82

Сборник статей

Редактор Н.А. Афанасьева
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 09.09.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 15,7. Тираж 500 экз. Заказ № 3973.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-847-4

9 785946 218474